

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПРАВА
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

**ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ**

*Сборник статей
Международной научно-практической конференции
г. Уфа, 16-17 апреля 2015 г.*

Часть 1

Уфа
РИЦ БашГУ
2015

УДК 340
ББК 67
П78

Редакционная коллегия:

Галиев Ф.Х. – канд. ист. наук, доцент (*отв. редактор*);
Раянов Ф.М. – д-р юрид. наук, профессор;
Утяшев М.М. – д-р юрид. наук, профессор;
Азнагулова Г.М. – канд. юрид. наук, доцент;
Газизова Л.М. – старший преподаватель (*отв. секретарь*)

**Правовое государство: проблемы понимания
и реализации:** сборник статей Международной научно-
практической конференции (г. Уфа 16-17 апреля 2015 г.) /
отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ,
2015. – 250 с.

ISBN 978-5-7477-3807-2

Сборник предназначен для научных исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов, практических работников, а также для всех интересующихся проблемами формирования и развития правового государства.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-7477-3807-2

© БашГУ, 2015

УДК 342.2(470)

*Раянов Ф.М.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Института права БашГУ.
Г. Уфа, Россия*

ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В ЕГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ

В настоящее время в отечественной юридической науке сложились представления о гражданском обществе и правовом государстве в соответствии с учением Г. Гегеля. Однако в реальной общественно-политической жизни развитых стран эти понятия и соответствующие им отношения реализовались в соответствии с учением Д. Локка. Россия, также как и некоторые другие страны, придерживается гегелевского понимания гражданского общества и правового государства. Такое состояние отражается и на отставании России в социально-экономической сфере. В статье предлагаются пути переосмысления такого состояния в нашей стране.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, учение Д. Локка, учение Г. Гегеля, общественный договор, понимание права.

*Rayanov F.M.,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory of State and Law
Law Institute BSU.
Ufa, Russia*

UNDERSTANDING OF CIVIL SOCIETY AND THE RULE OF LAW IN THE DOMESTIC LEGAL SCIENCE AND CONTEMPORARY NEEDS IN ITS REINTERPRETATION

Currently, the domestic legal science the notion of the civil society and rule of law In compliance with the teachings of Hegel. However, in real socio-political life of developed countries these concepts and their corresponding relationships implemented in accordance with the teachings of John Locke. Russia, as well as some other countries to adhere to Hegel's understanding of civil society and the rule of law. Such states-of reflected in the backlog of Rus-

sia in the socio-economic sphere-D. The paper suggests ways to rethink this state in our country.

Key words: civil society, rule of law, the doctrine of John Locke, the doctrine of Hegel, the social contract, understanding the law.

Постсоветская теоретическая правовая наука начала осмысливать вопросы правового государства после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года в состоянии не только собственной предметной и методологической неопределенности, но и вне связи правового государства с гражданским обществом. Да и на самом деле отечественная теоретическая правовая наука, с одной стороны, даже не успела полностью «оторваться» от методологических схем, сформированных в советские времена, а с другой стороны, появляется основной закон, с совершенно новыми параметрами общественно-политического развития. В этих условиях, по нашему мнению, необходимо было фундаментально переосмыслить всю прежнюю теорию государственно-правового развития. Но, по различным причинам, такое переосмысление не осуществлялось. В результате в нашей стране на сегодняшний день сложились специфические представления как о гражданском обществе, так и о правовом государстве. Институты гражданского общества и правового государства не только, по нашему мнению, не правильно понимаются, но им явно не отводится подобающего места в процессе организации исследований важнейших проблем во всей теоретической правовой науке. Короче говоря, до сего времени отечественная наука «Теория государства и права» вопросами гражданского общества и правового государства серьезно не занимается. В то же время именно первые три статьи Конституции Российской Федерации, посвященные сути смены старой парадигмы на новую парадигму общественно-политического развития, т. е. обращенные к природе и сущности гражданского общества и правового государства, на практике до сих пор остаются полностью не реализованными.

В связи со сказанным, представляется уместным привести здесь схожую характеристику состояния современной отечественной теоретической правовой науки, высказанную заведующим сектором теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессором Н. А. Власенко. В частности, он пишет: «состояние научной юридической мысли можно охарактеризовать как «кружение мутной воды». В настоящее время практически нет новаторских научных работ, создающих направления в исследовании, решающих конкретную проблему» [1, с. 36].

Сказанное в полной мере относится и к проблемам не исследованности теории подлинного гражданского общества и соответствующего ему правового государства. По нашему мнению, именно из-за игнорирования

проблем, связанных с выявлением подлинных основ гражданского общества и правового государства, остаются до сих пор неразрешенными в нашей стране такие фундаментальные проблемы государственно-правового развития, как природа и сущность общественного договора, конституционализма, парламентаризма, верховенства права и некоторые другие. В частности, сюда можно отнести и проблему, сложившуюся именно в нашей стране, формального отношения к важнейшему обществоведческому положению о народе как единственном источнике власти и тесно связанным с ним явлениям.

Правда, о народе как о единственном источнике власти, хотя формально, но что - то еще нам известно и об этом иногда вспоминают в теоретической правовой науке. Но вот о народе же, как о единственном источнике права, отечественная юридическая наука пока еще вообще ничего даже не знает. Да, я не оговорился: именно государство - образующего народа или гражданского общества, что, по нашему мнению, одно и то же, необходимо рассмотреть в качестве не только единственного источника власти, но и единственного источника права. К тому же, если положение о том, что «народ является единственным источником власти» прямо предусмотрено в Конституции Российской Федерации (ст. 3), то выражение о том, что «народ является и единственным источником права» официально нигде не закреплено. Да и вообще вопросы о сущности права, если к ним не подходить с позиций подлинного гражданского общества и соответствующего ему правового государства, то, по нашему мнению, никогда и не прояснятся. Поэтому на этой проблеме хотелось бы остановиться подробнее.

Отечественная юридическая наука, по отношению к пониманию права, долгое время развивалась в режиме смены черного режима на белый режим. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в советское время. Сначала критиковалось все внешнее-буржуазное, включая и его право, как абсолютно черное, не воспринимаемое революционным правосознанием. Но, когда социализм у нас победил «полностью и окончательно» недостатки, по отношению к праву, нашлись и внутри советского социалистического права. Стали говорить о социализме с человеческим лицом и соответственно этому о должном гуманном праве и критиковать А. Вышинского за то, что он в праве выпячивал элемент принуждения. Но достаточно обстоятельно доказывая тезис о том, что в праве главное не принуждение, все же, в нашей юридической науке так и не вышли на то, что же, все-таки, является главным в праве. Ведь можно до бесконечности говорить о гуманности права, но только этим путем все равно нельзя выйти на самую главную сущность права. Не помогают в этом вопросе и попытки «изобретения» так называемого правового закона, если правовой закон не увязан с народом, как единственным источником права. В отече-

ственной же теоретической правовой науке, употребляя понятие «правовой» по отношению к закону, все еще не выходят на позиции сущностной характеристики самого права, нередко объявляют его продуктом правотворческой деятельности государства. Короче говоря, вопрос о том, что на самом деле представляет собой право, употребляемое в отечественной юриспруденции, и что в нем главное, сущностное остается до сих пор открытым и нуждающимся в основательном исследовании.

Наши исследования, связанные с проникновением в подлинную сущность гражданского общества и правового государства [3], позволяют, действительно, как нам представляется, добраться до главного в праве. В частности, мы пришли к выводу, что разрешение проблем юриспруденции в целом и вопроса о сущности права, как предмета работы юристов, в частности, органически связано с состоянием взаимосвязанности общества (гражданского общества) и государственной власти. Другими словами, разрешение проблем и в юриспруденции нужно начинать с осмысления и увязки их с общественным договором, конституционализмом, гражданским обществом и правовым государством. Если мы пойдем таким путем, то непременно выйдем на утверждение о том, что право – это, прежде всего, общественный договор, в соответствии с которым формируется гражданское общество. В современном же цивилизованном мире общественный договор составляет основную концепцию конституции страны. Как она составлена, представляет ли интересы народа, какие блага позиционирует и гарантирует своим гражданам, насколько соответствует принципам подлинного правового государства – от этого в значительной степени и зависит природа и сущность всей, последующей юриспруденции. Только тогда мы выйдем и на подлинную сущность, а отсюда поймем и основное назначение юриспруденции, т. е. учения о праве и его социальном назначении. При таком подходе, подлинной же сущностью права окажется общественный договор в самом классическом (англо - американском) его понимании. Но самой главной «наградой», если мы выйдем на позиции действительного общественного договора, будет то, что мы выйдем, как уже отмечалось, и на позиции подлинного права, а отсюда и современного гражданского общества и правового государства.

Поскольку здесь мы ведем речь о подлинном правовом государстве, то хотелось бы подчеркнуть, что ядром общей теории правового государства, как бы это не прозвучало парадоксально, также является само право, но только в англо-американском его понимании. Отсюда и весь смысл подхода к правовому государству и в нашей стране заключен в самом подходе к понятию «право». Идя только таким путем, мы выходим и на понятие «право», тесно связанного с волей народа, выраженного в общественном договоре. Государство - образующий народ в лице гражданского общества, начиная с Нового времени, рассматривается не только един-

ственным источником власти и носителем суверенитета, но и является единственным источником права. По-другому и быть не может: не может же единственный источник власти не быть еще, одновременно, и единственным источником права. Иначе как же единственный источник власти может реализовать свою волю: ведь исключительные властные полномочия народа можно реализовать только с помощью общественного договора, который, в свою очередь, на деле является и основным источником (формой) права. Именно общественный договор объединяет людей в единое гражданское общество той или иной страны. Учрежденная на основе этого же источника права (общественного договора) государственная власть и является правовым государством.

Именно, в соответствии с ценностями Нового времени, вместо абсолютной монархии или иного неограниченного в своей деятельности государства, источником, как права, так и власти становится государство - образующий народ или, как мы уже определились ранее, гражданское общество. В свою же очередь, гражданское общество на практике – это объединение граждан-избирателей государственных органов, которое оформляет свою волю в общественном договоре, а позднее в конституции общества, и соответственно этим источникам права формирует органы государственной власти и определяет пределы их деятельности. Но, чтобы все это понять необходимо еще и еще раз проникнуть во всю глубину философии взаимоотношения общества и государственной власти, раскрытой Д. Локком, и первоначально реализованной в Новой Англии, затем и в самой Великобритании, а также в США. Сегодня же по англо-американской модели государственности живут более 30 государств мира. Это самые развитые государства. Они перечислены в Индексе человеческого развития, разработанном Программой развития ООН [2]. Здесь они занимают самые высшие ступеньки списка.

Конечно, все это понять особенно сложно в нашей стране, где сложились несколько иные представления не только об общественном договоре, но и о гражданском обществе и правовом государстве. Именно поэтому обо всем этом и здесь приходится вести подробные и основательные разговоры. Только таким путем можно добраться до самых истоков понимания этих идей и в нашей стране. Вот, именно, для этого, по моему мнению, сначала необходимо пройти по следам формирования в отечественной теоретической правовой науке представлений о правовом государстве. Если мы дойдем до природы и сущности подлинного правового государства, то выйдем и на природу и сущность подлинного права. Тем более у нас в постсоветский период первоначально появились разговоры не об общественном договоре, не о сущности права и даже не о гражданском обществе, а именно о правовом государстве. Да и все это потому, что в нашей Конституции 1993 года впервые появилось выраже-

ние «правовое государство». Вот и стали его употреблять повсюду, не вникая в подлинную сущность.

Более того, многие отечественные правоведы даже подчеркивали, что проблемами правового государства в нашей стране необходимо заниматься потому, что постсоветская Россия в своей Конституции 1993 года однозначно позиционировала себя именно правовым государством. Они даже глубоко не вникали в проблему того, почему в постсоветской Конституции Российской Федерации появилось такое явление как правовое государство. Между тем к идеям правового государства и в нашей стране мыслители вышли на основе анализа недостатков, как капиталистического, так и социалистического типов государства. Здесь сыграла свою роль и прогрессивная мировая общественно-политическая практика в области строительства правового государства. Поэтому мы считаем, что запись в Конституции постсоветской России о том, что она себя позиционирует в качестве правового государства, вполне была продуманной и полностью соответствующей стратегическому развитию общественно – политической системы, как в нашей стране, так и во всем современном мире. К тому же правовое государство для постсоветской Российской Федерации в 1990-е годы однозначно и достаточно обоснованно было предложено именно в качестве нового типа государства взамен прежнего советского государства. Ведь советское государство всеми политическими силами и научной общественностью в течение длительного времени однозначно трактовалось как самостоятельный тип государства. Отсюда, рассуждая логически, нельзя не прийти к выводу о том, что и постсоветское государство, идущее на смену прежнему, не выдержавшему испытания практикой, типу государства, не может не быть принципиально новым, самостоятельным типом государства, во всяком случае, по отношению к советскому социалистическому типу государства.

Однако трансформационный период, от советского государства к новому постсоветскому типу государства, в нашей стране изрядно затянулся. Более того, о правовом государстве после 90-х годов прошлого века, в частности, в нулевые годы XXI века, стали говорить все меньше и меньше. К настоящему времени создается даже такое впечатление, что правовое государство, поскольку относится к западному «изобретению», как – будто и для современной России вообще не подходит. Создается такое впечатление, что вопрос о правовом государстве в России сегодня даже наукой серьезно не поставлен. Но, в то же время, природа, сущность и социальное назначение постсоветского государства продолжают оставаться неопределенными и так жить дальше вряд ли можно.

Но как бы там ни было, постсоветская Россия до сих пор еще не нашла и другую, новую, жизнеутверждающую концепцию своей будущей государственно-правовой жизни. В этом смысле природа государственно-

сти постсоветской России на сегодняшний день находится в состоянии даже «пугающей» неопределенности. Так, коммунисты считают, что сегодня в России сформировалось капиталистическое олигархическое государство и поэтому безуспешно призывают обратно в советское государство. Некоторые сегодняшнюю Россию позиционируют как государство с сильным авторитарным режимом и пытаются обосновать ее будущее лишь в таком виде. Некоторые же вообще считают, что в сегодняшней России сформировалось некое криминальное государство. И это далеко не полный перечень высказываний о природе сегодняшнего российского государства. Поэтому нас до сих пор продолжает беспокоить отсутствие в современной России, однозначно поддержанной официальной властью, типологической характеристики ее действующей государственности. Ведь не может государственная власть на долгое время оставаться неопределенной в типологическом отношении. То есть, любая государственная власть должна определиться в тех принципах, на которые она опирается в своей деятельности, в тех ценностях, которые она ставит во главу угла в своей повседневной жизнедеятельности. Но попытки определяться будущим Российского государства и не затрагивать при этом вопросы гражданского общества и правового государства просто не получаются. Потому, что развитые на сегодня государства живут и продолжают прогрессировать благодаря, именно, тому, что в процессе организации общественной жизни своих граждан активно используют институты гражданского общества и правового государства.

В целом, сфера выяснения роли и значения гражданского общества и правового государства, по нашему мнению, по нашему мнению, является самым слабым местом во всей отечественной обществоведческой теории в целом, и в теоретической правовой науке, в частности. К примеру, что только у нас не понимается под гражданским обществом: здесь и общественные и коммерческие объединения граждан, участие граждан в управлении общественными делами, деятельность оппозиционных политических партий и многое другое. Хотя ни то, ни другое к гражданскому обществу, по нашему мнению, прямого отношения не имеют.

Хотелось бы здесь еще раз подчеркнуть, что гражданское общество – это совершенно новое явление для России. Его еще никогда здесь не было и до сих пор оно не оформилось в подлинном значении. Гражданское общество как учредитель государственной власти в России еще явно не институционарировано. В развитых же западных странах под гражданским обществом по существу, понимается электорат, т. е. объединения граждан – избирателей на различном уровне выборов государственной власти. По большому счету, гражданское общество – это действующее, институционарированное (по уровню избираемых органов государственной власти и должностных лиц) объединение граждан по списку избирателей. Напри-

мер, самым верховным органом государственной власти и представительной от гражданского общества ветвью - является законодательная власть. Гражданин - выборщик (избиратель) этого территориального органа должен знать, что он в списке и его голос будет точно учтен, а претендующие кандидаты в этот орган должны знать всех своих избирателей и их интересы. Так сегодня происходит в США. Там, например, если избирается шериф, то все граждане, которые включены в территориальный список его выборщиков, знают, кого и за что выбирают, а претендент на эту должность, в свою очередь, заранее знает своих избирателей и их интересы. Для облегчения постановки и разрешения всевозможных вопросов и проблем в избирательном процессе, сами же выборщики создают избирательные комиссии, подотчетные им же. Избиратели могут формировать и другие свои общественные объединения типа лиги избирателей, коллегии выборщиков и т.д. Короче говоря, избиратели сами должны решать все вопросы, от которых зависят результаты выборов.

Таким образом, гражданское общество – это самостоятельный институт в государственно – организованном обществе, образуемый его гражданами в целях формирования соответствующих органов государственной власти.

В то же время и подлинное правовое государство-это отнюдь не абстрактное подчинение государства праву, не связывание государства собственными законами, а, прежде всего, представляет собой учение о структуре и порядке функционирования такой власти, которая учреждается гражданским обществом и им же эффективно контролируется. Да и принцип «верховенство права» - это вовсе не законность в духе ее толкования с советских времен, а тоже учение о реальном равенстве всех перед законом и судом, принятом и реализованном в цивилизованных странах. Такое понимание этих терминов и категорий все больше и больше проникает в государственно-правовую практику многих современных государств мира. Да и сами, исторически сложившиеся англо-американская и романо- германская модели государственности постепенно сблизились и продолжают сближаться. Если еще в XVII - XVIII веках, в принципе, можно было говорить только об англо-американской модели подлинного правового государства, то позднее и страны романо-германской модели государственности стали «подтягиваться» к требованиям подлинного правового государства. Это происходило и происходит за счет повышения роли и значения гражданского общества во взаимоотношениях с государством. Гражданское общество и в странах романо-германской модели государственности постепенно стало приобретать роль учредителя соответствующей государственной власти и за счет этого стало больше контролировать деятельность, формируемых им органов государства и должностных лиц.

Гражданское общество и правовое государство – важнейшие тренды в современном мире. Однако отечественная правовая наука постсоветского периода, по нашему мнению, еще не осознает это положение, не предлагает меры, соответствующие современным вызовам в мире в области преобразования общественно-политической системы общества. Сравнительное изучение теории государства советского и постсоветского периодов показывает, что по большому счету, они друг от друга мало чем отличаются. Во всяком случае, очень сильную их схожесть трудно объяснить лишь следствием влияния принципа преемственности. Проблемы гражданского общества и правового государства, как нам представляется, сегодня являются самыми прорывными, способными привести и общественно-политическую систему Российской Федерации в соответствие с прогрессивными мировыми стандартами.

Пристатейный библиографический список

1. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. – М.: ИНФРА-М, 2015.
2. ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2014 году [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных исследований. 2014.07.24.
3. Раянов Ф.М. Теория правового государства. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.; Он же: Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. 2015. №2.

© Раянов Ф.М., 2015

УДК 34(091); 34(092)

Глепина Ш.В.,
доктор юридических наук, профессор
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

СТАНОВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КАЗГУ – ФЛАГМАНА ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются вопросы становления юридического факультета Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (в настоящее время Казахского национального университета им. аль-Фараби), развития высшего юридического образования в 60-е –80-е годы XX века. Реорганизация Алма-Атинского юридического института Народного комиссариата юстиции Казахской ССР, Министерства юстиции Казахской ССР в качестве юридического факультета ведущего вуза страны в советский период оказало определенное влияние на пути фор-

мирования высшего юридического образования в Казахстане. Эволюционное развитие юридического факультета тесно связано с развитием юридической науки Казахстана.

Ключевые слова: высшее юридическое образование, юридический факультет, юридическая наука, Казахский государственный университет им. С.М. Кирова (Казахский национальный университет им. аль-Фараби), Алма-Атинский юридический институт, Институт философии и права Академии наук Казахской ССР, история юридической науки и высшего юридического образования.

*Tlepina Sh.V.,
Doctor of Law, Professor
ENU. LN Gumilev
Astana, Kazakhstan*

FORMATION OF FACULTY OF LAW KSU - THE FLAGSHIP OF HIGHER LEGAL EDUCATION KAZAKHSTAN IN THE SOVIET PERIOD

The article deals with the establishment of the Faculty of Law of the Kazakh State University. SM. Kirov (now Kazakh National University. Al-Farabi), the development of higher legal education in the 60 -80 years of XX century. Reorganization of the Alma-Ata Institute of Law of the People's Commissariat of Justice of the Kazakh SSR, Kazakh SSR Ministry of Justice as the Faculty of Law of the country's leading university in the Soviet period had an impact on the way of higher legal education in Kazakhstan. Evolutionary development of the Faculty of Law is closely linked to the development of legal science in Kazakhstan.

Key words: law degree, Faculty of Law, Legal Sciences, Kazakh State University. SM. Kirov (Kazakh National University. Al-Farabi), Alma-Ata Institute of Law, Institute of Philosophy and Law, Academy of Sciences of the Kazakh SSR, the history of jurisprudence and legal education.

*Посвящается 60-летию
юридического факультета КазГУ им. аль-Фараби [1]*

В формировании высшего юридического образования Казахстана большое значение имеет юридический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (далее – КазГУ). Это целая эпоха, которая имела влияние на дальнейшее развитие профессионального юридического образования, юридической науки, реформирования казахстанского общества, построения фундаментальных основ государственной независимости, законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. В истории правовой и политической мысли, истории государства

и права Казахстана роль и значение видных представителей профессорско-преподавательского состава, ярких выпускников юридического факультета КазГУ предстоит еще осмыслить.

После вхождения Алма-Атинского юридического института в состав КазГУ в 1955 г. в качестве факультета была проделана определенная работа по повышению качества учебного процесса, научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского и студенческого состава.

В 1960–1980-е годы руководителями юридического факультета КазГУ были М.А. Ваксберг, С.С. Сартаев, К.А. Абжанов [2, с. 143], К.С. Ургеншбаев, Ю.Г. Басин, А.С. Стамкулов, С.Ф. Ударцев, М.А. Сарсембаев, К.А. Жиренчин и др.

На юридическом факультете КазГУ всегда уделялось большое внимание научно-исследовательской работе преподавателей и студентов, существовала тесная связь с Институтом философии и права Академии наук Казахской ССР (далее – ИФиП АН Казахской ССР). Например, факультет участвовал в исследованиях ИФиП АН Казахской ССР в качестве консультантов, а научные исследования факультета координировались и рассматривались отделами Института. Факультет был равноправным исполнителем отдельных плановых тем Института [3, л. 145; л. 109], например, «Государственное управление научно-техническим прогрессом в промышленности союзной республики», «Конституционные основы статуса союзной республики в СССР»; организатором координационного семинара, на котором был заслушан доклад С.З. Зиманова «Социальная практика и вопросы теории права», научно-теоретических конференций, совещаний-семинаров молодых ученых [4, л. 29; с. 141-142, 115-116]. Сотрудники Института – С.З. Зиманов, М.А. Биндер, М.Т. Баймаханов – вели занятия на факультете, участвовали в научных и научно-организационных мероприятиях, преподаватели юридического факультета приглашались на заседания Ученого совета Института [5, л. 208]. Многие преподаватели проходили обсуждение, защиту диссертаций в ИФиП АН Казахской ССР.

В 1980-е годы состояние учебного процесса, развитие науки на юридическом факультете КазГУ проверялось и партийными органами республики [6, л. 13-15, 109]. В конце 1986 г. на одном из заседаний бюро ЦК КП Казахстана рассматривались вопросы «удовлетворения потребности областей республики в специальностях по правоведению». Нехватка кадров юристов ощущалась в советский период постоянно. В результате обращения граждан, информации Министерство высшего образования (далее – МВО) Казахской ССР, других министерств и ведомств, нуждавшихся в юридических кадрах, ЦК КП Казахстана поддержал решение МВО республики, принятое совместно с Министерством высших учебных заведений (далее – МВУЗ) СССР о предоставлении некоторой категории граждан

льгот для поступления на юридический факультет КазГУ и Карагандинского государственного университета (далее – КарГУ) [6, л. 6].

Во второй половине 1980-х гг. стала очевидной необходимость глубокого реформирования системы подготовки юристов [7, с. 36-37]. Юридическое образование к этому времени представляло собой разветвленную сеть вузов, специальных средних учебных заведений, различных ведомственных образовательных учреждений Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности (далее – МВД, КГБ), а также вид дополнительной специальности в педагогических вузах, высших партийных, комсомольских, профсоюзных школах. В советский период государственные преобразования реализовывались после принятия решения руководящих структур КПСС. Поэтому партийные документы о развитии вузовской системы в сфере юридического образования образуют важный аспект рассматриваемой проблемы. Вместе с тем, в силу сложившейся в Казахстане ситуации, когда первое поколение казахстанских ученых-юристов было тесно связано и с высшим юридическим образованием, они были заинтересованы в совершенствовании подготовки кадров юристов, как практиков, так и теоретиков.

В 1988 году было подготовлено письмо в ЦК КПСС и СМ СССР [8] «Об организации в г. Алма-Ате юридического института» [9, л. 5]. Необходимость организации Юридического института в г. Алма-Ате обосновывалась ЦК КП Казахстана и СМ Казахской ССР численностью студентов юридического факультета КазГУ: на дневном отделении факультета обучалось более 1300 студентов, на вечерне-заочном – около 2000. Это был один из самых крупных юридических факультетов в СССР. В пользу Юридического института приводилась и специфика подготовки кадров для всех правоохранительных органов – внутренних дел, прокуратуры, юстиции. В качестве обуславливающего обстоятельства был приведен позитивный опыт существовавшего юридического института, и, как отмечалось, «практика убеждает, что качество подготовки специалистов на институтской основе намного выше, чем университетской» [9, л. 6]. Вместе с тем предлагалось оставить в республике одно юридическое учебное заведение – Институт, считая нецелесообразным сохранять юридический факультет Карагандинского университета ввиду его малочисленности [9, л. 5-6].

Программные идеи реформирования юридического образования базировались не только на комплексе партийно-государственных установлений, но также и на научно-теоретических разработках, предложениях деятелей высшего юридического образования. Особенности теоретических новаций в «перестроечную» эпоху обусловлены попытками модернизации юридического образования, совершенствованием идей и представлений о правовом образовании, правовом воспитании, правовой про-

паганде и культуре, развитием правовой мысли, прежде всего, тех, кто соприкасался с ней непосредственно, доносил ее до общества.

Неустойчивость идеологической парадигмы в конце 1980-х гг. делала востребованной подготовку юристов, способных находить эффективные средства решения внутригосударственных и внешних проблем. Авторитету юридического образования в условиях реформирования политического режима способствовали наряду с необходимостью оперативного решения государственных задач, определенная элитарность юридического образования, интерес государства к юридическому образованию во главе с руководителем (имеющим юридическое образование) и его командой, переход от административных к экономическим методам регулирования в экономике, изменение отношения к юридической науке в целом. Именно в конце 1980-х–1991 гг. были заложены научно-теоретические, методические, организационно-правовые основы для последующих масштабных модификаций в системе подготовки кадров юристов.

Формирование и развитие высшего юридического образования в период с середины 1930-х по 1991 гг. осуществлялась через деятельность Алма-Атинского института советского строительства при КазЦИК, Алма-Атинского филиала ВЮЗИ, Алма-Атинского ЮИ НКЮ Казахской ССР, юридических факультетов КазГУ и КарГУ, Высшую Школу МВД Казахской ССР (г. Караганда). Кроме того, в педагогических вузах готовили преподавателей по специальности «Основы советского государства и права», «История и советское право». Безусловно, каждый из названных вузов, юридический факультет КазГУ, фактически являвшийся вузом имеют большое значение в истории юридического образования. На протяжении всего существования Советского государства юридическому образованию отводилось особое место, его проблемы неоднократно обсуждались на уровне ЦК ВКП (б), ЦК КПСС, СНК и СМ СССР, а также высшими органами власти и управления в союзных республиках, учеными [10]. Государственная политика в области юридического образования в основном имела практические задачи. Во многом слой советских государственных служащих, особенно силовые и правоохранительные органы, формировались из юридических кадров, развитие функциональных возможностей этих государственных органов сообразовывалось с качественными и количественными показателями в подготовке кадров юристов. Становление и развитие юридического образования в Казахстане наиболее всего способствовало развитию юридической науки. Подготовка кадров юристов в юридических учебных заведениях республики имеет неопределимое значение для последующего развития правовой мысли.

Пристатейный библиографический список

1. Быть достойными выбранной профессии. Интервью академика Национальной академии наук Республики Казахстан Сартаева С.С. Интервьюер Тургазиева К. // Юридическая газета. 2015. 26 февраля. № 30. С. 2; Байдельдинов Д. Юридическому факультету КазНУ – 60 лет // Юридическая газета. 2015. 27 марта. № 43. С. 4.
2. Баймурзин Г.Б. Юридический факультет Казахского Ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени С.М. Кирова // Сов. государство и право. 1974. № 10.
3. Архив Национальной Академии Наук Республики Казахстан (далее – А НАН РК), ф. 98, оп. 1, д. 75, л. 145; д. 704, л. 39; д. 210.
4. А НАН РК, ф. 98, оп. 1, д. 704, л. 182, 193; д. 664, л. 29; Морозова Л.А. Научная конференция в Алма-Ате // Сов. государство и право. 1979. № 5; Всесоюзное совещание-семинар молодых ученых // Правоведение. 1987. № 4.
5. А НАН РК, ф. 98, оп. 1, д. 330.
6. Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК), ф. 708, оп. 133, д. 238, л. 13–15; д. 210, л. 109; д. 238.
7. Зиманов С.З. Реформа политической системы и задачи ученых Академии наук Казахской ССР // Вестн. АН КазССР. 1989. № 2.
8. Центральный комитет коммунистической партии Советского Союза (далее – ЦК КПСС) и Совета Министров Союза советских социалистических республик (далее – СМ СССР).
9. АП РК, ф. 708, оп. 139, д. 1202, л. 5-6. Письмо подготовлено 1 мая 1988 г. № ЛЛ-3 уч. № 15 / 1947. См.: АП РК, ф. 708, оп. 139, д. 1202.
10. В ЦК ВКП (б). О расширении и улучшении юридического образования в стране // Сов. государство и право. 1946. № 11–12; Приказ министра высшего образования СССР (г. Москва, № 614, 5 ноября 1946 г.) «О мероприятиях по реализации постановления ЦК ВКП (б)» от 5.10.1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» // Сов. государство и право. 1947. № 1; За улучшение юридического образования в СССР // Сов. государство и право. 1956. № 8; Совещание по вопросам высшего юридического образования в СССР // Сов. государство и право. 1957. № 6; Шебанов А.Ф. Высшее юридическое образование – на уровень новых задач // Сов. государство и право. 1958. № 11; Юридическая наука и правовые учреждения в союзных республиках // Сов. государство и право. 1962. № 12.

© Тлепина Ш.В., 2015

*Zarichanskiy O.A.,
professor IFUL, t. Ivano-Frankovsk, Ukraine
Zarichanskaya N.V.,
senior lecturer VGPU, t. Vinnitsa, Ukraine*

FUNCTIONS OF LEGAL CULTURE OF FUTURE LAWYERS

The article deals with the basic functions of legal culture of future lawyers. It's has been proved that the interaction of legal culture with other forms of social consciousness should be considered as vertically - the relationship with the basis of society , as well as horizontally - relationship with other forms of social consciousness and views. In the organic integrity and dynamic coupling of all forms of social consciousness there is a continuous process of improving legal culture of future lawyers.

Key words: legal culture, legal consciousness, function of legal culture, social awareness, future lawyers.

*Заричанский О.А.,
доктор философии, профессор, член-корр. МАНПО,
заместитель директора НИИ
Ивано-Франковского университета права,
г. Винница, Украина
Заричанская Н.В.,
кандидат педагогических наук,
ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Винницкого государственного педагогического университета,
г. Винница, Украина*

ФУНКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

В статье рассматриваются основные функции правовой культуры будущих юристов. Доказано, что функция взаимодействия правовой культуры с другими формами общественного сознания необходимо рассматривать как по вертикали - взаимосвязи с базисом общества, так и по горизонтали - взаимосвязи с другими формами общественного сознания и видами. В органической целостности и динамической связи всех форм общественного сознания происходит непрерывный процесс повышения правовой культуры будущих юристов.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, функции правовой культуры, общественное сознание, будущие юристы.

Statement of the problem. Scientists who studied legal culture indicated that it performs several functions, but these functions separately haven't been thoroughly analyzed. The functions of legal culture haven't been studied, particularly in relation to of the future professionals of legal specialties.

In the components of legal culture functioning, some scholars include: educational function of conscientious attitude to law; function of legal regulation; informational function; function of legal behavior. Proponents of this position point out that the law as a specific regulator of social relations operates in two ways: first, in conjunction with other social mechanisms, it is ideological influence; and, secondly, a specific way, giving the parties legal rights and obligations.

Analysis of existing research and unresolved aspects of the problem. Analysis of features of legal culture devoted his research E. Agranovskaja [1], A. Semitko [4], V. Tumanov [5, p. 56-58], F. Hayjek [6], and other scientists. Their contribution to the expansion of scientific knowledge about the function of legal culture is very significant and has methodological significance in relation to the study of functions of the legal culture of the future experts of legal professions, as conclusions and regulations made by the researchers mentioned above, though differing, but they are easy to synthesize and can be applied to defining the functions of legal culture in the methodology of jurisprudence.

The purpose of the article - to analyze the main features of legal culture of future professionals of legal specialties.

The main material of research. Modern legal culture has such quality features as decisive importance of human rights and civil rights in legal organization of public life; approving a mass sense of justice and respect for law enforcement, ideas and values of the rule of law; practical implementation of the principles of constitutionalism and the rule of law; consistent and efficient operation of all sources of positive law and all branches of government; Legal active citizens and their associations in the exercise of their rights and performance of their legal duties; active legislation , human rights and law enforcement of all parts of the state mechanism; extensive system of legalized forms, methods and procedures for civil society's impact on the state and control of its activities [3 , p. 275].

According A. Semitko, legal culture has a number of fairly significant features, including separately defined informative feature, educational, and regulatory. In some people's practice one often faces not only the text of the law but its interpretation of public mainly by the group of justice. This perception of legal information, according to A. Semitko, after the active support of subjects of legal culture it is profound by educational and, finally, the regulatory impact on a person in a positive direction by adjusting his behavior [4].

According to E. Agranovskaja, legal culture is an indirect link between legal reality and behavior of individuals. Corporate culture serves as the coordination of public and private interests, goals and motives human activity.

Whereas taking into account one's own needs, interests and evaluation, a man guided by individual legal culture, consciously agrees on behavior to the requirements of law or has only superficially legitimate actions that are not based on intrinsic motivation, and it deviates from the proposed legal standard norm of behavior [1].

In our opinion, the current conditions, which is Ukrainian society experiencing, the most important is the regulatory function. It is this feature implemented through legal provisions that require the assimilation of everyone and, first of all - the future professionals of legal specialties. The regulatory function of legal culture creates a situation where the main legal requirements are transformed into daily habit of activities within the law. The effectiveness and efficiency of the regulatory capacity of legal culture is largely caused by the use of the regulatory process of not only legal, but also other kinds of social norms, and above all moral. This is because the right is organically linked with morality and means of realization of moral and humanistic ideals of society without morality are impossible. Right - is reduced to a moral law (which is the main idea of good and bad). As rightly noted by V. Tumanov, "right in all its forms ... must be infused with morality. The internal morality of law – is one of the important conditions for its effectiveness " [5, p. 57].

Society can not be indifferent to the state of the interaction and relationship between certain social norms as peace or war between them affect the nature of the social, legal, political and economic conditions in the society. Conflicts between people and their social formations and even between states, start with a conflict of social norms. In modern conditions the effect of this rule becomes extremely important, because the vast majority of currently existing bloody conflicts have started with the fact that the interaction of social norms was broken and there was initially opposition to political, religious and legal norms. In this struggle, political, religious and corporate standards association outweighed the legal rules of legal culture.

In contrast to the law, the observance of which is ensured, if necessary by force of state coercion and persuasion, moral norms are based on public opinion and influence the legal beliefs, traditions and habits. Action of moral standards finds expression in deeds of man, in his relation to society, family, work, other people. It is, so to speak, the traditional rules that constitute universal moral values.

Value orientation serves as a criterion in determining the filter of man's relationship to the material and spiritual values, of attitudes, of upholding the principles and beliefs. It provides a positive or negative value for the objects of the world to society and to an individual and is not determined by their properties as such, and their place and the presence of human activity interests and needs, social relations, criteria and methods to assess this value, expressed in moral principles and norms, ideals, values and goals.

Values are certainly the phenomenon which is most closely associated with the area of human needs, as a system of values embodied, and is subjectivized in certain specific phenomena related to appropriate forms of life, which is carried out in mastering values, their gradual transformation phenomenon of "external" in thing "for themselves", and is the transfer from public property to the value of the subjectively meaningful to the individual [2].

However, as the centuries-old history shows, the sheer moral and religious norms were unable to provide the moral behavior of people without the help of law, legal culture. Not surprisingly, religious leaders when offenses happened among believers or as it came to church property sought help in law enforcement, that is the secular law.

The relationship between legal culture and other social regulators is that they function and operate in the same direction, the same way governing social relations. The rules and other regulators coincide in their regulated areas, their relations are very similar, and sometimes identical to the nature of their prescriptions. As a result this interaction features of legal culture and other social norms are desirable human behavior for society both as provided by the law and other regulations.

It defines the main subject conditionality, cardinal direction of the impact of legal culture, that is the manifestation of its functions.

In this regard, to determine the functions of legal culture the following should be done: to be clear about the scope in which legal culture finds its expression; to identify the main lines to display performance of the role and purpose of legal culture in determined social environment; to characterize the specificity of the properties and methods of the main areas that give the qualitative determination of the functions of each legal culture.

In its manifestations features of legal culture are inseparable from each other. They are in close relationship and interaction, and are to some extent a single process operating legal culture in the legal reality. Since the function of law-making, regulation, legal education, the development of legal science in its social nature are due to and aimed at a joint service and highly specific subject matter for them, as a legal reality, and in the process of manifestation are in close unity and dynamic relationship, because they are united and act as a tool of legal culture in the legal service of social development [6].

At the same time, legal culture is closely and intimately bound up with the general culture and other forms of social consciousness makes influence and itself feels their impact. Therefore, the legal culture should be made as a function of interaction with other forms of public culture (political, moral, aesthetic, etc.).

An essential feature of the interaction of functions of legal culture with other forms of culture is its expression not only in the spiritual realm. Social justice is directly linked to the legal development. And this relationship holds no justice in isolation within their internal functions or a predetermined range

of legal knowledge. Social justice communicates with superstructural phenomena in a single system of all the spiritual realm. Thus, the function of the interaction of legal culture with other forms of social consciousness not only limits its manifestation in consciousness. Through this interaction, justice communicates with the economic, legal and all other social phenomena. Therefore, the function of the interaction of legal culture to other forms of social consciousness should be considered as vertically - the relationship with the basis of society and across - the relationship with other forms of social consciousness and types of culture.

Conclusions. So, legal culture of future professionals of legal specialties must perform the following functions: function of interoperability of legal consciousness, law and other social regulators, especially - with the norms of morality; function of educational conscious attitude to the law, the applicable law, especially - in the legal relations; law regulative function, whereby the behavior and activities of future lawyer are performed within the law; informative and transformative functions that allow future lawyers to turn their knowledge into their own beliefs, habits, forms the habit of legal thinking; communicative function that allows to correctly orient future lawyers in the legal space and act in a way that does not cause harm to others and the environment; prognostic function by which a lawyer can predict the future development of the current legislation, respectively - and their activities.

Bibliographic list

1. Agranovskaja E.V. Legal culture and rights guarantee of a personality: Thesis of Doctor of jurisprudence / Agranovskaja E.V. M., 1988. 145 p.
2. Beh I.D. Parenting Personality: In 2 books .Book 2: Pupil-oriented approach : scientific and practical principles . – K.: Lybid, 2003. – 344 p.
3. General theory of the state and law: teaching manual / G.A. Vasilevich, A.F. Vishnevskiy, V.A. Kuchinskyj, L.O. Murashko, A.G. Tikovenko; under the editorship of A.G. Tikovenko, – Minsk: Knizhnyj Dom, 2006. – 320 p.
4. Semytko A.P. Legal culture of socialistic society: essence, contradictions progress. – Sverdlovsk: Ural P.House, University Press, 1990. – 172 p.
5. Tumanov V.A. Legal nihilism from historical and ideological angles // State and Law. 1993. № 8.
6. Hayek F.A. Law, legislation and liberty: A new statement of the broad principles of justice and political economy: in 3 volumes ; Per. with the English. –K.: Scope, 2000. – Vol. 3. : The political system of free people. – 487 p. 1.

© Заричанский О.А., Заричанская Н.В., 2015

*Утяшев М.М.,
доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой теории государства и права
Института права БашГУ,
г. Уфа. Россия*

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Ключевой и важный в нашем дискурсе термин – социализм, был впервые употреблен французским журналистом Пьером Леру, в смысле антипода индивидуализма, то есть приоритетного рассмотрения общественных интересов перед индивидуальными. Это было знаковым для периода расцвета индивидуализма. Вершиной современного законодательного закрепления социально-экономических прав стал Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах, являющийся составной частью Международного Билля прав человека.

Ключевые слова: социалист, социал-демократ, социализм, социалистический, социал-патриот, социал-реформизм, социал-фашизм, социал-шовинизм, социальный, социум, соц-арт, социалистический интернационал, социология, социальная ценность.

*Utyashev M.M.,
Doctor of Political Sciences, Professor
Head of the Department of Theory of State and Law
Law Institute BSU,
Ufa. Russia*

THEORY OF THE WELFARE STATE

Key and important in our discourse the term - socialism, was first used by the French journalist Pierre Leroux, in the sense of the antipode of individualism, ie priority consideration pan-governmental interests in the individual. It was a landmark for the heyday of individualism. The pinnacle of modern-tary legislative consolidation of socio-economic rights became the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, is-schiysya part of the International Bill of Human Rights.

Key words: socialist, social democrat, socialism, social-cally, the social-patriots, social reformism, social fascism, social-chauvinism, social, society, social art, socialist internationalist-cash, sociology, social value.

На корне слова «социальный» выросло огромное число различных категорий и терминов: социалист, социал-демократ, социализм, социалистический, социал-патриот, социал-реформизм, социал-фашизм, социал-

шовинизм, социальный, социум, соц-арт, социалистический интернационал, социология, социальная ценность. Все они в той или иной мере отражают родство с истинным значением этого корня: общественный.

Этот ключевой и важный в нашем дискурсе термин – социализм, был впервые употреблен французским журналистом Пьером Леру, в смысле антипода индивидуализма, то есть приоритетного рассмотрения общественных интересов перед индивидуальными. Это было знаковым для периода расцвета индивидуализма.

В 1842 году замечательный немецкий юрист Лоренц Штейн выпустил книгу: «Социализм и Коммунизм в современной Франции, в которой употребил словосочетание «социальное государство» и провидчески предсказал две замечательные идеи:

- о том, что предстоящие революции будут социальными;
- и о недопустимости смешения понятий коммунизм и социализм.

К концу XIX века совокупность социалистических учений стократно возросло с резкой критикой частной собственности, конкуренции, права наследования и т.д. На самом деле двухвековой спор шел о том, в чем же состоит назначение государственной власти, границах этой власти, её назначении. И если этактисты рассматривали государство как самоценность, как высший результат и цель общественного развития, то, конечно, у такого государства не могло быть социальных функций. Сторонники социализма и либералы всячески подчеркивали обязанность государства в отношении поддержки нищих, бездомных, увечных, больных... На их стороне была вековая мудрость и гуманистические убеждения, которые было невозможно игнорировать. Гуманистическая мысль просвещения и социальный разум отвергали сбрасывание с Тарпейской скалы и многие другие ухищрения для убиения убогих и хилых, как бывало у многих народов, чтобы освободиться от лишних ртов и хлопот. Но никто в современном мире не мог отрицать, что эти люди имели право на существование, право на жизнь, как и все остальные существа.

Антон Мейер это первое и скромное право, нуждающихся в особой защите, назвал правом на существование и пояснил обязанность государства: когда дело идет о несовершеннолетних – это касается их содержания и воспитания. Относительно престарелых, болезненных и других неспособных к труду право на существование означает временную или постоянную поддержку государства. Такие минимальные требования были сформулированы как право жить, затем как право на существование, а уже в позднейшее время как на достаточный и на достойный уровень жизни. Совершенно ясно это выражено у Монтескье. «В торговых странах, - говорит он, - где многие не имеют ничего, кроме их искусства или ремесла, государство должно заботиться об удовлетворении нужд стариков, больных и сирот. Благоустроенное государство (Чем не социальное

государство? М.М. Утяшев) пишет Монтескье в «Духе законов; сумеет получить для них содержание из самих промыслов: одному оно даст такую работу – к которой он еще способен (Вот вам право на труд. М.М. Утяшев) других оно будет обучать работе, что уже само по себе есть работа. Милостыней, бросаемой на улице голому, еще не исполнены обязанности государства, которое должно дать всем гражданам обеспеченное существование, пищу, надлежащую одежду и не вредное для здоровья жилище». (Дух законов).

Яркую страницу в защиту социальных прав вписал Д. Дидро своим «письмом о слепых и глухих», которое заставило Европу обратить внимание на эту категорию несчастных. Первыми на эти призывы откликнулись добросердечные благотворители, и только потом возник вопрос об обязанностях государства в этом процессе. С точки зрения теории прав человека водораздел между поколениями прав произошел таким образом: социальные, экономические и культурные права человека – права второго поколения и родились они не как права человека, а как рабочий или фабричный вопрос в результате борьбы индустриальных рабочих за повышение зарплаты, за улучшение условий труда, сокращение рабочего времени и увеличение времени отдыха и т.д. Поддержку получили эти права со стороны либеральной интеллигенции социалистических, социал-демократических партий настроенных на гуманистические парадигмы развития общества. В отличие от личных и политических прав граждан, которые теория прав человека относит к естественным правам, социальные и социально-экономические права являются октроированными, то есть «дарованными». Если эти права международными стандартами называются неотъемлемыми и неотчуждаемыми, то в отношении ко вторым государство имеет дискретные полномочия. Именно поэтому ряд западных государств отрицают социальные права граждан.

Первый законодательный акт об экономических и социальных правах был принят в Пруссии в 1794 году и назывался он так: «Об учреждениях для бедных и других благотворительных учреждениях». Там было записано: «1) государство должно заботиться о пропитании и приюте для тех граждан, которые сами не могут заработать себе пропитания 2) тем, которым недостает средств и нет возможности заработать пропитания для себя и своей семьи должна быть дана работа. 3) те, которые не добывают себе пропитание по лени, из любви к безделью или иных беспорядочных наклонностей должны привлекаться к работам под надзором и принуждением». Самым большим сторонником социального государства зарекомендовал себя князь Бисмарк, поведение которого в этом направлении до сих пор озадачивает историков и правоведов. Он вносит в парламент один за другим проекты законов, обдуманных в беседах с Лассалем. Один из первых законов был чисто социальным: «О социальном обеспечении

рабочих в случае старости, болезни, увечий и несчастных случаев. Затем принимаются меры для создания касс взаимопомощи для всех этих категорий, а также для инвалидов труда».

«Мы пришли к убеждению, – говорил Бисмарк, – что исцеление социальных язв нужно искать не только в подавлении социальной демократии, но в то же время» и в положительном улучшении жизни рабочего... Но он не боится обвинений в социализме или либерализме, он понимает, что каждый социальный закон, принятый в помощь народу есть социализм, а успехи социал-демократии конца XIX века «железный», канцлер объясняет тем, что государство недостаточно социально. Он последовательно и постоянно отстаивал права рабочих на труд и отдых, социальное страхование. По приказу Бисмарка устанавливается 56,5 часовая неделя. Восьмичасовой рабочий день оказался выгодным всем, и работодателям и рабочим, у них повысилась производительность и качество труда. Эти и другие примеры вызывают рождение соответствующих государственных структур. В Массачусетсе открывается государственное бюро труда, в Англии – департамент труда, во Франции – комитеты труда, в Германии – комиссии для рабочей статистики.

Вслед за этим начинают создаваться Международные органы труда. На стыке веков бурно создается социальное законодательство. Множество таких законов можно свести в четыре категории:

- 1) Гарантии свободы и равноправия рабочих при заключении трудовых договоров;
- 2) Забота о физическом и моральном здоровье и возможности развития рабочих;
- 3) Забота о тех, кто самостоятельно не способен приобрести средства к нормальному существованию;
- 4) Разрешение мирными средствами споров между рабочими и предпринимателями.

В конце XIX века теоретическая разработка социальных функций государства была уже завершена. Лидерство переходит к другому Штейну. Людвиг Штейн писал: «законодательство всех цивилизованных государств с некоторого времени получило характер социальный и поставило своей задачей уменьшение и смягчение нищеты масс» [1, с. 460]. Здесь же Штейн проявляет невиданную этическую прозорливость. Он пишет: «Нравственная серьезность Канта и ораторская страстность Фихте заставили немецкую нацию прийти к созданию того, что каждый человек должен быть личностью, т.е. не вещью в юридическом смысле и не товаром в экономическом. Обобщите и осуществите в социальном праве принцип Канта: «Никто не должен быть простым средством – а только целью – и вы получите социальное государство!» Ни рабочий, ни крестьянин, ни

ремесленник – никто, не средство, которым государство пользуется для своих невидимых целей, а сама цель – которой и надо служить [2].

Вершиной современного законодательного закрепления социально-экономических прав стал Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах, являющийся составной частью Международного Билля прав человека. Пакт демонстрирует расширительное толкование своих норм. Так право на труд – это не только право на рабочее место, но оно должно и включать программы профессионально-технического обучения и переподготовки, пути и методы достижения экономического, социального и культурного развития, полной занятости, в условиях политических и экономических свобод человека, таких как: справедливое и достаточное вознаграждение, обеспечивающее как минимум всем трудящимся справедливую зарплату, равную оплату за ровный труд, удовлетворительное существование не только самих работников, и их семей; обеспечение безопасности и гигиены труда; возможность, но продвижения по работе на основании стажа и квалификации, нормальный отдых и досуг, периодические оплачиваемы отпуска и т.д. при недопущении коллективной дискриминации.

Другим, не менее важным примером социальных государств Европы стала континентальная Социальная Хартия 1996 года которую Россия ратифицировала в 2009 году. Россия приняла на себя обязательства только по части статей, но в сегодняшней социально-экономической ситуации о высоких стандартах Хартии говорить не приходится. Международная комиссия юристов еще в 1959 году поддержала расширительное толкование принципа верховенства права, признав ее динамичной концепцией, подчеркнута, что ее следует использовать не только для защиты гражданских и политических прав, но и социальных, экономических и культурных в том числе. Этим путем развиваются наиболее цивилизованные страны мира. В Конституции пятой республики 1958 года сказано, что Франция является неделимой, светской, демократической и социальной республикой. По Конституции ФРГ 1949 года Германия – правовое, демократическое и социальное государство.

Хорошо поставлено дело с социальными правами в Испании. Конституция страны обязывает органы публичной власти обеспечивать благоприятные условия для социального и экономического процесса и для наиболее справедливого распределения личных доходов. Они же занимаются и обеспечением полной занятости рабочих. Органы публичной власти занимаются реализации права на профессиональную подготовку и переподготовку трудящихся, как это предусмотрено Европейской Социальной Хартией. Они наблюдают за исполнением требований безопасности и гигиены труда, гарантируют соблюдение режима труда и отдыха, отпусков и т.д. (ст. 40) Следующая статья обязывает власти поддерживать

систему социального страхования, учет и выплату пособий и иных выплат. Ст. 43 и 44 требует от публичной власти заниматься защитой социальных и экономических прав граждан, находящихся за границей. Главная цель – верность их на родину. К социальной функции Испанское государство относит охрану здоровья, депзическое воспитание и спорт, организацию досуга, а также досуга к культурным ценностям, развитие образования и науки.

На коллегии Генеральной прокуратуры несколько дней тому назад Путин сказал, что в год в стране насчитывается более 5 миллионов нарушений социальных прав граждан, что не допустимо, считает Президент. Но кем и почему допускается такое издевательство, не сказал. Теперь попытаюсь сформулировать искомое понятие: Социальным государством признается такое государство, важнейшей обязанностью и функцией которого является приоритетное удовлетворение социально-экономических потребностей граждан в целях достижения достойного и достаточного уровня жизни и минимального благосостояния каждого.

Согласно Википедии, социальное государство – политическая система, перераспределяющая материальные блага в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся.

Принципиально не различая социальные и иные права человека, Лоренц Штейн писал: «Государство обязано поддерживать абсолютное равенство классов, для отдельной самоопределяющейся человеческой личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [3, с. 82].

Для того чтобы соответствовать наименованию социального государства должно обладать рядом признаков. К ним относятся: высокий уровень производства на душу населения и экономического развития страны, что вводило бы ее в число экономически благополучных и давало бы возможность перераспределения доходов населения, направляя их в пользу малоимущих и нуждающихся:

- наличие социально ориентированного законодательства, способствующего справедливому перераспределению общественного продукта;
- развитую систему исполнительных органов власти и местного самоуправления, способных эффективно доводить до нуждающихся их законные притязания;
- развитые институты гражданского общества, в том числе благотворительные фонды, общества, организации;

- определение социальной функции государства, как важнейшей составляющей его конституционного статуса;
- развитую систему социального контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Штейн Л. Социальный вопрос с точки зрения философии. Курс лекций М. 1899.
2. Ideal der Enigen Friends und die Soziale Frage.
3. Цит. по: Политические процессы в России в сравнительном измерении. СПб. , 1997.

© Утяшев М.М., 2015

УДК 34.08

Куксин И.Н.,
*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета,
г. Москва, Россия*

Ильина Т.Н.,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Курского государственного университета,
г. Курск, Россия*

КАДРЫ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

В статье рассматривается: развитие военной юстиции после судебных преобразований XIX века, принятия Военно-судебного устава в соответствии с которым стал создаваться институт кандидатов на должности по военному ведомству; требования, которые предъявлялись к кандидатам на военно-судебные должности; становление и развитие военно-юридического образования в России.

Ключевые слова: военная юстиция, военное правосудие, правовой статус кандидатов, Военно-судебный устав, аудиторское училище, Военно-юридическая академия.

*Kuksin I.N.,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Moscow City Pedagogical University,
Moscow, Russia*

*Ilyina T.N.,
PhD, Associate Professor of Constitutional
and Administrative Law Kursk State University,
Kursk, Russia*

THE FORMATION OF THE PERSONNEL OF MILITARY JUSTICE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURY

The article considers: the development of military justice after the judicial reforms of the nineteenth century, the adoption of the Military court of the Statute under which he was created the Institute of candidates for positions on the defense Department; the requirements to the candidates for the military judicial office; establishment and development of military legal education in Russia.

Key words: military justice, military justice, the legal status of candidates, Military-judicial Charter, audit school, Military law Academy.

Зарождение военных судов было обусловлено становлением в России регулярной армии. Отправной точкой в становлении военной юстиции можно считать принятие Петром I в 1716 году Воинского устава, который и положил начало созданию обособленных военных судов и военно-судебных законов [2]. Воинский устав состоял из трех томов. Во втором томе помещались военно-уголовный устав, уставы военного судопроизводства и военного судопроизводства [12, с. 51]. Военный суды, которые были созданы в царствование Петра I, просуществовали вплоть до военно-судебной реформы 1867 года. Первый военный устав содержал в себе нормы, как материального, так и процессуального права. Так, были определены воинские преступления и порядок их рассмотрения. Кроме того, воинский устав 1716 года впервые законодательно закрепил обособленную военную судебную систему, в которую входили суды полковые, генеральные, скорорешительные [2, Гл. 1, § 3-4]. Дела рассматривали судьи из числа военнослужащих. Однако для достижения объективности правосудия в военных судах всех видов вводился институт аудиторов (или юристов). Устав предполагал учреждение генерал-аудиторов, обер-аудиторов и полковых аудиторов. Среди квалификационных требований для данных должностных лиц военного суда называлось знание законов и

общая грамотность, но при этом закон не предусматривал формальных доказательств наличия этих требований. Аудиторы также были военно-служащими и специальных военно-юридических навыков нигде не получали. В рассматриваемую эпоху введение в качестве основного критерия отбора аудиторов образовательного ценза было невозможно, ввиду отсутствия в России как специальных, так и общих юридических учебных заведений [18, с. 78]. Решить проблему нехватки квалифицированных кадров для военных судов предполагалось двумя способами. Во-первых, согласно указу Петра I, дворянские дети командировались за границу «для выучки аудиторскому делу», иногда иностранные специалисты приглашались в Россию лично. Однако реализация этого метода не имела особого успеха, поскольку аудиторам было необходимо знать отечественное законодательство и делопроизводство, чему за границей обучить не могли. Вторым способом преодоления дефицита юридических кадров было обучение молодых людей в России. Сначала в Генеральном регламенте 1720 года говорилось о возможности подготовки кадрового резерва для всех органов государственной власти в школах при коллегиях [20]. Подготовку военных аудиторов возложили на канцелярию подрядных дел – указом Петра I от 11 апреля 1719 года было поручено заняться подготовкой «20 человек добрых и молодых, и шляхетских детей», присланных военной коллегией «для науки аудиторских дел». Однако такие единичные меры по комплектованию корпуса аудиторов не решили общей проблемы нехватки юристов в военных судах.

В последующем отсутствие юридических знаний со стороны вершителей правосудия станет одной из основных проблем военной юстиции. Первое специальное учебное заведение для военных юристов было создано в России в 1832 году под названием аудиторская школа. Позже, в 1846 году, она была переименована в аудиторское училище [1]. Целью создания подобного учебного заведения было обеспечение военных судов квалифицированными специалистами. В новую эпоху существование специализированного военного правосудия без грамотных юристов стало еще заметнее, поскольку военное законодательство составляло более половины всех действующих законов Российской империи [15, с. 504].

Новый период становления и развития судебной и военной реформ связан с утверждением Александром II Военно-судебного устава 15 мая 1867 года [2]. Согласно Уставу военно-судебная система включала в себя полковые, военно-окружные суды, а также Главный военный суд. Функционирование военной юстиции было построено на основных принципах, закрепленных за судами общей юрисдикции. Это такие демократические принципы судопроизводства как гласность, состязательность и равноправие сторон, открытость, хотя и с некоторыми ограничениями и изъятиями, что объяснялось специфическими условиями армейской жизни. Например,

особенностью военных судов была определяющая роль военного командования в формировании судов, в возбуждении уголовного преследования, не распространения на военных судей принципа несменяемости судей, не действовал в военных судах институт присяжных заседателей.

Реформы 1864 года положили начало новых требований к кандидатам на судебные должности, в том числе и для кадрового состава военно-судебного ведомства. Так, остро стал вопрос о кадрах для обновленной военно-судебной системы. Первоначально этот вопрос предлагалось решить путем назначения «лучших из чиновников ... аудиторского ведомства» [6, с. 36] во вновь созданные военно-судебные учреждения, но в перспективе планировалось обеспечить приток кадров только из лиц, имеющих соответствующее образование и определенный опыт.

Законодательно была оформлена система требований, предъявляемая к кадровому составу военно-судебных учреждений. Здесь можно выделить группы общих и специальных условий для занятия должности в военном суде. Общими требованиями было наличие русского подданства, а также соответствие установленному нравственному цензу, а именно в военно-судебное ведомство не допускали лиц, состоящих под следствием, осужденных или являвшимся несостоятельными должниками [2, Ст. 138]. Для военной юстиции было определено наличие у претендента на должность воинского звания [2, Ст. 139-140].

Кроме того Военно-судебный устав предусматривал комплекс специальных требований, которым должен был удовлетворять соискатель военно-служебных должностей. К ним, прежде всего, относится наличие юридического образования. Оно требовалось для военных судей, прокуроров и следователей. Однако в законе содержалась оговорка о его замене выслугой лет в соответствующей структуре [2, Ст. 139-140]. Это норма была введена с целью первоначального обеспечения кадрами военных судов, в дальнейшем специальное юридическое образование должно было стать одним из главных условий занятия военно-судебных должностей [14, с. 51].

Другим обязательным условием становился стаж работы. Закон устанавливал конкретный срок нахождения на определенных должностях. Так для получения должности помощника военного прокурора было необходимо проработать не менее четырех лет в военно-судебном ведомстве, для занятия должности военного прокурора и помощника товарища главного военного прокурора – шесть лет, для товарища главного военного прокурора – восемь лет, для главного военного прокурора – двенадцать [2, Ст. 140]. Военными судьями могли быть назначены лица из числа военных следователей и помощников военных прокуроров [2, Ст. 141]. Таким образом, Военно-судебный устав предусмотрел постепенное прохождение службы в военно-судебном ведомстве: от низших должностей к

вышим. Получение первоначального опыта было возложено на институт кандидатов на военно-служебные должности.

Идея создания данного института была воспринята из гражданской юстиции. В объяснительной записке к проекту основных преобразования военно-судебной части говорилось, что разработчики реформы не могли не обратить внимания на способ комплектования кадрового состава гражданских судебных учреждений из среды кандидатов на судебные должности [14, с. 50]. Поскольку подготовка военно-юридических кадров на тот момент в стране осуществлялась только аудиторским училищем, а значит, обеспечение военно-судебного ведомства специалистами в сфере военного права было затруднено. По этой причине в Уставе было предусмотрено, что занятие некоторых должностей по военно-судебному ведомству возможно лицами, получившими юридическое образование в российских университетах. Анализ подготовленных материалов по разработке военно-судебной реформы показывает, что введение института кандидатов на военно-судебные должности не встретило разногласий между членами комиссии. Наоборот, подобное предложение было воспринято как «имеющие благодетельные последствия» [6, с. 46-47].

Также для оптимизации подготовки кадрового резерва для военной юстиции в 1866 году было выработано положение о Военно-юридической академии. Основное отличие нового учебного заведения от существовавшего аудиторского училища было то, что академия должна была осуществлять подготовку офицеров-юристов, тогда как аудиторское училище выпускало гражданских чиновников, призванных выполнять судебные функции в армии и на флоте. «Аудитор ... просто чиновник и по платью (т.е. не носит военного мундира – прим. авторов статьи), и по званию [15, с. 404]. При проведении военно-судебной реформы было высказано мнение об исключении чиновничьего элемента из военных судов. Однако данное предложение было неоднозначно встречено среди составителей проектов [16, с. 7]. Этим на наш взгляд, объясняется параллельное, длительное (в течение 10 лет) существование, как Военно-юридической академии, так и аудиторского училища.

Окончательное оформление Военно-юридической академии произошло в 1868-1869 годах, когда был принят ее устав и закреплена звание специализированного высшего учебного заведения [3]. Аудиторское училище было присоединено к академии в 1878 году, которая стала единственным учебным заведением, готовящее военных юристов [4]. До поступления в академию допускались офицеры, состоящие в звании не выше штабс-капитана и имеющие высшее или среднее образование. Кроме того, закон разрешал проходить обучение в академии гражданским лицам с юридическим образованием [4, Ст. 9]. Для данной категории был предусмотрен особый порядок поступления. Они принимались сразу в старший

класс. Полный учебный курс в академии составлял три года [4, Ст. 38]. Учебным планом были предусмотрены общие и специальные дисциплины. К числу специальных относились: военно-уголовные законы, военно-уголовное судопроизводство, военно-административные законы, уголовное право и процесс, государственное право, гражданское право [5, № 205]. Систему общих дисциплин составляли: история русского права, энциклопедия права, финансовое право, полицейское право, церковное право, международное право, гражданское судопроизводство, судебная медицина, психология, логика [5, № 205]. Кроме этих предметов в академии могли читаться дополнительные курсы. Например, с 1878 года в учебный план был введен спецкурс тюремное ведение, который читался до 1881 года. Так же с 1880/1881 учебного года началось преподавание таких дисциплин как: история военного законодательства и военно-уголовное судопроизводство важнейших иностранных государств.

В целом, оценивая содержание учебного плана Военно-юридической академии, можно отметить ряд особенностей, присущих данному образованию. Во-первых, это ярко выраженная специализация, характеризующаяся в наличии значительного числа курсов военно-юридической направленности при значительном урезании историко-теоретических курсов. Так, по уголовному праву было предусмотрено 13 лекций в неделю, тогда как по истории русского права только одна [13, с. 48]. Во-вторых, образование в Военно-юридической академии отличалось заметным практическим уклоном. Практические занятия в обязательном порядке были предусмотрены по таким дисциплинам как военное судопроизводство и французский язык. [5, № 206]. Для проведения такого занятия по военному судопроизводству использовались реальные дела из практики военных судов.

Современники высоко оценивали качество подготовки, даваемое Военно-юридической академией. На страницах газет и журналов при обсуждении вопросов совершенствования юридического образования отмечалось, что выпускники демонстрируют «заметную подготовленность и знания» [17, с.1]. Так же, характеризуя деятельность Военно-юридической академии, можно отметить, что учебное заведение выполнило возложенную на него задачу – подготовку кадров для военной юстиции. Так, с 1882 года была прекращена практика назначения на военно-судебные должности лиц с гражданским юридическим образованием. Например, если в 1885 году из 26 членов Московского военно-окружного суда только 15 офицеров имели военно-юридическое образование [7, Л. 32 об -41 об], то к 1900 году их насчитывалось 19 [7, Л. 3,3 об.]. В 1904 году при Петербургском военно-окружном суде состояло 20 выпускников академии из 28 членов суда [7, Л. 32-47 об]. В целом можно

констатировать, что такая тенденция была присуща военно-судебным учреждениям европейской части российского государства.

Институт кандидатов на должности по военно-судебному ведомству, по замыслу законодателя, должен был продолжить подготовку кадров для военной юстиции. Офицеры, окончившие курс Военно-юридической академии, по распоряжению прикомандировывались к военно-окружным судам в качестве «лиц, приготавливаемых к занятию должностей по военно-судебному ведомству». В обязанности этих лиц входило посещение судебных заседаний, а также исполнение различных поручений судей и прокуроров. Самостоятельно они имели право исполнять функции защитника подсудимых. Такая стажировка длилась в течение года. По истечении этого срока лица, приготавливаемые к занятию должностей по военно-судебному ведомству, подвергались испытанию, успешное прохождение которого давало право на получение статуса кандидата на военно-судебные должности. Таким образом, правовой статус военной кандидатуры распадался на две составляющие. Динамика численности лиц, приготавливаемых к занятию должностей по военно-судебному ведомству, говорит о снижающейся роли данного института. Так, в 1870 году их насчитывалось 50, в 1872 – 41, 1884 – 20, 1888 – 20, 1901 – 12, 1906 – 9 [8, с. 48, 44, 26, 24]. Такая ситуация объясняется, на наш взгляд, тем, что военно-судебное ведомство комплектовалось строго по плану военного министерства. При достаточном количестве военно-судебных кадров, ряд выпускников академии (чаще тех, которые не отличились в процессе учебы) отправлялись в свои воинские части и продолжали службу в качестве строевых офицеров, а не чинов военно-судебного ведомства [5, № 213]. Таким образом, обеспечив кадрами к началу XX века военные суды, постепенно отпала необходимость в большом количестве стажеров.

Следующим этапом стажировки являлось собственно звание кандидата на военно-судебные должности. Правовой статус этого института был определен Военно-судебным уставом 1867 года.

Кандидаты на должность по военно-судебному ведомству состояли при Главном военно-судном управлении и окружных судах и являлись штатной единицей [2, Ст. 7]. Вопрос о зачислении в кандидаты решался военным министром. В каждом окружном суде было предусмотрено необходимое количество кандидатов. Вместе с тем, при суде могли числиться и нештатные стажеры [2, Ст. 202]. Так же как и гражданские, кандидаты на военно-судебные должности распределялись между председателем суда и прокурорами. Однако к концу XIX века стажировку кандидатов у председателей военно-окружных судов признали нецелесообразной и стали определять их только к военным прокурорам [16, с. 8].

Во время прохождения стажировки кандидаты на военно-судебные должности продолжали числиться при воинских частях, к которым они

принадлежали. Важным отличием в правовой организации военной кандидатуры являлся оплачиваемый характер их должности [3, Ст. 201]. При разработке Военно-судебного устава уполномоченная на то комиссия сразу обратила внимание на недостаток такого положения в учреждениях судебных установлений и определила назначить определенное содержание стажерам военно-судебного ведомства [6, с. 47]. Должностной оклад кандидата на военно-судебные должности составлял 900 рублей в год. Так же было предусмотрено вознаграждение для первого этапа стажировки при военном суде в качестве лиц, приготавливающих к занятию должностей по военно-судебному ведомству в размере стипендии, которые получали офицеры, обучающиеся в Военно-юридической академии. Вместе с тем в военном ведомстве наметился диссонанс между жалованием, получаемым кандидатом, и его товарищами, проходящими строевую службу в воинских частях, которые не имели высшего военно-юридического образования. Специалисты отмечали, что лица, окончившие Военно-юридическую академию, избегают идти в военно-судебное ведомство ввиду отсутствия должного содержания [19, с. 2] Часто материальное положение офицеров, обучающихся в академии, было намного лучше, чем после ее окончания [11, с. 54-55].

Военно-судебный устав установил срок стажировки в качестве кандидата не менее двух лет [2, Ст. 207]. На практике выходило, что прежде чем получить должность при военном суде, кандидаты состояли в этом звании до шести-семи лет. В целом можно констатировать, что все кандидаты на военно-судебные должности со временем получали соответствующее назначение. Это было связано, во-первых, с небольшим количеством стажеров, а, во-вторых, как отмечалось выше, с планом комплектования военных судов, который определялся заранее, и четко устанавливал количество стажеров при окружном суде, которые в перспективе могли получить должность.

Анализ законодательных актов, регламентирующих организацию стажировки, показывает, что подготовка кандидатов носила бессистемный характер. Хотя общее руководство занятиями и возлагалось на прокуроров и председателей судов, но в силу их загруженности, занятий было недостаточно. На страницах печати не раз поднимался вопрос о реформировании системы практической подготовки кандидатов на военно-судебные должности. Особенно остро эта проблема стала обсуждаться в 1891-1892 годах. Однако законодатель не внес ни одного предложения, чтобы исправить создавшееся положение со стажерами. На наш взгляд, такое «равнодушие» со стороны властей объясняется следующими особенностями института кандидатов на военно-судебные должности. Выше отмечалось, что будущие кандидаты на военно-судебные должности имели хорошую теоретическую подготовку, получаемую в Военно-

юридической академии. При поступлении стажеров на службу в военно-судебное ведомство у его чиновников не возникало сомнений относительно знаний и умений молодых специалистов. К тому же небольшое количество стажеров делало нецелесообразным организовывать занятия по образцу судебных учреждений. Так, в 1868 году при Московском военно-окружном суде состояло пять кандидатов, при Петербургском – четыре [9, с. 11-12, 14-15], и каждый из них был определен либо к прокурору, либо помощниками прокурора, либо к председателю суда и выполнял соответствующие поручения. Таким образом, можно сделать вывод, что кандидаты на военно-судебные должности получали достаточно качественную профессиональную подготовку, набирались необходимого опыта, а затем пополняли ряды военных юристов.

В целом характеризуя правовой статус кандидатов на военно-судебные должности, можно отметить, что правовая организация данного института была достаточно четкой. Так императивный характер носит закрепленная в законе норма о минимальном сроке кандидатского стажа – не менее двух лет, а так же строгой регламентации подлежала численность стажеров при судах, которая определялась военным министром. Заметной особенностью являлось назначение кандидатам фиксированного штатного оклада. Представляется, что данные отличительные черты происходят из специфики военного ведомства в целом.

Заметим, что функция защиты в военных судах была возложена на присяжных поверенных. Хотя при разработке Военно-судебного устава обсуждался вопрос об учреждении специализированной военной адвокатуры. Однако основные доводы комиссии против такого предложения были мотивированы невозможностью вменить в обязанность одному офицеру защищать другого. Поэтому институт аналогичный помощникам присяжных поверенных в военной юстиции создан не был.

Таким образом, формирование кадрового состава органов военной юстиции в России прошло долгий путь. Заложенные Петром I принципы военной юстиции, а именно – специализированные военные суды, институт аудиторов, а также предпринятые императором первые шаги по профессионализации чиновников военно-судебных учреждений получили свою окончательную реализацию лишь во второй половине XIX века. Подготовка кадров для военно-судебного ведомства представляла собой сочетание двух компонентов – теоретического и практического. Теоретическая составляющая подразумевала получение специальных юридических знаний, для чего были созданы сначала Аудиторское училище (школа), а позднее – специализированное учебное заведение Военно-юридическая академия. Практический этап подготовки подразумевал стажировку в качестве кандидата на военно-судебные должности. Данный институт смог решить важнейшую задачу, поставленную перед ним

законодателем, а именно – обеспечить квалифицированными кадрами военную юстицию. В том числе благодаря грамотному решению кадрового вопроса в России во второй половине XIX века сложилась вполне современная система военной юстиции, многие принципы которой продолжают существовать в настоящее время.

Пристатейный библиографический список

1. Высочайше утвержденное положение об аудиторской школе при Санкт-Петербургском батальоне военных кантонистов от 26 марта 1832 г. // ПСЗ-II. Т. VII. № 5253.
2. Высочайше утвержденный Военно-судебный устав от 15 мая 1867 г. // ПСЗ-II. Т. XLII. № 44575.
3. Высочайше утвержденное положение о Военно-юридической академии от 28 сентября 1868 года // ПСЗ- II. Т. XLIII. № 46289. Свод военных постановлений 1869 года. Кн. IV. Заведения военно-учебные. СПб., 1907. №307.
4. Высочайше утвержденное Временное положение о Военно-юридической академии от 17 июня 1878 года // ПСЗ-II. Т. LIII. № 58637.
5. Свод военных постановлений 1869 года. Кн. IV. Заведения военно-учебные. СПб., 1907. № 196, № 197, № 205, № 206.
6. Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е.и.в. Канцелярии, 1867. – 936 с.
7. Подсчитано: Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА) . Ф.1614.Оп.1. Д.16 Сведения о состоянии личного состава суда к 1 января 1906 году. -115 с.; посчитано: РГВИА. Ф.1614.Оп.1. Д.27 Сведения о состоянии личного состава суда к 1 января 1900 года (27 февраля 1901 год). 131 с.; Ф.1351. Оп.3. Д.285. Послужные списки чиновников суда за 1900-1904 гг. 143 л.
8. Свод штатов военно-сухопутного ведомства. – СПб.: Военная типография, 1870. – 370 с.; Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1872 год. – СПб.: Тип. Гогенфельден и К, 1874. – 122 с., с приложением; Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1884 год. – СПб.: Д. Шеметкина и К, 1886. – 132 с.; Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1888 год. – СПб.: Я.И. Либермана, 1890. – 1890 с., прилож.; Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1898 год. – СПб.: Военная типография, 1900. – 126 с. прилож.; Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1906 год. – СПб.: Военная типография, 1908. – 1908 с. прилож.
9. Общий состав чинам Государственного военно-судного суда и Главного военно-судного управления. – Б.м. – 1868.
10. Устав воинский от 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. (далее – ПСЗ-I). Т. V. № 3006.
11. Захаров В.В., Ильина Т.Н. Система подготовки кадров для военной юстиции в России во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ: Вып. 4: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. В.В. Захаров. – Курск, 2011.
12. Игнатьев Л.В. Суды на Руси // Армейский вестник . 1994. №1.
13. Кузьмин-Караваяев В.Д. Военно-юридическая академия: 1866-1891 гг.: Краткий исторический очерк. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891.1891. – 302 с.

14. Объяснительная записка к проекту основных положений преобразования военно-судебной части. Б.м.,б.г.
15. О военном судопроизводстве и судоустройстве // Юридический журнал. 1861. №7. Март.
16. О кандидатах на военно-судебные должности // Судебная газета. 1896. №17.
17. Практическое упражнения военных юристов // Юридическая газета. - 1885.- №13.
18. Серов Д.О. Российские судьи с высшее юридическое образование // Высшее образование в России. 2013. № 10.
19. Симонов И.С. К вопросу о материальном положении кандидатов на военно-судебные должности // Санкт-Петербургские ведомости. 1903. №297.
20. Генеральный регламент от 28 февраля 1720 г. // ПСЗ-I. Т. VI. № 3534.

© Куксин И.Н., Ильина Т.Н., 2015

УДК 342.2

***Петров А.В.,**
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Южно-Уральского государственного университета,
г. Челябинск, Россия*

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Определяющим направлением, обуславливающим проблематику становления изучаемой категории, является защита прав и свобод человека и гражданина. Соблюдение и защита прав и свобод человека формируют основу развития гражданского общества в государстве и определяют направление и динамику его формирования.

Для более полной характеристики защиты прав и свобод человека и гражданина как первоосновы, определяющей развитие процесса формирования гражданского общества на современном этапе в Российской Федерации, проанализирован ряд проблем построения гражданского общества, а также, как один из вариантов преодоления указанных проблем, рассмотрены возможности и значение защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: защиты прав и свобод человека и гражданина, гражданское общество, Конституция Российской Федерации, право и закон, свобода индивида.

*Petrov A.V.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law
South Ural State University,
Chelyabinsk, Russia*

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS SHAPING THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Determines the direction that contributes to the problems of formation of the studied categories is to protect the rights and freedoms of man and citizen. Observance and protection of human rights and freedoms form the basis for the development of civil society in the country and determine the direction and dynamics of its formation.

For a more complete characterization of the protection of the rights and freedoms of man and citizen as a fundamental principle that determines the development process of formation of civil society at the present stage in the Russian Federation, analyzed a number of problems of building a civil general-tion, as well as one of the options for overcoming these problems examined the possibilities and the importance of protecting the rights and freedoms of man and citizen.

Key words: protection of the rights and freedoms of man and citizen, civil society, the Constitution of the Russian Federation, the right and the law, freedom of the individual.

Формирование гражданского общества в современный период в Российской Федерации является сложным, многогранным и длительным процессом. Одним из определяющих направлений, обуславливающих проблематику становления изучаемой категории, является защита прав и свобод человека и гражданина.

Категории признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека формируют своего рода основу развития гражданского общества в государстве, определяют направление и динамику его формирования.

В соответствии с позицией И. Канта «свобода-одно-единственное естественное право человека. Она фундамент и основа всех иных прав, включающих человека в пространство «моральности» [1, с. 217].

Определяя роль и значение правового статуса личности, П.И. Новгородцев отмечал, что «безусловное значение человека – предполагает права и свободы как естественное и необходимое выражение его нравственного существа: без прав и свобод мы не мыслим личности» [2, с. 110]. Е.А. Лукашева указывает на то, что «без свободы невозможно «открытое

общество», признающее и соблюдающее права человека» [3, с. 276]. Рассмотренные позиции дают общее теоретико-правовое представление о значении прав и свобод человека в процессе формирования гражданского общества. Для более полной характеристики защиты прав и свобод человека и гражданина как первоосновы, определяющей развитие процесса формирования гражданского общества на современном этапе в Российской Федерации, представляется необходимым проанализировать ряд проблем построения гражданского общества, а также указать на возможности и значение защиты прав и свобод человека и гражданина, как один из вариантов преодоления указанных проблем.

В настоящее время перед Россией стоит задача реформирования общества, совершенствования институтов и структур, призванных обеспечить свободу и демократию, права человека и достоинство личности. Для государства, в котором длительное время существовал тоталитарный режим это достаточно сложные проблемы, требующие не только институциональных преобразований, но и социально-психологической, идеологической, нравственной переориентации общества.

Все негативные факторы в процессе формирования гражданского общества – ослабление государственности, незащищенность прав и свобод человека и гражданина, низкий уровень правовой культуры, резкое социальное расслоение являются значительными барьерами на пути становления исследуемой категории.

По нашему мнению, преодоление указанных проблем возможно только на основе признания объединяющей идеи. Такой идеей является высшая ценность – достоинство и права человека как консолидирующий принцип нравственной и правовой ориентации общества. Данная идея закреплена в Конституции Российской Федерации и должна определять деятельность всех структур государственной власти. Несмотря на законодательное закрепление основополагающего принципа гражданского общества, А.С. Миронченко отмечает утопичность данной идеи, указывая на учет современного нравственного и правового состояния общества [4, с. 12]. Вместе с тем В.А. Карташкин отмечает, что «для России есть только один путь – компромисс на основе идеи прав человека, которой должны быть подчинены все институты демократии, права, правового и социального государства, закрепленные в Конституции Российской Федерации» [3, с. 278]. Поэтому нужен поиск компромисса, постепенность, принятие решений, исключая насильственные методы. К. Поппер, выступая против насильственных методов преобразования общества, отмечал: «используя метод частных социальных решений, можно преодолеть самую большую практическую сложность, касающуюся государственных реформ, а именно – использовать для реализации нашей программы разум, а не страсти и насилие. При этом появится возможность достигнуть

разумного компромисса и, следовательно, улучшить существующую ситуацию с помощью демократических методов» [5, с. 164].

Достижение компромисса должно осуществляться на основе конституционно признанных в обществе государственных и правовых институтов. Институт прав человека с этих позиций изначально является выражением общественного компромисса, поскольку свобода индивида, выраженная в его правах, кончается там, где начинается свобода другого индивида. Необходимо отметить, что право и закон в качестве социальных явлений исторически также формировались как компромисс.

И. Кант считал право «совокупностью условий, при которых произвол одного лица совместим со свободой другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [1, с. 188]. Ж.-Ж. Руссо рассматривал закон как «условие существования гражданского общества» [6, с. 53]. Дж. Локк подчеркивал, что «без согласия общества не может быть закона».

Анализируя положения тех или иных авторов, мы приходим к выводу, что вся естественно-правовая доктрина основана на объединяющей силе согласия вокруг нравственной идеи. Е.А. Лукашева отмечает, что в современных условиях способ преодоления противоречий и конфликтных ситуаций в обществе – компромисс.

Само понятие демократии предполагает действие различных, разнонаправленных сил, но оно же исключает насильственные формы ликвидации какого-либо из слагаемых демократического процесса, исходит из необходимости преодоления конфликта при помощи различного рода институтов, учреждений, процедур сдержек и противовесов, которые выработало человечество для предотвращения общественных потрясений.

В связи с этим К. Поппер акцентировал внимание на том, что «институты неизбежно являются результатом компромисса между обстоятельствами, интересами и так далее, хотя как личности мы должны сопротивляться такого рода воздействиям» [5, с. 104].

Вместе с тем, Р. Арон, отмечая, что духовные свободы и демократические процедуры дают защиту против власти и произвола, подчеркивал, что они, прежде всего «дают возможность просветить людей, делать их способными к здравомыслию и нравственности... Политические свободы помогают сделать людей не конформистами или мятежниками, но критическими и ответственными гражданами» [7, с. 138].

Способность таких институтов как права и свободы человека и гражданина формировать человека, его ответственность, нравственность нельзя недооценивать, поскольку именно эти качества способны предотвращать конфликты, обеспечивать разумный компромисс, и в целом формировать гражданское общество на современном этапе. Следующей проблемой на пути формирования гражданского общества является преодоление стереотипов, связанных с принижением роли человека, пренебре-

жением к его правам, свободам, достоинству. Рассмотренные стереотипы, по мнению В.С. Нерсесянца, в первую очередь определяют аморализм современного российского общества. Следует использовать все средства, и прежде всего конституционные механизмы и институты для того, чтобы постепенно преодолевать этот аморализм [8, с. 123].

В целом же необходимо сделать права и свободы человека главной целью всех политических, экономических и социальных преобразований, направленных на формирование гражданского общества в Российской Федерации. Таким образом, защита прав и свобод человека и гражданина является одним из определяющих направлений процесса становления гражданского общества в Российской Федерации. Исследуемая первооснова развития и формирования гражданского общества обуславливает исходную идею изучаемой категории, кроме того, определяет практическую значимость, реализацию защиты прав и свобод человека и гражданина как одного из определяющих факторов в процессе формирования гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Кант И. Метафизика нравов. Соч. В 8 т. М., Т. 8. 1994.
2. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1999.
3. Лукашева Е.А. Права человека. М., 2009..
4. Миронченко А.С. Некоторые аспекты классификации прав человека // Государство и право. 2007. № 3.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938.
7. Арон Р. Эссе о свободах: «универсальной и единственной формы свободы не существует» // Полис. 1996. № 1.
8. Нерсесянц В.С. Соотношение общества и государств. М., 2006.

© Петров А.В., 2015

*Петров А.В.,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории
государства и права ЮУрГУ,
Асташов Д.С.,
аспирант кафедры теории и истории
государства и права ЮУрГУ,
г. Челябинск, Россия*

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ И. БЕНТАМА И ДЖ. ОСТИНА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

В статье проводится сравнительный анализ теоретико-правовых взглядов И. Бентами и Дж. Остина в сфере юридического позитивизма, раскрывается их отношение к теории естественного права. Выявлены сходства и различия представлений указанных философов права, их влияние на развитие буржуазной политико-правовой идеологии.

Ключевые слова: юридический позитивизм, естественно-правовая теория, утилитаризм, кодификация, право, закон.

*Petrov A.V.,
Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory and History
State and Law of SUSU,
Astashov D.S.,
Graduate student of the theory and history
State and Law of SUSU,
Chelyabinsk, Russia*

LEGAL POSITIVISM J. BENTHAM AND JOHN. AUSTIN: EXPERIENCE COMPERATIVE LEGAL ANALYSIS

The article presents a comparative analysis of the theoretical and legal views of J. Bentham and John. Austin in the field of legal positivism, revealed their relationship to the theory of natural law. Revealed similarities and differences of these representations philosophers of law, their influence on the development of bourgeois political and legal ideology.

Key words: legal positivism, natural law theory, utilitarianism, codification, law, law.

Под юридическим позитивизмом и в зарубежной, и в отечественной литературе понимается направление теоретических исследований, сторонники которого ограничивают задачи юридической науки изучением действующего права с формально-догматических позиций. Как писал Ж.-Л. Бертель, юридический позитивизм «состоит в том, чтобы признавать в качестве ценностей только нормы позитивного права и сводить любое право к нормам, действующим в данную эпоху и в данном государстве, не обращая внимания на то, справедливо это право или нет» [1, с. 67].

Возникновение юридического позитивизма в первой трети XIX в. было связано с процессами утверждения промышленного капитализма в странах Западной Европы. Решающую роль в этом сыграло формирование в наиболее развитых странах национального рынка, что потребовало ликвидации пережитков средневекового партикуляризма, а расширения сферы законодательного регулирования общественных связей и установления единого для всей страны правопорядка. На этой почве сложились ранние позитивистские концепции, для которых были характерны идеи верховенства закона как источника права, отождествление правовых норм с предписаниями государственной власти. Возникновение юридического позитивизма, таким образом, явилось закономерным итогом развития правовых отношений эпохи промышленного переворота.

К критике естественно-правовой теории юридический позитивизм подошел иначе, чем историческая школа права. В отличие от последней, поначалу использовавшей терминологическую оболочку опровергаемой теории, юридический позитивизм с самого начала принципиально отрицал иное право, кроме позитивного (отсюда само название этого направления). В поле зрения юридического позитивизма – не исторически сложившийся обычай, а закон, нормативный акт, установленный властью. Происхождение закона, его обоснование, изучение причин его принятия вообще выводятся юридическим позитивизмом за пределы правоправедения.

Родоначальниками концепции позитивного права являлись представитель идеи утилитаризма Иеремия Бентам и основатель аналитической школы права Джон Остин. Бентам много писал о философских, этических, юридических и политических проблемах современности. Еще в первых своих произведениях он отвергал теорию естественного права. Естественные права человека, по словам Бентама, представляют собой не более чем фикции или софизмы, так как в понятие неотчуждаемых прав человека теоретики вкладывают различное содержание, толкуя его совершенно произвольно. Право Бентам считал выражением воли суверена: право – это повеления и запреты, установленные государством и обеспеченные санкцией. Субъективные права – «детище закона»; вне повелений суверена нет никаких прав личности. Так называемые «естественные пра-

ва», – писал Бентам, – это «анархические софизмы», произвольные оценки закона и его действия.

В случае расхождения законов с предписаниями естественного права допускается неповиновение государственной власти, вследствие чего данное учение фактически призывает к анархии, может привести дестабилизации правопорядка. Являясь сторонником ясного и доступного законодательства, он порицал английскую систему «общего права», основанную на судебных прецедентах, как «капризную и непонятную властительницу наших судеб». Доктринам естественного права Бентам противопоставил идею проведения законодательных реформ на основе принципа максимизации общественной пользы. Осуществить подобные реформы предполагалось путем полного обновления и кодификации законодательства. Бентам разрабатывал проекты создания всеобъемлющего свода законов и призывал целиком отказаться от устаревших, архаических институтов прецедентного права.

Рассматривая структуру законодательства, Бентам исходил и того, что в составе права, действующего внутри государства, следует выделить три отрасли: уголовное, гражданское и конституционное право. Для каждой из этих отраслей, по его мнению, необходимо составить отдельный кодекс, причем главенствующая роль среди них должна принадлежать уголовному кодексу [2, с. 67-72].

Современное Бентаму законодательство он находил архаичным и несовершенным. «Законодательство должно, наконец, найти непоколебимую основу в чувствах и опыте». В поисках этой основы он разрабатывает теорию утилитаризма: «Природа подчинила человека власти удовольствия и страдания. Им мы обязаны всеми нашими идеями, ими обусловлены все наши суждения, все наши решения в жизни... Принцип пользы подчиняет все этим двум двигателям». Бентам подготовил полный кодекс законов, включающий гражданское, уголовное и конституционное право.

Единственно реальными интересами Бентам считает интересы отдельных лиц. Он много и обстоятельно рассуждает об удовольствиях и страданиях, классифицируя их по разным основаниям. Им даже разработаны правила «морального счета», где добро – «приход», зло – «расход». При этом существование частной собственности и конкуренции Бентам рассматривает как необходимое условие реализации главного положения его концепции: «Наибольшее счастье для наивозможно большего числа членов общества – вот единственная цель, которую должно иметь правительство».

Применяя утилитаризм к вопросам права, Бентам приходит к следующим выводам. Закон сам по себе – зло, поскольку он связан с применением наказания (страдание). Кроме того, при его осуществлении возможны ошибки. «Каждый закон есть нарушение свободы», – писал он. Тем не менее, закон для него – зло неизбежное, так как без него невозможно

обеспечить безопасность. Главным предметом защиты законодательства Бентам называет частную собственность: «Собственность и закон родились вместе и умрут вместе. До закона не было собственности; устраните закон, и собственность перестанет существовать» [3, с. 370-373].

Английский теоретик права Дж. Остин, изложивший свои взгляды в «Лекциях о юриспруденции, или философии позитивного закона», не отвергал теорию естественного права и оценочный подход к законам, действующим в государстве, однако выводил эти проблемы за рамки правоведения. Он стремился отделить правоведение от смежных областей знания, исключить из юридической науки проблемы этико-философского порядка. Юриспруденция, – писал он, – «имеет дело с позитивными законами, или законами в строгом смысле слова, без рассмотрения того, хороши они или плохи» [4, р. 114].

Законы, определяющие поведение человека в обществе, Дж. Остин подразделил на следующие виды:

- 1) божественные законы (этот термин он считал более правильным и точным, чем «естественное право»);
- 2) законы позитивной морали, основанные на мнениях («законы чести»);
- 3) позитивные законы, установленные государственной властью.

В отличие от Бентама, Остин считал, что решения суда следует воспринимать как часть права в том случае, когда они признаются в качестве таковых сувереном (то есть судебные решения становятся прецедентами с молчаливого согласия суверена) [5, с. 123].

Если Бентам признавал реальным правом лишь то, которое установлено государством, то Остин, использует термин «право» в самых разных смыслах: для обозначения не только права, но и религиозных догматов, правил морали, законов природы; это существенно мешает точному определению предмета юриспруденции.

Право, согласно Дж. Остину, – это «повеление суверена», воля суверена является источником права, при этом он подчеркивал, что суверен не связан принятыми законами, ибо в любой момент может их изменить – в противном случае он уже не будет сувереном. Исходя из этого, Остин отрицал существование конституционного права как особой отрасли законодательства, подчеркивая, что суверен не может издать законы, которые бы возлагали обязанности на него самого.

Развивая мысли Бентама, Остин писал, что целью правительства является общее благо, а не свобода, поскольку в разных условиях различны степень полезности свободы или ее ограничения. Остин был приверженцем классического либерализма, однако утверждал, что суверенная власть ничем не связана, преграды ее деятельности ставят только религия, мораль и согласие подданных, то есть привычка большинства подданных к повиновению данной власти. Наилучшей формой права Остин, как и Бен-

там, считал кодексы, но и признавал решения судей (в Англии) частью права[3, с. 370-373]. Аналогичным образом Остин подходил к характеристике правовых обычаев. Сами по себе обычаи, полагал он, относятся к нормам морали, но становятся правовыми, когда их начинают применять в судебных решениях, реализация которых обеспечена силой государственного принуждения.

Таким образом, в результате рассмотрения политико-правовых воззрения И. Бентама и Дж. Остина, можно выявить различия их взглядов в отношении естественно-правовой теории: полному отрицанию ценности этой теории Бентамом Остин противопоставляет попытку вывести ее за рамки правопедения. Бентам критиковал английскую систему права, основанную на судебных прецедентах, а Остин, в свою очередь, утверждал, что решения суда следует воспринимать как часть права в том случае, когда они признаются в качестве таковых сувереном. В то же время, развивая мысли Бентама, Остин писал, что целью правительства является общее благо, а не свобода, поскольку степень полезности свободы или ее ограничений в разных условиях различны. Также сходными следует признать утверждения философов права о необходимости создания системы кодексов, хотя в отличие от Бентама, Остин признавал частью права судебные прецеденты, так как они являются источником права с молчаливого согласия суверена.

Пристатейный библиографический список

1. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Пер. с франц. М., 2000. С. 48; Обзор литературы о современных течениях в юридическом позитивизме см.: Право XX века. Идеи и ценности. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2001.
2. Воротилин, Е.А. Естественное право и формирование юридического позитивизма // Государство и право. 2008. №9.
- 3 История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Юридическая литература, 1997. – 576 с.
4. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. L., 1861.
5. История политических и правовых учений / Под общ. ред. академика РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Издательство НОРМА, 2000.

© Петров А.В., Асташов Д.С., 2015

*Тарасов А.А.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Автор анализирует в едином исследовательском контексте понятия «уголовная политика», «реализация уголовной политики» и «правовое государство» и приходит к выводу, что реализация уголовной политики всегда опосредована мировоззрением конкретных её участников, и в правовом государстве может быть основана только на признании, уважении и защите естественных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный процесс, состязательность уголовного процесса, правовое государство.

*Tarasov A.A.,
Doctor of Law, Professor,
Head of Department of Criminal Law and Procedure
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

WORLDVIEW ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CRIMINAL POLICY IN A LEGAL STATE

The author analyzes in the context of a single research the concept of "criminal policy", "the implementation of criminal policy 'and' rule of law 'and concludes that the implementation of criminal policy is always mediated by specific worldview of its members, and great-vovom state can only be based on the recognition of, respect for and protection of natural rights and freedoms of man and citizen.

Key words: criminal policy, criminal procedure, competing-productivity of the criminal process, rule of law.

Сегодня под уголовной политикой понимают «составную часть политики государства в сфере борьбы с преступностью, в которой определены принципы, стратегия, основные задачи, формы и методы контроля за преступностью» [1, с. 995]. В «реализации уголовной политики», по мнению большинства авторов, присутствуют две составляющие – право-

творчество (создание норм материального уголовного права) и правоприменение (как деятельность всей системы уголовной юстиции по применению норм уголовного права в конкретных жизненных обстоятельствах с использованием для этого специальных процедур, урегулированных уголовно-процессуальным законом). По поводу других элементов реализации уголовной политики – правового воспитания, правовой пропаганды, привлечения населения к профилактике преступлений взгляды учёных расходятся. Полагаем возможным исходить из узкой трактовки форм реализации уголовной политики, ориентируясь на классическое понимание любой «политики» как деятельности государственной, которая не может быть делегирована ни частным лицам, ни даже государственным органам, не уполномоченным законом на правотворческую или правоприменительную деятельность [2, с. 48].

При относительном единстве мнений по поводу содержания уголовной политики и необходимости отнесения к ней и процессов криминализации и декриминализации деяний и определения оптимальных мер наказания за их совершение в уголовном законе, и процедур, в рамках которых правоохранительные органы осуществляют расследование преступлений, а суд разрешает уголовные дела, оценки и того, и другого разнятся в самых широких диапазонах. Примечательно, что собственно уголовно-правовая составляющая уголовной политики в самых ожесточённых спорах, как правило, неотделима от её уголовно-процессуальной составляющей. Думается, нельзя назвать случайным, например, то обстоятельство, что самые принципиальные сторонники сохранения в российской системе уголовных наказаний смертной казни являются одновременно и яркими противниками суда присяжных. Причина этих споров и по поводу формы правосудия, и по поводу самой суровой меры наказания гораздо лежит в принципиальном расхождении взглядов на соотношение прав и интересов личности с правами и интересами государства и общества. Эти споры имеют мировоззренческий характер и потому, на наш взгляд, не имеют перспективы быть разрешёнными. Приведённый пример принципиального мировоззренческого спора – наиболее яркий, но далеко не единственный. Авторы очень по-разному относятся к назначению и задачам уголовного судопроизводства, к роли суда и судебной власти в социально-политической жизни общества, а значит – и в реализации уголовной политики, к состязательности правосудия и соотношению в нём публичных и частных интересов, публичных и диспозитивных начал.

Отдавая себе отчёт в чрезвычайном многообразии вариантов позиций по всем названным и иным дискуссионным вопросам, имеющим выражённую идеологическую, мировоззренческую направленность, рискнём выделить два крайних полюса в этом множестве взглядов. Здесь принципиально избежать однозначных оценок и «ярлыков». Во-первых: обе по-

зиции высказываются людьми, умеющими их аргументировать и имеющими для этого те или иные фактические основания. Во-вторых: реальная правотворческая и правоприменительная практика и в самом деле, настолько богата противоречиями, что найти основания для любого из спорных суждений не составляет для образованного человека никакого труда. Наконец, в-третьих: в широком диапазоне суждений не так уж трудно делать заявления, относящиеся к одному мировоззренческому полюсу, и при этом практически одновременно обосновывать суждения, очевидно примыкающие к противоположному. Все используемые далее словосочетания условны, как условна и очерёдность их расположения в тексте, что также необходимо подчеркнуть отдельно.

Первый полюс условно можно назвать «*концепция правозащиты*». К этому полюсу примыкают сторонники правозащитного (а не карательно-го) назначения уголовного судопроизводства, главная задача которого состоит в определении взаимных прав и обязанностей государства и гражданина, вовлеченного в систему производства по уголовному делу. В этой системе презумпция невиновности, обеспечения права обвиняемого на защиту и состязательность процесса представляют безусловную самостоятельную ценность, а наказание виновных в совершении преступления не более значимо, чем ограждение от уголовной репрессии невиновных или тех, чья виновность не доказана.

Второй полюс столь же условно назовём «*концепция борьбы*». Представители этого полюса считают, что назначением уголовного процесса является борьба с преступностью, что суд – это такой же ответственный за борьбу с преступностью государственный орган, как и органы уголовного преследования, что состязательность уголовного процесса – это вообще не самоцель, и даже не главное содержание процедур производства по уголовному делу, а средство обеспечения неотвратимости наказания. На этом дискуссионном полюсе иногда звучат предложения об отказе от презумпции невиновности и состязательности процесса по делам о некоторых преступлениях, например, коррупционной и террористической направленности.

Степень остроты дискуссий между представителями обоих полюсов хорошо иллюстрируется в следующей цитате, авторов которой даже не требуется специально относить к какой-то из названных групп, ибо цитата говорит сама за себя. «Рост преступности в России происходил на фоне безудержной «либерализации» и «гуманизации» уголовного законодательства и правоприменительной практики, когда даже само понятие «борьба с преступностью» применительно к деятельности уголовной юстиции было объявлено «вульгарной идеей», несовместимой со шкалой либеральных ценностей. В результате мы имеем то, что имеем» [3, с. 21]. Имеем мы, как отмечают авторы в 2006 году, «кризис уголовной полити-

ки». Словосочетание «вульгарная идея» приводится авторами как цитата из Концепции судебной реформы 1991 года, поэтому считаем необходимым здесь воспроизвести и её целиком, в контексте оригинала, сохранив текстуальные выделения, которые авторы Концепции, судя по всему, считали принципиальными. «Вопреки вульгарным идеям целью уголовной юстиции является не борьба с преступностью, а защита общества от преступлений путём реализации уголовного закона, защита прав и законных интересов граждан, попавших в орбиту юстиции (истцов, ответчиков, потерпевших, обвиняемых). Под реализацией уголовного закона понимается при этом не только привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания, но и отказ от уголовного преследования невиновных [4, с. 19]». Полагаем, что полный контекст обоих приведённых высказываний позволяет оценивать и сами эти высказывания, и их критику более объективно.

Абстрагируясь далее вообще от распределения авторов по каким-либо полюсам, приведём ещё одну полную цитату, в которой представлена позиция одновременно трёх докторов наук, представителей как уголовно-процессуальной, так и уголовно-правовой науки. Предварительно заметим, что и здесь автор распределяет суждения специалистов по двум доктринам с традиционными для современной науки названиями.

В.А. Семенцов пишет в статье «Уголовное судопроизводство в механизме обеспечения национальной безопасности»: «Думается, что предписания ст. 6 УПК РФ о приоритете прав и свобод человека есть проявление доктрины «должной правовой процедуры», признающей решающую роль соблюдения правовых процедур в состязательной модели судопроизводства. Следует одобрить мнение О.В. Волколуп (Гладышевой) о том, что «в условиях современного состояния российского общества, уровня правосознания граждан, развития институтов адвокатуры и прокуратуры состязательная форма уголовного судопроизводства менее всего соответствует интересам общества и отдельных граждан... С практической точки зрения наличие резкого разграничения процессуальных функций обвинения и защиты в стадии предварительного расследования снижает эффективность проведения процессуальных действий» (*здесь приводится ссылка на монографию О.В. Волколуп – прим. А.Т.*). В то же время доктрина «контроля над преступностью» нацелена на то, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию, даже если при этом будут осуждены отдельные невиновные лица и нарушены права и свободы отдельных граждан. Именно эта доктрина, как отмечает О.Н. Ведерникова (*ссылка на монографию О.Н. Ведерниковой – прим. А.Т.*), отражает важную тенденцию современного развития уголовно-процессуального права, поскольку всё большую популярность приобретает подход, базирующийся на идеях «нулевой терпимости к преступ-

лению» и «исключения» преступников из жизни общества. Согласно данному подходу контроль над преступностью рассматривается как «война» с преступными проявлениями, где преступники – это «враги», которые должны быть побеждены и уничтожены» [5, с. 7-8]. И снова – воздержимся от оценок, полагая, что и эта цитата говорит сама за себя.

Проанализируем сказанное с других позиций: в приведённом высказывании чётко прослеживается деление общества на две большие группы: некие «мы» - законопослушные, честные, верные своему гражданскому долгу и одинаково относящиеся ко всему происходящему в нашей стране, и некие «они» - преступники, которые «нам» «враги», а потому они подлежат «исключению» из «нашего» общества и уничтожению. Автор настоящих строк, анализируя собственный адвокатский опыт и опыт экспертной работы с Уполномоченным по правам человека в Самарской области, искренне не возьмёт на себя смелость такого разделения граждан собственной страны на две группы, одна из которых непременно должна «исключить» и «уничтожить» другую. Все сотрудники правоохранительных органов, например, – это, в контексте рассуждений В.А. Семенцова, те самые «мы», которые должны сами указать тех, которые – «они» и сами сделать всё для «исключения» «их» из общества «нас». Как же быть с теми сотрудниками правоохранительных органов, которые, оставаясь на своих должностях, уже давно не «мы», а «они»? Их бы, по-хорошему, самих всех «исключить» и «уничтожить», а они пока ещё сами решают, кого надо «уничтожать» и «исключать». И ещё они дают почву для масштабных научных исследований, результаты которых никак не позволяют однозначно поделить общество на «чёрных» и «белых», а потому заставляют это общество искать более тонкие и более надёжные пути защиты самого себя от преступности внутри самого себя же. Особая популярность в последние годы исследований негативных процессов внутри правоохранительной системы [6] не может не наталкивать сторонников «концепции борьбы» или «контроля над преступностью» на мысль о крайней неоднородности того, что очень хочется назвать словом «мы», и об опасности поспешных выводов о том, кто такие «они», то есть те, кого надо «исключать» из общества.

Идеи состязательности уголовного судопроизводства и необходимости защиты в нём основных прав и свобод человека, независимо от отношения к этому человеку конкретных чиновников в конкретный момент, возникли и отстаиваются не из одного лишь абстрактного человеколюбия и стремления подражать Западу, как это иногда довольно примитивно преподносится в литературе. Эти идеи утвердились в большинстве современных национальных правовых систем и в международном сообществе благодаря пониманию в процессе длительного исторического развития одной простой и сугубо практической истины: если в уголовном про-

цессе не обеспечить равную защиту прав всех его участников (поделив их на «наших» и «не наших»), значит, не будут обеспечены ничьи права, значит, любой человек, как объективно виновный, так и объективно невиновный, каждый раз будет оказываться в бесконтрольной единоличной власти конкретного полицейского на улице или в опорном пункте полиции, конкретного следователя или оперуполномоченного, конкретного надзирателя в тюрьме или колонии. Практика многократно убеждала в том, что бесконтрольная власть стимулирует практически любого человека к злоупотреблениям, и никакие воспитательные меры исключить этого не могут. С этих позиций принцип состязательности процесса, равно как и требование достоверного установления обстоятельств, полагаемых в основу мотивированных властных решений, и многие другие «либеральные выдумки» – это всего лишь способы ограничить опасность злоупотреблений и минимизировать их негативные последствия [7, с. 416-463].

«Боевая риторика» представителей «концепции борьбы», на наш взгляд, абсолютно несовместима с принципами существования правового государства. В правовом государстве, каковым Россия названа в ст. 1 Конституции, личность – это не средство, а цель любых социальных преобразований, а права, обязанности и ответственность государства и личности взаимны [8, с. 11]. Правовое государство – это не застывшее состояние, имеющее какую-то точку официальной фиксации, например, в Конституции страны, это «правовая форма организации и деятельности публично-политической власти и её взаимоотношений с индивидами как субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина» [9, с. 106]. В правовом государстве нельзя поделить людей на «хороших» и «плохих», заслуживающих защиты и не заслуживающих, нельзя «исключить из общества» «врагов», подлежащих уничтожению, а само государство сохранить при этом как правовое.

Уголовная политика в правовом государстве, ведущем самую решительную борьбу с преступностью, может быть реализована только на основе естественно-правовых представлений о безусловной ценности человеческой личности, которую это государство обязано защищать и от преступных посягательств, и от властного произвола.

Пристайный библиографический список

1. Шмаров И.В. Уголовная политика // Российская юридическая энциклопедия. – М.: Издательский Дом ИНФРА, 1999.
2. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
3. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006.
4. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М.: Республика, 1992..

5. Семенов В.А. Уголовное судопроизводство в механизме обеспечения национальной безопасности // Избранные статьи по уголовному процессу. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013.
6. См., например: Багмет М.А. Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование): Автореф. дис. ... к.ю.н. – Москва. 23 с; Халиков А.Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования: монография. – М.: Изд-во «Волтерс Клувер», 2011. -544 с. и другие.
7. Подробнее об этом см.: Тарасов А.А. Взаимодействие разнонаправленных интересов в уголовном судопроизводстве: антикоррупционный аспект // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006.
8. См.: Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / Под ред. М.К.Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
9. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. – М.: Издательство Норма, 2001.

© Тарасов А.А., 2015

УДК 342.32.33

Попова А.В.,

*кандидат юридических наук, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева
Юридического факультета им. М.М. Сперанского ФГОБУ ВПО
«Российская государственная академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГОБУ ВПО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Россия*

СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ В РОССИЙСКОЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

В статье на основе сравнительно-правового анализа творческого наследия представителей различных направлений российской неолиберальной политико-правовой доктрины конца – начала вв. дается анализ трактовки социального правового государства. Приводятся различные подходы к пониманию сущностных признаков правового и социального государства. Делается вывод об отнесении правового государства к реально достижимому государственно-правовому идеалу, а социального

правового государства – к абсолютному, конечному идеалу построения государственности в России

Ключевые слова: правовое государство, социальное государство, признаки государства, государственно-правовой идеал, неолиберализм.

Popova A.V.,

PhD, PhD, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law. G.V. Maltsev Faculty of Law them. MM Speranskii FGOBU VPO "Russian gosudarstvennayaakademiya national economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Associate Professor of the Theory and History of State and Law FGOBU VPO "Financial University under the Government of the Russian Federation " Moscow, Russia

SOCIAL RULE OF LAW AS PUBLIC-LEGAL IDEAL IN THE RUSSIAN NEO-LIBERAL POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

In article on the basis of comparative legal analysis of the creative heritage of representatives from different areas of the Russian neo-liberal political and legal doctrine of the end - the beginning of the century the analysis of interpretations of the social constitutional state. Describes different approaches to understanding the essential features of legal and social state. The conclusion is made about the assignment of a legal state to achievable state and legal ideals and social legal state to the absolute, the ultimate ideal state building in Russia

Key words: constitutional state, social state, the signs of state-legal ideal, neoliberalism.

Социальное правовое государство определялось в неолиберальной политико-правовой доктрине России конца XIX - начала XX вв. как синтез абсолютного и относительного общественных идеалов в виде конечного идеала государственно-правового устройства [1]. Для неолиберальной доктрины социальное государство представляло собой высшую ступень развития правового государства. Поэтому в целях его достижения, неолибералы продолжали разрабатывать теорию правового государства, получившее свое обоснование еще в классическом западноевропейском либерализме.

Общепризнано, что сам термин «правовое государство» является немецким по своему происхождению, поэтому первоначально оно получило обоснование в трудах преимущественно немецких ученых и призна-

валось достоянием германского духа. По мнению видного неоллиберала С.А. Котляревского, в немецкой литературе существовало несколько подходов к пониманию сущности правового государства. Одни исследователей, среди которых он называл Р. Моля, Ф.Ю. Шталя, О. Бэра, понимали правовое государство как синонимом конституционного. При этом за образец такого государства с последовательным конституционализмом ими принимали западноевропейские государства. Другие исследователи, к которым С.А. Котляревский относил Л. Штейна и Р. Гнейста и др., считали, что правовое государство представляет собой конечный этап в эволюционном развитии государства, последовательно проходившего патриархальную, иерархическую, деспотическую и правовую стадии. Для обеих теорий характерно понимание конституционализма как необходимого условия существования правового государства.

Для российского неоллиберализма конца XIX – начала XX вв. одной из основных теоретических проблем являлось признание социального правового государства в качестве конечного российского государственно-правового идеала. Особенность понимания социального правового государства в трактовке неоллиберальных мыслителей заключалась в четком разграничении общетеоретических положений правового государства и практическом воплощении в отдаленной перспективе социального государства как высшей ступени правового.

В неоллиберальной политико-правовой доктрине получили обоснование две характеристики сущности социального правового государства: социально-содержательная и формально-юридическая. Первая заключалась в наиболее полном обеспечении правами и свободами человека и гражданина, прежде всего социально-экономическими, создании режима правового стимулирования развития личности. Вторая раскрывалась в идее связанности государственной власти правом, выражавшейся в формировании для государственных структур правового режима ограничения их властных функций. Таким образом, социально-содержательная характеристика сущности правового государства представляла собой особую систему взаимоотношений общества и государства, в которой на первом месте находятся естественные права человека, а на втором – право на осуществление государственной власти по отношению к социуму является вторичным, производным от первого.

Формально-юридическая характеристика представляла собой самостоятельные признаки правового государства, обоснованные в теоретических построениях неоллиберальных мыслителей как идеалистического, так и позитивистского направлений. К таким признакам российские неоллибералы относили:

- верховенство права и зависимость государственной власти от него; принцип распределения власти на законодательную, исполнительную и судебную, основанный на системе сдержек и противовесов;

- народное представительство в органах государственной власти, гарантированные государством права и свободы человека и гражданина;

- принцип взаимной ответственности государства и личности; высокий уровень правосознания и правовой культуры общества в целом.

Неолиберальные мыслители утверждали, что только сумма индивидуального и общественного начал может действительно отражать характеристику социального правового государства. Главный тезис заключался в том, что достижение государственно-правового идеала возможно, если индивидуальное начало классической либеральной доктрины дополнить социальным началом юридического позитивизма, так как, с одной стороны, человек становится личностью только в социуме, а с другой - развитие социума зависит от правосознания каждого индивида. Так, по мнению П.И. Новгородцева, правовое государство определялось как «естественно-правовая конструкция», роль которой должна оцениваться только с нравственных позиций, когда основополагающим будет самосознание общества. Социальные права и прежде всего, право на достойное человека существование могут быть реализованы только на этапе становления гражданского общества, которое, в свою очередь, зависит от уровня нравственного потенциала индивидов в их совокупности. При соответствующем развитии гражданского общества и гарантированности всех прав и свобод личности, в том числе и социальных, закономерным этапом будет социальное правовое государство. Такое государство «должно утверждаться на общем уважении и общей любви к своему общенародному достоянию, и оно должно в глубине своей таить почитание своего дела, как дела Божия» [2, с. 215].

Будучи легальным марксистом, П.Б. Струве утверждал, что социальное правовое государство, как конечный этап развития социума, должно заключать в себе четыре идеи – права, культуры (общественного правосознания), религии и нравственности, представляющие собой «особый аспект сверхличного человеческого бытия» [3, с. 406]. Такое понимание взаимоотношения культуры нации и государства составляло основу концепции «Великой России», которая представляла собой «идеал государственной мощи, идею дисциплины народного труда, идею права и прав». Поэтому в соответствии с взглядами П.Б. Струве социальное правовое государство - это рациональная организация индивидов, имеющая, при этом, «мистичную, сверхразумную природу» [3, с. 406], которая заключается в развитии национального духа как общественного правосознания, определяемого в качестве «волевого начала нации».

Для Б.А. Кистяковского главным в оценке социального правового государства являлся аксиологический подход, поэтому естественные права личности находятся всегда в приоритетном положении по сравнению с позитивным государственным правом, выступая по отношению к последнему в качестве нравственного образца. Социальное правовое государство в его трактовке – это «всеобъемлющая форма солидарности между людьми», целью которого является «создание и выработка наиболее полных и всесторонних форм человеческой солидарности» [4, с. 142]. Поэтому «общее благо – вот та формула, в которой выражаются задачи и цели государства» [4, с. 142].

Л.И. Петражицкий определял социальное правовое государство как «нравственное совершенствование человечества», когда основополагающими становятся принципы «уважения к праву, как таковому, чувства святости норм общежития как таковых», которые, по его мнению, являются «существенным условием этического здоровья и прогресса народа», представляя собой «ангела-хранителя, удерживающего (...) от попрания общего блага и преследования всякими средствами своих эгоистических целей и порочных расчетов» [5, с.192].

Для неолибералов достижение свободы личности во всех ее проявлениях, и особенно в достижении достойной жизни, представлялось высшей ступенью правового государства, базирующегося на верховенстве закона и конституционном демократическом государстве. В начале XXI в. в российском обществе нет социального благополучия и не сформированы социальные ценности, без которых не может быть ни социального, ни тем более правового государства. Мы убеждены в правоте неолиберальных мыслителей, ставящих на первое место при определении государственно-правового идеала характеристику государства как «социального», так как только при формировании правовой культуры и правового сознания (право на образование, свобода творчества и др.), реализации принципов социальной справедливости (право на труд, социальное страхование, право социального обеспечения, свобода предпринимательской деятельности и др.), проведении в жизнь государственной социально-экономической политики возможно создание на практике действительно социального правового государства в России.

Особенностью неолиберальной трактовки социального правового государства была оценка его в качестве универсального средства достижения социальной гармонии, гарантирующего все условия не только для развития и саморазвития автономной личности, но и общества как объединяющего начала индивидов. Цель такого общества заключается в общем благе, в результате чего правовое государство переходит на ступень социального государства. Поэтому достижение уровня социального правового государства представители неолиберальной политико-правовой

доктрины видели исторически необходимым этапом развития государства, которое в своем становлении обуславливается историческими особенностями взаимодействия личности, общества и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Попова А.В. Неолиберальная модель государственного и общественного устройства России во второй половине XIX - начале XX вв.: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012.
2. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. – М.: Правда, 1990.
3. Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова [вступ. ст. и примеч. В.Н. Жукова] – М.: Республика, 1997.
4. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6.
5. Петражицкий Л.И. Модные лозунги юриспруденции // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения или преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013.

© Попова А.В., 2015

УДК 342.2(470)

*Тимонин А.Н.,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории государства и права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ: МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ-ЛЕНИНИЗМОМ И ЗАПАДНИЗМОМ

В статье проанализировано современное состояние отечественного государственноведения. Его специфика состоит в том, что многие заимствованные из-за рубежа идейно-теоретические конструкции до сих пор существуют с марксистскими концептами. Автором отмечается невозможность продуктивного использования зарубежного теоретического государственноведения в российских условиях, так как многие его положения довольно часто не соответствуют реалиям нашей страны.

Ключевые слова: государственноведение, отечественное государственноведение, марксизм-ленинизм, марксистско-ленинская теория государства и права, западнизм, государственно-правовые конструкции.

*Timonin A.N.,
Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory of State and Law
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

RUSSIAN GOSUDARSTVOVEDENIE TODAY: BETWEEN MARXISM-LENINISM AND WESTERNISM

The article analyzes the current state of the domestic gosudarstvovedeniya. Its specificity is that borrows heavily-suite from abroad ideological and theoretical constructs still co-exist with Marxist concepts. The author notes the impossibility opportunity-productive use of foreign theoretical gosudarstvovedeniya in the Russian context, as many of the Provisions of the quite often do not correspond to the realities of our country.

Key words: gosudarstvovedenie, domestic state-keeping, Marxism-Leninism, Marxist-Leninist theory of state and law, Westernism, state and legal structure.

В отечественной литературе не существует единого мнения о судьбе марксистско-ленинской теории государства. После того, как марксизм-ленинизм утратил былое влияние, данная теория не перестала существовать в общей теории государства и права. Несомненно, что марксизм-ленинизм оказал значительное влияние на развитие отечественной государственведческой мысли. Несомненно, также, что многие выработанные им конструкции и понятия до сих пор находят применение в науке теории государства и права. Классовое происхождение государства и поныне противопоставляется с консервативных позиций прогрессивным взглядам на этот процесс. Понятийно-категориальный фонд отечественной юридической литературы и ныне пестрит такими формулами, как «классовые противоположности», «классовые структуры», «классовые интересы», классовая основа, восходящими к марксистско-ленинской теории государства и права.

Отечественная литература по истории государства достаточно обширна и содержит значительный фактологический материал. Но в современном российском государственведении так и не удалось сформировать ничего подобного исторической или неисторической школе права. Напротив, в литературе давно уже констатируется «развод» истории и теории государства и права, в результате которого история тяготеет к описательности, а теория характеризуется отсутствием историзма в понимании многих явлений так или иначе связанных с государством.

Уже юридический позитивизм и формально-догматический метод, возобладавшие в отечественной теории государства во второй половине XX в., были по своему существу антиисторичны. На словах позитивизм подчеркивал преимущества социалистического строя и социалистического государства по сравнению с тем, что существовало в дореволюционной России, но при этом игнорировались сами закономерности развития российского государства, и оно представало как воплощение массового творчества самих трудящихся. Для марксизма-ленинизма основными в трактовке государства были догматические категории, с которыми должна была согласовываться политическая действительность.

В отечественной теории государства советского периода были прочно заложены традиции антиисторизма. В ней не было даже попытки соединения в одном лице юриста-теоретика, изучающего современную государственную жизнь, и историка. Игнорирование историзма связано не только с путями развития самой государствоведческой мысли. Она отражает кризис историзма в том виде, в каком он нашел выражение в отечественной юриспруденции и всем общественном сознании советского периода. У многих представителей отечественной теории государства историзм ассоциировался с засильем марксистского исторического материализма. Поэтому он не стал основой ведущего, магистрального направления государствоведения и в постсоветских условиях. Напрашивается вывод: исторический подход носил и носит достаточно поверхностный характер в современном отечественном государствоведении. В целом историзм представляет собой явно второстепенное явление в современной российской теории государства и права, если не говорить об отдельных прагматических целях, которым он служит, является в известной мере даже обузой для отечественной теории государства. Надо откровенно признать, что для большого числа юристов-теоретиков – наших современников история государства – это объект подозрения и даже презрения.

Отечественную теорию государства отличает, подчеркнуто абстрактная направленность: она тяготеет к пустому тереотизированию, отвлеченному умствованияю. Развитие отечественной государствоведческой мысли отмечено последовательным восприятием западноевропейских образцов: теории естественного права, разделения властей, правового государства, парламентаризма, конституционализма и других. Собственный вклад российских юристов теорию государства, хотя Россия имеет большой опыт в разрушении собственного государства и в последующем его воссоздании, невелик. Богатство практического опыта не всегда сопутствует большим достижениям в области развития государствоведческой мысли. Российское государствоведение ни раньше, ни теперь не имеет сколько-нибудь значительного влияния в Европе, ни тем более в США.

Не следует приуменьшать значение исторических особенностей, присущих развитию государствоведческой мысли в России. Они во многом были вызваны принципиальными идеологическими различиями. Основу общности отечественных учений о государстве, определившую и пути их развития, составлял однотипный преимущественно марксистский философский базис, однотипная философская подготовка самих российских государствоведов, определившая принципиальное совпадение взглядов на происхождение и сущность государства. В этой сфере теоретического познания налицо поразительное единодушие взглядов, которое переходит из учебника в учебник.

Основой достижения общности взглядов, альтернативных марксизму, стало идеологическое влияние стран Запада на отечественную политико-правовую мысль. Если же говорить о государственной жизни в целом, то наряду с этим фактором немалую роль играет такая историческая предпосылка, как значительные масштабы государственно-правовой аккультурации в ходе развития российского государства и права. Речь идет о широком использовании и даже копировании западных образцов для реформирования отечественного государства и права. Проблема государственно-правовой аккультурации достаточно сложна и требует самостоятельного всестороннего рассмотрения. В интересующей же нас связи важно отметить, что заимствование государственно-правовых форм с неизбежностью влекло за собой обращение к политико-правовой науке «страны-поставщика». Обращение это никогда не ограничивалось восприятием практико-прикладных аспектов науки, а охватывало все ее сферы, в том числе идеологические ступени довольно высокого порядка.

Холодная война завершилась крушением Советского союза и победой США. После этого в российском государствоведении усиливается влияние американских образцов. Более того, многие нормативно-правовые акты ельцинской эпохи были написаны буквально под диктовку «заокеанских партнеров». Данное влияние проникло и в российские регионы, когда в некоторых из них создавались неконституционные должности. Примером может служить республика Башкортостан, в которой некогда была создана неконституционная должность государственного секретаря этой российской республики. Оставляя в стороне вопрос о предпосылках американского влияния и противостоящих ему тенденциях, подчеркнем, что перед нами весьма специфическое социально-политическое явление. Его можно условно назвать «идеологическим внедрением».

Сегодня отечественная государствоведческая мысль, решая вопрос о дальнейших путях эволюции российского государства, оказалась в своеобразном «гносеологическом тупике». Ибо как ни сложны государство и право, их стороны, аспекты и грани не бесконечны и, в сущности, почти все из них уже использовались в качестве исходной посылки зарубежны-

ми учеными. В России были перепробованы если не все, то очень многие направления зарубежной научной мысли. Тем самым было существенно затруднено появление принципиально новых направлений, растут эклектизм, спекулятивное конструирование, поиски «нового в старом». В результате многие ныне возникшие государственно-правовые конструкции носят искусственный характер: они не вытекают из внутренней логики развития отечественного государствоведения и только субъективными усилиями автора та или иная теоретическая система Запада связывается с проблемами России, российского государства.

© Тимонин А.Н., 2015

УДК 340

*Хисматуллин Р.С.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Института права БашГУ,
Заслуженный юрист Республики Башкортостан,
Почетный судья Верховного Суда Республики Башкортостан,
Государственный советник юстиции 3-го класса*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье на основе анализа норм Международного права, законодательства Российской Федерации и судебной практики анализируются проблемы модернизации судебного рассмотрения дел о преступлениях в сфере экономической деятельности. Автором вносятся ряд предложений, по решению данной проблемы в целях реализации принципов правового государства, реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: суд, судебное рассмотрение, преступления в сфере экономической деятельности.

*Khismatullin R.S.,
Doctor of Law, Professor,
Professor of Criminal Law and Procedure
Law Institute BSU,
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan,
Honorary Judge of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan,
State Counselor of Justice 3rd Class*

CURRENT PROBLEMS OF MODERNIZATION JUDICIAL REVIEW CASES INVOLVING CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE

On the basis of analysis of international law, the legislator of the Russian Federation and the jurisprudence analyzed the problems of modernization of judicial review cases involving crimes in the sphere of economic activity. The author made a number of proposals to address this issue in order to implement the principles of the rule of law, real rights and freedoms of man and citizen-on.

Key words: court, judicial review, crime in the sphere of economic activity-D.

Известно, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (статья 2 Конституции).

Кроме того, Всеобщая декларация прав человека, принятая и провозглашенная Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, определила и установила, что государства – члены ООН обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод. Всеобщая Декларация констатировала также, что для установления обоснованности предъявленного каждому человеку уголовного обвинения, он имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (Преамбула; статья 10 Декларации) [1, с. 39-40].

Обсуждая 2 апреля 2015 года с членами Правительства Российской Федерации меры по борьбе с безработицей и поддержке малого и среднего бизнеса, Президент России В.В. Путин призвал обратить особое внимание на социальную сферу и рынок труда. В этом году отмечен совсем небольшой рост безработицы. При этом – подчеркнул Президент – значительное число людей заняты неполную рабочую неделю, находятся в процессе увольнения либо могут потерять свои места. Это требует нашего особого внимания, - акцентировал Президент [2, с. 2].

Председатель Правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев на заседании Правительства 26 марта 2015 года одобрил проект Федерального закона о добровольном декларировании физическими лицами своего имущества и счетов в банках, который ляжет в законодательную основу инициированной Президентом амнистии капиталов, и подчеркнул – «Нужно дать людям спокойно сообщить и дать использовать полученные средства... Мы считаем, что этот закон скорее важен с точки зрения создания доверия» [3, с. 3].

Безусловно, проблемы реализации принципов правового государства, реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина должны постоянно, всесторонне и максимально эффективно и оперативно решаться органами государственной власти России, в том числе судами. Известно, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации судебная власть представляет собой одну из ветвей государственной власти в России, а суды Российской Федерации являются органом государственной власти, основная задача которых – осуществление правосудия. Данное обстоятельство предполагает и активную, инициативную деятельность судов по судебному рассмотрению уголовных дел, особенно – в сфере экономической деятельности.

1. Существенным и действенным средством модернизации судебного рассмотрения дел о преступлениях в сфере экономической деятельности, уверен, будет являться коллегиальное рассмотрение судами дел данной категории. Известно, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает возможность рассмотрения уголовных дел об экономических преступлениях единолично судьей (пункты 1, 4 части 2, часть 3 статьи 30 УПК). Казалось бы, квалифицированный юрист, каким, без сомнения, должен являться судья, вполне справится с рассмотрением уголовного дела о преступлении в сфере экономической деятельности. Между тем, русская народная пословица гласит - «Не бойся суда - бойся судьи» [4, с. 448].

Коллегиальное рассмотрение уголовных дел об экономических преступлениях является реальной, существенной и надежной гарантией объективности и справедливости суда и, следовательно, - законности, обоснованности и справедливости постановленного по делу приговора. Судебное рассмотрение дела об экономическом преступлении, как правило, вызывает в данном городе, конкретном районе определенный общественный резонанс, затрагивает интересы некоторых лиц и организаций и т.п. При данных обстоятельствах нередко отмечались попытки психологического, и не только психологического, воздействия со стороны заинтересованных лиц и организаций на мнение судьи. Между тем, невозможно оказать какое-либо негативное влияние на мнение Судебной коллегии в составе нескольких судей. Кроме того, коллегиальное судебное рассмотре-

ние дел об экономических преступлениях предотвращает «недемократичность, опасность злоупотреблений единоличного правосудия» [5, с. 248], способствует и реально обеспечивает вынесение по делу законного, обоснованного и справедливого приговора.

Учитывая изложенное, считаю необходимым внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, дополнив часть 2 статьи 30 УПК следующим положением: «Рассмотрение уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности осуществляется судом коллегиально».

2. Необходимо также отметить, что в последние годы судебная власть в Российской Федерации становится все более свободной и независимой от определенного воздействия и влияния власти исполнительной. Судебная власть становится более открытой и публичной. В стране внедряется открытая онлайн-трансляция судебных процессов, которая будет реально являться эффективным и значимым средством модернизации судебного рассмотрения дел о преступлениях в сфере экономической деятельности. В настоящее время рассматривается и обсуждается проект закона, по которому протоколы судебных заседаний будут составляться только в электронном формате на основе аудиозаписи. Суды технически готовы к этому. Единой компьютерной сетью постепенно охватываются все суды Российской Федерации.

Известно также, что открытое, гласное разбирательство уголовных дел во всех судах закреплено Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 123 Конституции). Слушание дела в закрытом заседании допускается на основании определения суда только в случаях, предусмотренных федеральным законом (например, когда в ходе судебного рассмотрения могут быть затронуты государственная, коммерческая или иная охраняемая федеральным законом тайна).

3. Выступая 8 февраля 2015 года на съезде Федерации независимых профсоюзов России, Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул – «Нужно, чтобы работодатели действовали по закону, а права наемных работников не были ущемлены. Нужно руководствоваться не какими-то амбициями, а здравым смыслом, реальными интересами людей. Без сотрудничества с профсоюзами повысить суверенитет в сфере экономики нельзя. Государство, профсоюзы и работодатели должны действовать солидарно. Именно кропотливая совместная работа государства, бизнеса, профсоюзов нужна для того, чтобы реально изменить экономику, предотвратить возникновение социальных и трудовых конфликтов», - уверен Президент [6, с. 4].

Учитывая изложенное, полагаю необходимым главу 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнить нормой следующего содержания: «В судебном разбирательстве уголовного дела о

преступлении в сфере экономической деятельности участвуют представители независимых профсоюзов России».

Таковы некоторые наши предложения по проблемам модернизации судебного рассмотрения дел в сфере экономической деятельности. Наши предложения полностью соответствуют требованиям норм Международного права, в соответствии с которыми первоочередной задачей всех государств является устранение из жизни общества всех зол и препятствий на пути социального прогресса [7, с. 325]. Наши предложения соответствуют и Конституции Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательство НОРМА, 2000.
2. Рабочий класс // Российская газета. 2015. 3 апреля.
3. Гарантия на тайну // Российская газета. 2015. 27 марта.
4. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русской мудрости. – М.: Изд-во ЭКСМО–Пресс, 1994.
5. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе. М., 1997.
6. О чем говорил Владимир Путин на съезде профсоюзов// Российская газета. 2015. 9 февраля.
7. Декларация социального прогресса и развития, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 11 декабря 1969 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательство НОРМА, 2000.

© Хисматуллин Р.С., 2015

УДК 347.9

Баишева З.В.,

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства
и права Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

КОНЦЕПТ «ПРАВДА» В РУССКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

В статье анализируется в лингвокультурологическом и правовом аспекте малоизученная и актуальная проблема – концепт «правда», раскрывается его содержание, соотношение с истиной и справедливостью, характеризуется место концепта в русской ментальности, также уделяется внимание феномену юридическая правда, его значимости в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: концепт «Правда», концепт «Истина», юридическая правда.

Baisheva Z.V.,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Theory of State
Institute of Law and Law of BSU,
Ufa, Russia

THE CONCEPT OF "TRUTH" IN RUSSIAN WORLDVIEW

The article analyzes in lingvokulturologicheskom and legal aspects byway and urgent problem – the concept of "truth", reveals its content, the ratio of the truth and justice, is characterized by the concept of a place in the Russian mentality, also focuses on the phenomenon of legal truth, its significance in law enforcement.

Key words: the concept of "truth", the concept of "truth" legal truth.

Концепт «Правда» – фундаментальный концепт русской культуры и важнейшее юридическое понятие. Еще в первых письменных памятниках Киевской Руси - «Слове о Законе и Благодати» Илариона и «Повести временных лет», написанном Нестором, исследовалась взаимосвязь между такими понятиями, как *истина, правда, закон*. Эти понятия всегда широко обсуждались в философии и юриспруденции. Внимание к проблематике истины и правды, попытки выявить глубинный смысл этих понятий особенно усилились в последние два десятилетия в связи с изменениями, происходящими в общественной жизни России. Однако, несмотря на целый ряд исследовательских работ последнего времени [3;4;8;12;14], понятие *правда* по-прежнему остается в науке недостаточно изученным.

В русской культуре слово «правда» тесно связано и одновременно противопоставляется слову «истина» [13, с. 435]. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля находим: «*Истина* – противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть; ныне слову этому отвечает и *правда*, хотя вернее будет понимать под словом *правда*: правдивость, справедливость, правосудие, правота» [6, т. 2, с. 60]. И далее: «*Правда* – истина на деле, истина в образе, во благе; правосудие, справедливость» [6, т. 3, с. 379]. В.И. Даль связывает «правду» с божественным нравственным законом, истина же связана с разумом человека: «*Истина* от земли, достояние разума человека, а *правда* с небес, дар благостыни. *Истина* относится к уму и разуму; а добро или благо – к любви, нраву и воле» [6, т. 2, с. 60]; «*Истина* от земли возсия, а *правда* с небесе причине, т.е. правосудие свыше» [6, т. 3, с. 379]. Связь понятия «правда» с нравственным подтверждается и этимологией этого слова: «Вполне очевидным способом *правда* произведено от прила-

гательного *правъ, правый* «прямой» и «правильный», а также «честный, праведный, поступающий *по совести*» [13, с. 441].

С понятием «правда» тесно связано понятие «справедливость». В том же словаре В.И. Даля читаем: «*Справедливый* – правильный, сделанный законно, по правде, *по совести*, по правоте. *Справедливость* – правда, правосудие» [6, т. 4, с. 299]. Сделать что-либо *по совести* – значит поступить в соответствии с нравственным законом, по внутреннему убеждению. Интересно в этой связи привести слова Ю.С. Степанова: «Только в русской культуре «справедливость» соединяется с внутренним убеждением, с «правдой» и включается в поле «истины» [13, с. 446]. Устанавливается связь: «правда» - «справедливость» и «правда» - «истина». Таким образом, в слове «правда» соединяются два значения – правда как объективная истина и правда как внутренний закон, справедливость. Эти два значения слова «правда» – «правда-истина» и «правда-справедливость» – выражают две стороны поиска истины в делах, затрагивающих человека. «Какое прекрасное русское слово «Правда» в его первоначальном народном смысле, - писал Н.А. Бердяев, - «искать Правду» – значит искать одновременно высшую истину и высшую справедливость» [5, с. 391].

На это своеобразие русского концепта «Правда» в соотношении с «Истиной» обращал внимание и известный русский социолог Н.К. Михайловский в своих «Письмах о правде и неправде»: «Везде, где есть место обеим половинам единой Правды, то есть во всех делах, затрагивающих человека как животное естественное, одной истины человеку мало – нужна еще справедливость» [10, с. 430].

Русский человек явный приоритет в понимании законности отдает внутренней убежденности в правоте, внутренней справедливости по отношению к внешней правде, юридической «формальности». «Русскому народу, - писал С. Хрулев в 1886 г. в статье о суде присяжных, - всегда будет чужд суд формальный, решающий дела не «по душе»... Русский человек прежде всего человек добрый, «сердечный» и по природе своей враг всякого педантизма; ему чужд тот формализм, которому охотно подчиняются другие народности, может быть, более культурные, но менее его «сердечные», добродушные. Поэтому русскому человеку всегда будет дорог тот суд и вообще то учреждение, в котором формализм не мешает смотреть правильно на сущность дела <...> народу с такими особенностями духа, с почти детским добродушием любил суд, решающий существо дела вне формальностей, по разуму и сердцу, «по правде», как говорит народ» [Цит. по: 9, с. 270].

В современной литературе по теории познания также отмечается, что «понятие «правда» охватывает и объективную, и моральную правду, и объективную истину, и моральную правоту» [1, с. 32; 2, с. 32]. В работе В.В. Мельника «Искусство доказывания в состязательном уголовном

процессе» содержится подробный анализ «двух единых, неразрывных диалектических противоположностей – «правды-истины» и «правды-справедливости» [9, с. 227]. «Правда-истина» есть объективная правда, правильное, объективное представление об окружающей действительности, об обществе, в котором человек живет, о людях, с которыми он взаимодействует, общается, о поступках и намерениях окружающих его людей. «Правда-справедливость» есть «нравственная правда» («житейская правда»), «правильное, верное, подлинное, справедливое, соответствующее высшим ценностям и целям, идеалам человечности» [7, с. 5].

В связи со сказанным представляет также интерес проведенный Н.Д. Арутюновой филологический, логический, этический и культурологический анализ значения слова «правда» [3, с. 21-31]. Автор пишет: «Правда – это отраженная Истина, истина в зеркале жизни, преломившаяся в бесчисленных его гранях»; «Правда, какова бы она ни была, связана с самым теплым в человеке – его сердцем, истина – с самым холодным в нем – разумом» [3, с. 26]; «Правда нравственна, но не нравоучительна. Правда выражает нравственный идеал» [3, с. 30]. На основе проведенного анализа Н.Д. Арутюнова делает вывод о том, что «одна только следственная истина не гарантирует суда по правде. Идея правды тесно связана с представлением о справедливом суде»: «Судебное расследование занимается фактами. Поэтому принято говорить, что следователь *устанавливает истину* (а не *правду*). Судьи же принимают во внимание смягчающие вину обстоятельства и судят по *правде*. Следствие занимается фактами, суд – судьбами людей. Первое требует *истины*, второй – *правды*. Истина отвлечена от человеческой судьбы, и она не знает снисхождения, правде оно знакомо» [3, с. 29].

В последние десятилетия в юриспруденции активно разрабатывается понятие *юридической правды*. В этом плане интересна работа Л.А. Мусяеляна «Юридическая правда: содержание и сущность концепта», в которой автор определяет юридическую правду как «объективно обусловленный правовой феномен», представляющий по своему содержанию «полное, исчерпывающее, объективно-истинное знание обстоятельств дела, его правовую интерпретацию и оценку» [11, с. 97]. Исследователь выявляет главный признак, отличающий юридическую правду от истины, – это «чувственно-эмоциональная компонента, проявляющаяся в уверенности, убежденности субъекта права в своей правоте, что именно такая интерпретация и оценка расследуемого жизненного случая является правильной и лишь она может быть основанием справедливого решения» [11, с. 98]. Юридическая правда процессуальна, может меняться во времени. При этом даже в одно и то же время при единстве предмета расследования, преследуемой цели (справедливость), средств ее достижения (право и ее инструментарий) юридическая правда у разных субъектов

права, участвующих в правоприменительной деятельности, может оказаться (и чаще всего оказывается) разной. Разные субъекты права (например, прокурор и адвокат) при формальном единстве цели представляют разные стороны, выражают различные интересы и решают разные задачи. Это определяет различие их подхода в интерпретации конкретных фактов, в совокупности представляющих обстоятельства дела. А разная интерпретация и оценка фактов дает основание по-разному квалифицировать расследуемый случай [11, с. 99].

В идеале, – заключает Л.А. Мусаелян, – *юридическая правда*, на основе которой выносится решение суда, должна иметь *объективно обусловленное содержание, представляющее, с одной стороны, полное, исчерпывающее знание обстоятельств дела (объективный и абсолютный характер истины по делу), с другой – правовую оценку (квалификацию) данного юридического факта, в которой точно (адекватно) выражена воля законодателя и одновременно учтены интересы (права) сторон (истца и ответчика, потерпевшего и обвиняемого)*. В этом случае решение правоприменительного органа будет свидетельствовать о торжестве закона и справедливости [11, с. 100].

Таким образом, правда, в том числе и юридическая, основана на истине, включает в себя истину. Однако помимо истины в правде присутствуют такие субъективные компоненты, как понимание, убежденность, уверенность и оценка. Оценки относительно одних и тех же событий в одном и том же обществе могут быть различными, соответственно и правда будет разная, хотя истина одна. В правоприменительной и правотворческой деятельности важно учитывать как указанные свойства правды, так и характерное для русского общества понимание неслитности «правды-истины» с «правдой-справедливостью».

Пристайный библиографический список

1. Александров А.Д. Истина как моральная ценность // Наука и ценности: сб. ст. / Отв. ред. А.Н. Кочергин; Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука, 1987.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. – М.: Выс Шерлитамаского филиала шая школа, 1991. – 382 с.
3. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты: сборник ст. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова; АН СССР, ИН-т языкознания. – М.: Наука, 1991.
4. Ахизер А. Дебри неправды и метафизика истины // ОНС. 1991. № 5.
5. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1991. 336 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1999. Т. 1–4.
7. Дубровский Д.И. Обман: Философско-психологический анализ. – М.: РЭЙ, 1994. 286 с.

8. Знаков В.В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современная психология понимания // Вопросы психологии. 1994. №2.
9. Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. – М.: Дело, 2000. 496 с.
10. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. В 10 т. – СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1906-1913. Т. 4. 1024 стлб.
11. Мусаелян Л.А. Юридическая правда: содержание и сущность концепта // Философия и общество. 2011. №2.
12. Рачков П.А. Правда-справедливость // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1996. № 1.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
14. Федотова В.Г. Истина и правда повседневности // Философская и социологическая мысль. 1990. №3,4.

© Баишева З.В., 2015

УДК 349

***Габитов Р.Х.,**
доктор юридических наук,
профессор кафедры финансового и экологического права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Статья посвящена решению экологических проблем в Республике Башкортостан. Высокий уровень загрязнения окружающей среды с одной стороны, и истощение природных ресурсов, связанных с иррациональным развитием экономики нашего государства, с другой, неизбежно ведут к дальнейшему углублению экологической проблемы в стране и ее регионах. Поэтому, в современных условиях первостепенное внимание должно уделяться коренной реконструкции ныне действующих экологически неблагоприятных производственных объектов. Также необходима разработка новой, совместимой с принципами устойчивого развития, концепции правовой охраны окружающей среды в контексте «Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» Федеральный Закон «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Ключевые слова: правовая охрана окружающей среда; уровень загрязнения естественной среды; экологическая ситуация; правовое обеспечение экологической безопасности населения.

Gabitov R.H.,
Doctor of Law, Professor,
Department of Financial and Environmental Law
Law Institute BSU,
Ufa, Russia

ON THE STRENGTHENING OF LEGAL ENVIRONMENT IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Article is devoted to solving environmental problems in the Republic of Bashkortostan. A high level of environmental pollution on the one hand, and the depletion of natural resources associated with irratio-functional development of the economy of our country, on the other hand, will inevitably lead to further deepening ecological problems in the country and its regions. Therefore, under current conditions, priority must be given to the radical reconstruction of the existing environmentally unfriendly production facilities. The need to develop a new, compatible with the principles of sustainable development, the concept of legal protection of the environment in the context of "Fundamentals of the state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030" (Federal Law "Fundamentals of the state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030").

Key words: legal protection of the environment; the level of pollution, habitat; ecological situation; legal obespe chenie environmental safety of the population.

Наличие богатейших и разнообразных природных ресурсов Республики Башкортостан по существу определило ее экономическую инфраструктуру. В то же время нефтеперерабатывающая, нефтехимическая отрасли промышленности, получившие приоритетное направление в экономике республики, привели к концентрации гигантских, не имеющих себе равных в стране, промышленных комплексов и, связанных с ними, мощных подземных коммуникаций, которые стали главными загрязнителями окружающей среды и превратили такие города как Уфа, Стерлитамак, Салават и другие, можно сказать, в малопригодные для жизни людей. По данным постов наблюдения ФГБУ «Башкирское УГМС» в этих городах уровень загрязнения естественной среды характеризуется как очень высокий, а резкое увеличение автотранспортных средств значительно усугубляют без того напряженную экологическую ситуацию [1, с. 11].

Хотя сегодня многими уже осознается острота и злободневность решения экологических проблем, но на практике по-прежнему экономические начала превалируют над экологическими. Поэтому плачевная реаль-

ность в решении экологических задач ставит вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования всей природоохранной деятельности, как в масштабе государства, так и в его субъектах.

В связи с этим здесь хотелось бы высказать некоторые соображения о путях конституционного правового решения экологических проблем на данном этапе развития общества. Необходимо осознать основополагающую идею в решении хозяйственно-экономических задач, что нельзя говорить о первенстве экономики над экологией и даже об их паритете. Пора, наконец, понимать, что без сохранения окружающей природной среды приоритет экономики просто потеряет смысл.

Между тем, до настоящего времени в экологическом законодательстве не чувствуется напряженности экологической ситуации, особенно в некоторых регионах, в том числе и в нашей республике. Если с этой точки зрения подходить к положениям Конституции Российской Федерации и Республики Башкортостан, то в этих основных законах мы не найдем не только приоритетности прав человека на здоровую окружающую среду над экономико-хозяйственными задачами, но и не видим обязанности самого государства в сфере обеспечения экологической безопасности населения.

Так, в Конституции Российской Федерации в ст. 58 записано: «Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам». А в ст. 61 Конституции Республики Башкортостан сказано: «Граждане Республики Башкортостан обязаны беречь природу, сохранять ее богатства и окружающую среду, гуманно относиться к живому и растительному миру. Граждане-землепользователи обязаны бережно относиться к земле, повышать ее плодородие». Сам по себе факт всеобщей обязанности населения охранять окружающую природную среду, безусловно важен, но удивляет, что проблемы охраны природы возлагаются только на население, а о конкретных обязанностях самого государства в этой области в Конституции почти ничего не сказано.

В Конституции Российской Федерации (в ст. 9) совершенно правильно указано, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Известно, что экологическую проблему создает даже не сам человек, а проводимая государством экономическая политика, направленная на безудержную эксплуатацию природных ресурсов и не сориентированная на максимальное сохранение природной среды.

Между тем, обязанность каждого по охране природы было бы целесообразно более детально закрепить в нормах трудового законодательства и Правилах внутреннего распорядка организации, предприятий и учреждений, что ежедневно напоминало бы работникам об их экологических обязанностях. Что касается Конституции, то в ней следовало бы

более четко закрепить положение о том, что охрана природной среды, забота о рациональном использовании природных ресурсов является важнейшей государственной функцией. Масштабы загрязнения окружающей среды велики настолько, что оздоровление ее под силу только государству. К сожалению, в Конституциях РФ и РБ такого положения нет.

Экологическое благополучие общества, в значительной мере, зависит и от деятельности органов местного самоуправления, к которым население городов и других населенных пунктов, обеспокоенное состоянием окружающей природной среды, вправе обращаться и добиваться принятия неотложных мер по соблюдению требований экологического законодательства. Однако в соответствующих разделах Конституции Российской Федерации и Республики Башкортостан, обязанности органов местного самоуправления в сфере охраны природы не только не расписаны, но даже и не упомянуты (см. главу 8 Конституции РФ и главу 6 Конституции РБ). Органы местного самоуправления в рамках своих компетенций призваны решать региональные, локальные экологические проблемы. Исчерпывающий перечень их полномочий в сфере охраны окружающей среды и природопользования определены, прежде всего, в ФЗ от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а некоторые положения в ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7.

Анализ этих нормативных правовых актов показывает, что природоохранные вопросы четко не определены в обязанностях органов местного самоуправления. Обратимся к статье 7 Закона РФ «Об охране окружающей среды», где закреплено:

1. К вопросам местного значения городских, сельских поселений относится организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора.

2. К вопросам местного значения муниципального района относятся:

- организация мероприятий межпоселенческого характера по охране окружающей среды;

- организация утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов.

3. К вопросам местного значения городского округа относятся:

- организация мероприятий по охране окружающей среды в границах городского округа;

- организация сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов.

Как видим, права органов местного самоуправления разного уровня в вопросах охраны окружающей среды крайне ограничены и их роль в этой сфере практически незначима. Такое положение не может способствовать эффективному решению сложных экологических задач, требующих проведения больших организационных усилий даже на региональном

уровне. Прежде всего, речь должна идти об осуществлении ими экологической деятельности – работе, направленной на обеспечение экологической безопасности. Полагаем, что местные органы власти по своим целям и задачам должны решать более масштабные задачи в области охраны окружающей среды, определять и проводить экологическую политику, планировать и осуществлять разносторонние меры, направленные на создание благоприятной для человека жизненной среды на территории муниципального образования.

Экологическая политика Республики Башкортостан осуществляется в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 12.05.2009 № 537 (СЗ РФ 2009 № 20 Ст. 2444) [2], Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 30 сентября 2009 года № 370 «О стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года» (Ведомости Государственного собрания – Курултая, Президента и Правительства РБ) 2009 № 21 (315) Ст. 1459 [3], где определены стратегические задачи в области охраны окружающей среды и природопользования. Основные положения этих актов направлены на:

- обеспечение рационального и эффективного использования возобновляемых и рациональное, не истощительное использование не возобновляемых ресурсов;
- снижение уровня загрязнения окружающей среды выбросами, сбросами и отходами, а также ресурсосбережение;
- восстановление и сохранение окружающей среды, ландшафтного и биологического разнообразия для будущих поколений.

Между тем, высокий уровень загрязнения окружающей среды с одной стороны, и истощение природных ресурсов, связанных с иррациональным развитием экономики нашего государства, с другой, неизбежно ведут к дальнейшему углублению экологической проблемы в стране и ее регионах. Поэтому, в современных условиях первостепенное внимание должно уделяться коренной реконструкции ныне действующих экологически неблагополучных производственных объектов. Также необходима разработка новой, совместимой с принципами устойчивого развития, концепции правовой охраны окружающей среды в контексте «Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (Федеральный Закон «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» утв. Президентом РФ 30.04.2012) [4].

Пристатейный библиографический список

1. Министерство природопользования и экологии Республики Башкортостан Доклад об экологической ситуации на территории Республики Башкортостан в 2012 году. Уфа, 2013.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 12.05.2009 № 537 (СЗ РФ 2009 № 20 Ст. 2444).
3. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 30 сентября 2009 года №370 «О стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года» (Ведомости Государственного собрания – Курултая, Президента и Правительства РБ), 2009. №21 (315). Ст.1459.
4. Федеральный Закон «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» утв. Президентом РФ 30.04.2012. СПС «Консультант Плюс».

© Габитов Р.Х., 2015

УДК 349

*Саттарова Н.А.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой финансового и экологического права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

О ФАКТОРАХ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье раскрываются основные причины применения государственного правового принуждения в сфере обеспечения безопасности. Обосновывается вывод, что наличие правонарушений в системе обеспечения безопасности, неэффективная правоприменительная деятельность и отсутствие эффективного механизма применения юридической ответственности к нарушителям законодательства, регулирующего обеспечение безопасности в различных сферах жизнедеятельности личности, общества и государства являются главными факторами обусловленности государственного принуждения в системе защиты жизненно важных интересов человека, общества и государства.

Ключевые слова: безопасность, правонарушения, угрозы, финансы, государство, принуждение

*Sattarova N.A.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Financial and Environmental Law
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

ON FACTOR CONDITIONALITY STATE COERCION IN SECURITY

The article describes the main reasons for the application of the state law enforcement in the field of security. The conclusion that the presence of offenses in security system, ineffective law enforcement and the lack of an effective mechanism for the application of legal liability for violators of the legislation regulating security in various spheres of life of individuals, society and the state are the main factors conditioning the state compulsion in the system to protect the vital interests of the person society and the state.

Key words: security, crime, threats, finance, government, forcing

Безопасность – состояние защищенности, т.е. состояние без опасности. Угроза безопасности – это наличие условий, обстоятельств, способных ухудшить, изменить в худшую сторону бытие, жизнедеятельность и нормальное состояние кого или чего-нибудь. Ранее действовавший Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» содержал следующие понятия, которые способствовали четкому определению механизма обеспечения безопасности: а) безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз; б) жизненно важные интересы – совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства; в) основные объекты безопасности – это личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территорияльная целостность.

Состояние защищенности должно обеспечиваться и поддерживаться, что указывает на необходимость осуществления деятельности по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства. Данная деятельность не представляется возможной без применения государственного принуждения, прежде всего, из-за наличия угроз. Угроза опасности – возможное нарушение нормального, необходимо важного состояния жизнеспособности кого-нибудь, целостности и ухудшения чего-нибудь. Деятельность по обеспечению безопасности представляет собой разновидность государственной, которой присущ властный характер.

Исходя из вышеуказанных положений попытаемся выяснить причины, обуславливающие необходимость применения государственного принуждения в сфере обеспечения безопасности. Представляется, что таких причин несколько, хотя в целом следует указать, что единственной причиной, обуславливающей применение государственного принуждения является наличие угроз. В современных условиях имеются все основания для выделения конкретных факторов, относящихся как к внутренним, так и внешним угрозам, обусловившим применение государственного принуждения. На наш взгляд можно выделить:

- наличие правонарушений в системе обеспечения безопасности;
- неэффективная правоприменительная деятельность;
- отсутствие эффективного механизма применения юридической ответственности к нарушителям законодательства, регулирующего обеспечение безопасности в различных сферах жизнедеятельности личности, общества и государства.

Следует отметить, что в соответствии с требованиями законности принуждение не может иметь места при регулировании нормального функционирования и развития социально полезных общественных отношений. Принудительные акции применяются лишь для предотвращения, ликвидации или устранения тех социальных отклонений, которые условно можно назвать правовыми аномалиями, – правонарушений и иных нежелательных явлений, причиняющих или могущих причинить вред интересам личности, общества, государства [1, с. 30].

В теории права устоялась позиция относительно того, что правонарушение характеризуется строго определенными признаками, отличающими его от нарушений неправовых норм (норм морали, обычаев, норм общественных организаций): 1. Правонарушение является действием или бездействием. Действие противоправно, если оно противоречит норме права, нарушает критерии должного поведения, установленные в законе. Бездействие противоправно, если закон предписывает, как необходимо действовать в соответствующих ситуациях. Правонарушение может составить только акт поведения, внешне выраженный правонарушителем; 2. Противоправный характер действий: противоречие предписаниям права; 3. Наличие вреда – совокупности отрицательных последствий; степени общественной опасности. Правонарушение нарушает интересы, обуславливающие право и охраняемые им, и тем самым причиняет вред общественным и личным интересам, установленному правопорядку; 4. Субъективный момент деяния – вина, являющаяся обязательным признаком правонарушения. Вина – это психологическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению. Различают две формы вины: умысел и неосторожность; 5. Наличие причинной связи [2, с. 55-56].

Итак, наличие правонарушений в сфере обеспечения жизненно важных интересов личности, общества и государства является основанием применения государственного принуждения. Например, сферой обеспечения важных интересов личности, общества и государства охватываются понятие экологическая безопасность, которое по мнению комментаторов к Федеральному закону от 10 января 2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды», носит ярко выраженный "природно-антропогенный" характер, поскольку оно определяется в тексте Закона через состояние защищенности как природной среды и жизненно важных интересов человека. «Можно спорить о том, что относится к жизненно важным интересам человека вообще. Видимо, кроме обеспечения возможности дыхания, питания, продолжения рода, крыши над головой (и то не для всех это важно) интересы людей существенно разнятся в зависимости от исторических, культурных, религиозных и иных традиций и условий. Но даже если принять во внимание только первичные потребности человека, то необходима их защита от негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, поскольку таковая создает угрозу условиям существования и источникам удовлетворения этих потребностей. Наиболее остро угрозы проявляются при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, неконтролируемости или медленном снижении их последствий» [3].

За нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством (ст.75. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 24.11.2014, с изм. от 29.12.2014) «Об охране окружающей среды»). Также, в соответствии с Федеральным законом от 24 апреля 1995 №52-ФЗ (в ред. От 07.05.2013) «О животном мире» лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации в области охраны и использования животного мира и среды их обитания, несут административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст.55).

Наиболее ярко выражают угрозы финансовой безопасности правонарушения в сфере публичных финансов. В современных условиях финансовая безопасность – один из ключевых элементов экономической безопасности. Для экономики и социальной жизни человека опасны как недооценка, так и переоценка значимости финансовой системы и инструментов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики [4, с. 73].

Финансы пронизывают все стороны общественной и государственной жизни. Любой вопрос управления не может быть решен без решения связанных с ним финансовых проблем [5, с. 7]. Финансы исторически возникли как механизм обеспечения деятельности государства как института, необходимого обществу, поскольку оно способствует ускорению

экономического развития общества в целом [6, с. 12]. Необходимость функционирования финансов связана с существованием государства и его потребностями в финансовых ресурсах. При этом, напомним, что по своему материальному выражению финансы представляют собой денежные фонды государства, его территориальных подразделений (субъектов РФ, муниципальных образований), предприятий, организаций, учреждений, используемые для потребностей общества и развития производства, точнее – это финансовые ресурсы страны. Как известно, при существовании товарно-денежных отношений финансы и деньги играют значительную роль в развитии общества. Таким образом, деньги, финансы, а в целом финансовую систему государства можно отнести к категории тех потребностей, которые составляют жизненно важные интересы общества. Именно финансовая безопасность определяет состояние защищенности всей финансовой системы страны.

К числу наиболее важных национальных интересов России в финансовой сфере можно отнести: поддержание государственных расходов в соответствии с имеющимися ресурсами; обеспечение целевого финансирования государственных программ (в первую очередь социальных); широкое инвестирование в сферу наукоемкого и высокотехнологичного производства; создание необходимых условий для свободной конкуренции на рынке; уменьшение последствий воздействия мировых финансовых кризисов на национальную экономику; преодоление разногласий между органами управления разных уровней по поводу распределения и использования ресурсов национальной бюджетной системы; усиление сдерживания инфляционных процессов в экономике и поддержание стабильно высокого курса национальной валюты; противодействие незаконному вывозу капитала за границу; привлечение иностранных инвестиций (особенно долгосрочных в промышленный сектор экономики); принятие в кратчайшие сроки необходимых нормативно-правовых актов, обеспечивающих формирование и успешное функционирование финансово-кредитной системы страны; построение эффективного правоохранительного механизма защиты государственных финансов от воздействия криминальных процессов и посягательств [7].

Таким образом, финансовая безопасность государства должна обеспечиваться, в т.ч. применением финансово-правовой ответственности, которая является самостоятельной мерой государственного принуждения и представляет собой разновидность юридической ответственности. При этом ее отраслевая принадлежность указывает конкретно на субъекта финансового права, нарушившего финансово-правовые нормы, совершившего финансовое правонарушение и привлекаемого к финансовой ответственности. Механизм обеспечения безопасности планомерного и законного образования, распределения и использования фондов денежных

средств в федеративном государстве, самым важным из которых является бюджет, носит публичный, политический характер, который обуславливает необходимость применения государственного принуждения.

Далее, исследуя вопросы причин применения государственного принуждения в системе обеспечения безопасности, представляется необходимым уделить внимание неэффективной правоприменительной деятельности. Для полного раскрытия поставленного вопроса определимся с понятием «эффективность».

Следует признать, что поиск путей совершенствования действующего законодательства, регулирующего механизм обеспечения безопасности во сферах жизнедеятельности государства, должен соотноситься с такой категорией как эффективность, поскольку правовое регулирование как часть государственного регулирования должно обеспечить достижение конкретных результатов, на которые оно направлено.

В философское понятие эффективности входит обобщенное выражение проблемы рациональных способов достижения цели [8, с. 48]. «Эффективный (лат. *effectivus*) – дающий определенный эффект, действенный», – гласит Словарь иностранных слов [9, с. 595]. Слово «эффективный» в толковом словаре русского языка трактуется как «дающий эффект, действенный способ» [10, с. 902].

В теории права «степень эффективности тех или иных правовых мер определяется с учетом, во-первых, оценки результата, полученного при регулировании общественных отношений; во-вторых, на основе сопоставления результата и той цели, которую ставил создатель данного нормативного установления» [11, с. 28].

Эффективность норм права, устанавливающих юридическую ответственность означает, что они, соответствуя объективным потребностям развития в России демократического общества, правового государства, предусматривают оптимальный вариант поведения, требуемого для достижения научно-обоснованной цели, и реально обеспечивают наступление фактического результата, соответствующего этой цели [12, с. 110].

Следовательно, совершенствование и эффективность законодательства, регулирующего применение правового принуждения в сфере обеспечения безопасности, должно служить интересам всего государства, отражать интересы общества в целом и обеспечить такое состояние защищенности жизненно важных интересов человека, которое минимизировало бы правонарушения.

Обобщив точки зрения, существующие в науке теории государства и права, в определении понятия правоприменения, можно сделать вывод, что под правоприменением следует понимать разновидность правореализации, представляющую собой процесс осуществления компетентными государственными органами и должностными лицами строго в рамках

предоставленных им законом полномочий деятельности по воздействию на субъектов общественных отношений, направленной на установление или реализацию их прав и обязанностей.

Вместе с тем, правоприменительная деятельность выступает важным связующим звеном между нормотворческой деятельностью государства практикой и реализацией правовых норм. При этом, применение права является важнейшей стадией реализации правовых норм, а точнее, деятельностью специально уполномоченных органов государства (или иных органов). В данном случае государство в целях упорядочения общественной жизни, установления четких организационных начал взаимоотношений между людьми передает решение определенных вопросов в компетенцию законодательно установленных органов. Бесспорно, от эффективной правовой нормы зависит качество правоприменительной деятельности. Но особо следует указать и на достижение цели правоприменения. Иными словами, применение права также зависит от эффективной оперативно-исполнительной и правоохранительной деятельности.

Следовательно, устранение причин применения государственного принуждения в системе обеспечения безопасности возможно двумя вариантами. Первый вариант предусматривает эффективную правовую норму, второй – эффективную деятельность по применению норм права, в том числе, по применению юридической ответственности.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, насколько важен и актуален системный подход к процессу осуществления государственного принуждения в сфере обеспечения безопасности жизненно важных интересов, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, обеспечить безопасность личности, с другой – обеспечить целостность, устойчивость и нормальное развитие организаций, государства, общества в целом. Состояние защищенности указанных интересов обеспечивается государственным принуждением, непосредственным применением его форм.

Пристатейный библиографический список

1. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1991.
2. Саттарова Н.А. Финансово-правовая ответственность. – Казань, 2008.
3. Бажайкин А.Л., Бортник И.Ю., Бринчук М.М. и др. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" (постатейный) / отв. ред. О.Л. Дубовик // СПС КонсультантПлюс. 2010.
4. Экономическая безопасность России. Общий курс.
5. Горбунова О.Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М., 2003.
6. Финансы: учебник / Под ред. Г.Б. Поляка. М., 2008. С.12.
7. Каратонов М.Е. Финансовая безопасность и финансовый контроль в условиях рыночных отношений // Юрист. 2006. №6.

8. Андрищенко М.Н. Понятие эффективности и его философский смысл // Ученые записки общественных наук вузов г. Ленинград. Философия. Вып. XII. Л., 1971.
9. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М., 1988.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
11. Терявский С.А. Основные пути повышения эффективности методов правового регулирования // Актуальные проблемы правоведения. 2004. № 2.
12. Кислухин В.А. Проблемы эффективности реализации юридической ответственности (теоретико-правовой анализ). Научные труды РАЮН. Выпуск 5. Том 1. 2005.

© Саттарова Н.А., 2015

УДК 341

***Полстовалов О.В.,**
доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры криминалистики
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

НОВЫЕ-СТАРЫЕ ОРИЕНТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО БОРЬБЕ С НАРКОТРАФИКОМ НА ПЛОЩАДКЕ ШОС

В статье рассматривается проблема использования площадки Шанхайской организации сотрудничества для развития международного взаимодействия для пресечения наркотрафика на территорию нашего государства. Поднимается вопрос о предупреждении поставок на территорию России китайских синтетических наркотиков в рамках международного сотрудничества.

Ключевые слова: наркотрафик, синтетические наркотики, международное сотрудничество, Шанхайская организация сотрудничества, пресечение наркопреступности.

***Polstovalov O.V.,**
Doctor of Law, Associate Professor, Professor,
Department of Criminology
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

NEW-OLD LANDMARKS OF INTERNATIONAL COOPERATION TO COMBAT DRUG TRAFFICKING AT THE SITE OF THE SCO

This paper considers the problem of the use of the site the Shanghai Cooperation Organization to promote international cooperation to curb drug trafficking on the territory of our state. Raises the issue of preventing the supply to Russia of Chinese synthetic drugs in the framework of international cooperation.

Key words: drug trafficking, synthetic drugs, international cooperation, the Shanghai Cooperation Organization, the suppression of drug-related crime

Формат Шанхайской организации сотрудничества позволяет рассчитывать на результативность глубоких интеграционных процессов в консолидации совместных усилий по обеспечению коллективной безопасности ее стран-участниц. Среди основных угроз особое внимание сконцентрировано на пяти: экстремизм, терроризм, сепаратизм, наркотрафик, незаконная миграция населения [1, с. 8]. Иерархически именно в такой последовательности по приоритетам. Несмотря на то, что наркотрафик не назван первым, эта проблема остается одной из ключевых и по сей день. При этом становится очевидной ситуация, когда «замыкавшийся в себе» Китай именно в формате этой организации становится готовым к более широкому международному диалогу, и, как известно, конкретно этой стране есть с чем бороться в формате пресечения наркотрафика в соседние с нею государства.

Как известно, под наркотрафиком в специальной литературе принято понимать незаконную перевозку, пересылку наркотических средств (психотропных веществ), осуществляемую из одного государства (региона) в другое. Наиболее современное и широкое определение этого явления дает А.В. Пупцева: «Наркотрафик – это перемещение партий наркотических средств и психотропных веществ по разным географическим районам через таможенные границы нескольких государств, осуществляемое организованными, законспирированными преступными группами межрегионального и международного масштаба, направленное на получение высоких доходов путем совершения противоправных деяний» [2, с. 7].

Фоновый характер международного сотрудничества в борьбе с наркотрафиком определяется самой природой ШОС, которая первоначально институционализировалась в сфере экономического сотрудничества, а в современных условиях еще и заполнила геополитический вакуум в вопросе сдерживания расширения присутствия военного контингента стран НАТО в Центрально-азиатском регионе в деле реализации внешней политики Москвы и Пекина, направленной на восстановление многополярного мироустройства. В этой связи нельзя не согласиться с Д.А. Сидоровым: «Изначально в уставных документах главные задачи ШОС носили экономический характер, а совместное обеспечение безопасности в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и наркотрафиком лишь упоминались. Однако, в условиях затягивания вооруженного конфликта в Афганистане, ставшего длительным военным присутствием США в субрегионе, перетекания из Афганистана в субрегион наркотрафика и религиозного экстремизма неэкономический аспект деятельности ШОС приобрел большее значение ... » [3].

В настоящее время оптимистичный прогноз эффективного международного сотрудничества в обеспечении безопасности с участием всех ве-

ликих держав (не только России и Китая – стран-участниц ШОС) не сбывается по причине политизации странами Запада ситуации в Украине, что выражается в конкретных шагах по свертыванию сотрудничества с Россией по тем направлениям, которые всегда находятся исключительно в сфере общих интересов. Поэтому остается наилучшим вариант с умеренно пессимистичным прогнозом развития ситуации в Центральной Азии, при котором «активность негосударственных игроков в сфере транспортировки наркотиков постепенно усиливается», но ситуация полностью не выходит из-под контроля. Развитие двух других сценариев «новой большой игры» (прогнозируется лишь рост наркотрафика) и «центральноазиатский взрыв» (верифицируется возможный рост наркогосударств) могут привести к катастрофической ситуации в Центрально-Азиатском регионе и сопредельных с ним государствах [4, с. 24 – 26].

Учитывая все вышеназванные обстоятельства, в формате ШОС важно выработать принципиальные положения о приоритете предупреждения и пресечения наркотрафика внутри стран-участниц союза ШОС, укрепления границ и совместных учений на государственных рубежах на предмет противодействия незаконному их пересечению.

Председатель Государственного антинаркотического комитета, директор ФСКН России В.П. Иванов 2 апреля 2012 года в Пекине на заседании компетентных органов государств-членов ШОС отметил: «Антинаркотические компетентные органы государств-членов ШОС имеют сегодня все возможности, чтобы, с одной стороны, через эффективную реализацию Стратегии антинаркотической политики ШОС внести существенный вклад в дальнейший рост влияния ШОС в мире, а, с другой стороны, через концентрацию усилий на ликвидации афганского наркопроизводства показать миру пример современной антинаркотической политики» [5]. Позднее, 6 июня 2012 года Китай заявил о готовности продолжать оказывать помощь Афганистану в построении в этой стране независимого, мирного и процветающего государства, свободного от терроризма и наркопреступности. При этом особое место в этом процессе Китай отвел формату сотрудничества на площадке ШОС [6]. Однозначно выраженная общая позиция с Китаем дала России шанс смоделировать перспективы сотрудничества, реализовать потенциал совместной работы по освобождению Афганистана «от наркозависимости». Затем были осторожны авансы Афганистану по гипотетическому получению статуса наблюдателя в ШОС, предложения о необходимости обращения в Международный суд с иском заявлением от стран Шанхайской организации сотрудничества с не очень ясным предметом требования от финансовых компенсаций странам, которые пострадали от более чем 40-кратного увеличения производства и поставок героина из Афганистана за время присутствия стран НАТО в этом государстве, до возложения на страны Североатлантического альянса обязанностей по радикальному решению про-

блемы наркотрафика и пр. Так или иначе, но именно Афганистан стал гордиевым узлом проблем пресечения наркотрафика в вопросах сотрудничества стран-участниц ШОС, тем более, что украинские события 2014 года и реакция на них России и международного сообщества подталкивают к все более активному использованию именно этой международной площадки. Превращение G-8 в -7, санкции западных государств, в том числе, в тех областях, которые должны по логике международных событий быть вне политики, практически не оставляют России выбора.

В сложившихся условиях ШОС становится по существу одной из немногих международных организаций, формат которой имеет широкие и безусловные перспективы в борьбе с современными вызовами международной и национальной безопасности стран-участниц. Именно страны ШОС и БРИКС заняли наиболее взвешенную и прагматичную позицию в отношении России по современной ситуации в Украине, именно эти государства никогда не подвергали сомнению необходимость наращивания международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, наркотрафиком и незаконной миграцией. Признавая особую ценность международной площадки ШОС в предупреждении и пресечении наркотрафика, нельзя не отметить концептуальную узость подхода, вращающегося преимущественно вокруг ситуации с поставкой афганского героина. Думается, настало время для осторожных, но последовательных шагов для претворения в жизнь идеи недопустимости трафика наркотиков с территории каждого государства-участника ШОС на территорию другого государства-партнера по этой организации. И здесь речь идет не только о транзитных поставках афганского героина через страны Центрально-Азиатского региона, но и не в последнюю очередь о наркотрафике так называемой «китайской синтетики». Китайская наркомафия получает сверхприбыли от этого бизнеса в связи с тем, что эффективно использует фоновый эффект кратно увеличивающегося товаропотока посредством почтовых отправок из Поднебесной в Россию, отследить который в полном объеме просто невозможно, а также в результате легкости изготовления очередных внеперечневых наркотиков несущественным изменением химической формулы вещества. К сожалению, не удалось найти более свежей официальной информации. Приведем выдержку из разъяснения Почты России об объеме почтовых отправок из Китая: «Товарные вложения в Международных почтовых отправлениях пересылаются двумя способами: в посылках и мелких пакетах. По количеству входящих посылок Китай занимает 3-е место после США и Германии, по 9-10 тыс. посылок в месяц летом, 15-18 в предновогодние месяцы (ноябрь-декабрь). Самый «урожайный» – декабрь (свыше 18 тыс. посылок, самые «бедные» – январь-февраль (по 3.5 тыс.). По входящим мелким пакетам Китай занимает 1-е место, в летние месяцы поступает 80-100 тыс. регистрируемых мелких пакетов, в предновогодние месяцы (ноябрь-декабрь) – 140-160

тыс. шт. Наиболее «урожайный» месяц 2011 г. – ноябрь (свыше 160 тыс. шт.), наиболее «бедные» – январь-февраль (около 40 тыс. шт.)). Из неофициальных источников известно, что на сегодняшний день Китай стал абсолютным лидером по количеству самых разных почтовых отправок в Россию.

Кроме того, синтетические китайские наркотики очень сложно выявить и при поставках наземным транспортом с какой-либо группой легальных товаров (чаще используются косметика, автомобильная и бытовая химия). Поэтому без последовательного и добрососедского подхода как в формате ШОС, так и в рамках других международных организаций и форумов нам не обойтись. Тот же подход должен быть абсолютным и в отношении производных от наркобизнеса операций (речь идет об отмытии доходов, полученных преступным путем). Думается, что настало время для такого диалога.

Пристатейный библиографический список

1. Шаймергенов Т., Тусупбаева Г. Роль ШОС в формировании центральноазиатской среды безопасности: геополитические аспекты // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 2 (44).
2. Пупцева А.В. Особенности раскрытия и расследования незаконных перевозки, пересылки наркотических средств и психотропных веществ: Автореф. дисс. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2012.
3. Сидоров Д.А. Роль и место Шанхайской Организации Сотрудничества в современном мире: Дисс. ... к.п.н. – Москва, 2011. / Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/rol-i-mesto-shankhaiskoi-organizatsii-sotrudnichestva-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 25.08.2014).
4. Казанцев А.А. Сценарии эволюции ситуации в Большой Центральной Азии после 2014 года // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства Иностранных Дел Российской Федерации. 2013. № 2 (4).
5. Иванов В.П. Об антинаркотических инициативах ШОС как ключевого фактора обеспечения антинаркотической безопасности в Евразии. (Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России Виктора Иванова 2 апреля 2012 года в Пекине на заседании компетентных органов государств-членов ШОС) // Официальный сайт ФСКН России. http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2012/0402/153118233/detail.shtml (дата обращения: 22.08.2014).
6. МИД КНР: ШОС намерена играть большую роль в восстановлении Афганистана. Обзор прессы по Афганистану. Дайджест от 7 июня 2012 года. // Официальный сайт ФСКН России. / http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/prensaafganistan_all/2012/0607/132319179/detail.shtml. (дата обращения: 22.08.2014).

© Полстовалов О.В., 2015

*Муратшин Ф.Р.,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории государства и права
Института права БашГУ,
Судья Конституционного Суда
Республики Башкортостан,
г. Уфа, Россия*

БУКВА И «ДУХ» КОНСТИТУЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ

В статье раскрываются понятия буквы и «духа» Конституции, исследуются вопросы толкования конституционных норм органами конституционного контроля.

Ключевые слова: Конституция, толкование норм права, органы конституционного контроля, Конституционный Суд Российской Федерации, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации.

*Muratshin F.R.,
Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory of State and Law
Law Institute BSU,
Judge of the Constitutional Court
Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russia*

THE LETTER AND THE "SPIRIT" OF THE CONSTITUTION: OPPORTUNITIES NEW INTERPRETATION OF CONSTITUTIONAL NORMS

The article describes the concepts of the letter and “spirit” of the Constitution, explores the questions of interpretation of constitutional norms by the constitutional control bodies.

Key words: Constitution, interpretation of law, constitutional control bodies, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional (charter) courts of the subjects of the Russian Federation.

Любой закон, а тем более конституция, как известно, должны иметь свои концептуальные основы, в которых определялись бы их цели и задачи, отражались основополагающие принципы, учитывалась местная специфика, закладывались важнейшие правовые механизмы обустройства

государства и общества. Ш.Л. де Монтескье в своем известном произведении «О духе законов» писал: «Законы должны соответствовать природе и принципам установленного правительства; физическим свойствам страны и ее климату ..., образу жизни ее народов..., степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям». Совокупность всех этих отношений он назвал «духом законов» [1, с. 78].

Основываясь на таком подходе, важнейшими элементами «духа» ныне действующей Конституции России стали приверженность идеям демократии, разделения властей, правового государства, федеративного устройства страны, социального государства, согласованности общепризнанных принципов и норм международного права с национальным законодательством. Эти концептуальные основы пронизывают все иные правовые нормы, являются своеобразным «лекалом» для сопоставления и оценки их конституционности, в связи с чем должны оставаться неизменными.

Не случайно, одним из важнейших требований к Конституции считается стабильность ее положений. Эта стабильность, в свою очередь, обеспечивает стабильность политического и государственного строя особенно в переходные периоды, связанные с преобразованиями в политической системе и экономической инфраструктуре, так как именно в Конституции содержатся основополагающие для общества «правила игры», рассчитанные на десятилетия. Поэтому во всей мировой практике конституционные изменения - явления редкие. Например, в Конституцию США за 200 лет ее существования внесено лишь 27 поправок.

Стабильность присуща и Конституции России. За все время действия Конституции в ее текст были внесены лишь незначительные поправки, связанные с: изменением числа субъектов Российской Федерации вследствие их укрупнения путем объединения; увеличением срока полномочий Президента и Государственной Думы Российской Федерации, возвращением в состав России Крыма, слиянием Высшего арбитражного Суда с Верховным Судом Российской Федерации.

Несколько иначе обстоят дела с Конституцией Республики Башкортостан. С момента принятия в нее всего семь раз вносились корректировки: в 2000, 2002, 2006, 2008, 2009, 2011 и 2012 годах. Однако необходимость пересмотра конституционных норм была вызвана, в основном, дальнейшей детализацией федерального законодательства, созданием вертикали исполнительной ветви государственной власти, изменением принципов формирования государственных органов, совершенствованием системы местного самоуправления.

Указанные конституционные изменения, как на федеральном уровне, так и на уровне республики, тем не менее, было бы неправильно оцени-

вать как изменение концептуальных основ конституции, как пересмотр прежних ценностей и ориентиров.

Хоть Конституция и не священное писание, она создается людьми, опираясь на мировой опыт, исходя из потребностей общества на определенном этапе его развития, в нее очень трудно внести изменения. Неслучайно, по мнению А.А. Белкина, «сверх ужесточенная процедура пересмотра Конституции создает для ее консервации возможности не меньше, чем прямой запрет пересмотра» [2]. Это и правильно, поскольку стоит лишь раз прикоснуться к конституционным положениям, неминуемо возникает желание и дальше, уже более смело «кроить» когда-то «неприкосновенные» нормы Основного закона.

В юридической литературе в последнее время довольно широко дискутируется вопрос о возможности «нового прочтения» существующих конституционных норм, изначальный смысл которых (то есть смысл, который вкладывался разработчиками Конституции) в современных условиях устарел. Для обозначения такого «нового прочтения» используются различные термины: «преобразование Конституции» [3], «созидательное развитие» [4, с. 22], «ползучее реформирование» [5, с. 51], «эволюционное прочтение» [6, с. 121], «молчаливое превращение» [7] и др. В 2010 году по данной проблеме была защищена докторская диссертация Е.С. Аничкиным [8]. Действительно, если всмотреться в текст Конституции с вершины сегодняшнего дня, то можно увидеть немало норм, которые в настоящее время трактуются иначе, чем они понимались в момент принятия Основного закона.

Так, определенные изменения в трактовке претерпела статья 11 (часть 3) Конституции Российской Федерации, предусматривающая, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляется Конституцией Российской Федерации, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. Если в 90-х годах прошлого века многие субъекты Российской Федерации имели двусторонние договоры с Федеральным центром о разграничении полномочий, то к началу XXI века произошел отказ от данной практики. Это фактически означает переход от конституционно-договорного разграничения предметов ведения и полномочий между Федеральным центром и субъектами Федерации к просто конституционному.

Также существенные изменения произошли в понимании того, как должны реализовываться предусмотренные статьей 72 Конституции Российской Федерации предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Часть 2 статьи 76 Конституции России указывает, что по предметам совместного ведения Российской

Федерации и ее субъектов издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

Первоначально, как известно, под предметами совместного ведения понимались сферы общественных отношений, в регулировании которых в равной мере должны быть задействованы и федеральные, и региональные органы государственной власти. Предполагалось, что по этим вопросам на федеральном уровне будут действовать Основы законодательства, как это было на союзном уровне в период существования СССР, а конкретизирующие их кодексы и иные законы – на уровне субъектов Российской Федерации. В соответствии с таким подходом, к примеру, были приняты Основы лесного законодательства Российской Федерации, Основы законодательства Российской Федерации о культуре, Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. В субъектах Российской Федерации в развитие этих основ принимались кодексы. Так, в Республике Башкортостан в тот период общее число кодексов было более двух десятков.

Несколько позже под предметами совместного ведения стали понимать сферы общественных отношений, регулирование которых осуществляется различными федеральными законами (но уже не Основами законодательства) и принимаемыми на их основе региональными законами. В тех же случаях, когда на федеральном уровне закон отсутствовал, субъекты Федерации могли в опережающем порядке принять свой закон, который после вступления в силу федерального закона должен был быть приведен в соответствие с последним. Это так называемое «опережающее правотворчество субъектов Российской Федерации».

Далее принимаемые на федеральном уровне законы стали настолько подробными, что субъектам Федерации по предметам совместного ведения фактически не осталось возможностей для собственного правового регулирования. А в федеральных законах стали прямо прописывать полномочия органов власти субъектов Федерации, фактически превращая сферу совместного ведения в сферу федерального ведения с делегированием отдельных полномочий органам государственной власти субъектов Российской Федерации. Такой подход, в частности, использован в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Данный пример, на наш взгляд, наглядно демонстрирует то, как на практике изменилась трактовка конституционных норм о предметах совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов без внесения каких-либо изменений в текст самой Конституции.

Закономерно возникает вопрос, допустимы ли подобные «новые прочтения» конституционных норм?

Запретить это, как нам кажется, вряд ли удастся. Тем более, что такая же практика существует и в других странах. А вот попытаться выработать юридический механизм осуществления нового истолкования положений Конституции, думается, возможно. Главная цель выработки такого механизма заключается в обеспечении того, чтобы «новое прочтение» не исказило исходный смысл Конституции, не вошло в противоречие с основными принципами государственного обустройства страны.

На наш взгляд, главным сдерживающим фактором от произвольного истолкования конституционных положений должна стать активная позиция Конституционного Суда Российской Федерации, обладающего согласно статье 125 (часть 5) Конституции Российской Федерации исключительным правом толкования конституционных норм по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации.

Как показывает анализ, в общей массе рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации обращений удельный вес его решений о толковании Конституции Российской Федерации крайне мал. По нашим подсчетам, за время работы Конституционного Суда Российской Федерации им принято немногим более десятка постановлений о толковании конституционных норм. Из них пять постановлений по запросам Государственной Думы Российской Федерации – главного разработчика федеральных законов. В то же время объем решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам проверки конституционности федеральных законов значительный. Все это свидетельствует о том, что депутаты Государственной Думы, осуществляя свою профессиональную деятельность, нечасто задаются вопросом о соответствии принимаемых законов Конституции Российской Федерации.

Должно же быть все наоборот. Законодателям следует работать с постоянной «оглядкой» на Конституцию. И не только на букву Основного закона, но и на его дух, концептуальные основы и правовые принципы. Если же в ходе обсуждения законопроектов по вопросу их согласования с Конституцией Российской Федерации будут возникать спорные моменты, самый лучший способ их разрешения – это обращение с запросом в высший орган конституционного контроля страны.

Далее. В вопросах «нового прочтения» конституционных норм следует четко различать ключевые конституционные положения, в которых воплощен «дух» Конституции, и второстепенные (технические) положения, от какого-то иного истолкования которых мало что изменится. Пер-

вые, на наш взгляд, ни в коем случае не должны подвергаться какому-то «новому прочтению» во избежание искажения их смысла.

Сказанное в полной мере относится и к деятельности законодательных органов субъектов Российской Федерации, которые, принимая законы, постоянно должны их сопоставлять со своими конституциями (уставами). В этой связи велико значение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. К сожалению, в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации данных органов судебной власти просто нет, а там, где существуют, органы региональной власти крайне редко к ним обращаются.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что «новое прочтение» конституционных норм – явление допустимое, признаваемое не только отечественной юридической наукой, но и зарубежной. Вместе с тем, нужно крайне осторожно относиться к этому правовому инструменту во избежание произвольной трактовки конституционных положений. Применять его нужно только в крайних случаях, с «одобрения» органа конституционного контроля и только в определенных не требующих отлагательства случаях.

Пристатейный библиографический список

1. Монтескье Ш.Л. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.
2. Белкин А.А. Пересмотр Конституции (теоретические аспекты) // Правоведение. 1995. № 1.
3. Аничкин Е.С. Преобразование Конституции Российской Федерации (к вопросу о дискуссии вокруг одной правовой категории) // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 22.
4. Гюлумян В.Г. Перспективы развития Российской Конституции // Конституция Российской Федерации и развитие законодательства в современный период. Материалы Всероссийской научной конференции / Под общ. ред. И.А. Конюховой. Т. 1. 2003.
5. Авакьян С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. № 11.
6. Марио Ганино. Россия, 1993 – 2003: довольно податливая Конституция // Конституция и законодательство. По материалам научной конференции // Отв. Ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихонцев. М., 2003.
7. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5.
8. Аничкин Е.С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 – начале 21 вв. // Дисс. ... д.ю.н.. – Тюмень, 2010.

© Муратшин Ф.Р., 2015

*Галлямов Р.Р.,
доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИСЭИ УНЦ РАН,
г.Уфа, Россия*

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ: ЮРИДИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье проводится анализ теории и практической реализации идей правового государства с точки зрения регулирования в нем современных этнонациональных процессов. Специально выделяются правовые и политические методы подобного регулирования. Делается вывод о слабой теоретической разработанности и эклектичной практике правовых методов регулирования этнонациональных процессов в современном российском обществе.

Ключевые слова: Этнонациональные процессы, правовое государство, правовые и политические методы регулирования.

*Gallyamov R.R.,
Doctor of Social Sciences, Professor,
Chief Researcher ISEI USC RAS,
Ufa, Russia*

ETHNO-NATIONAL PROCESSES IN A STATE OF LAW: LEGAL AND POLITICAL BASIS FOR REGULATION

This paper analyzes the theory and practical implementation of ideas the rule of law in terms of regulation it modern ethno-national processes. Specially distinguished legal and political methods such regulation. It is concluded that the weak theoretical elaboration and eclectic practice legal methods to regulate ethno-national processes in contemporary Russian society.

Key words: ethno-national processes, rule of law, legal and political methods of regulation.

Проблема регулирования этнонациональных процессов и оптимизации межэтнических отношений в современной России представляет собой одно из самых актуальных и сложных направлений общественно-политического процесса. Российская Федерация, как известно, даже после развала СССР продолжает оставаться самым многонациональным государством мира. В ней проживают представители около двухсот народов и

этнических общностей, обладающих отличительными особенностями материальной и духовной культуры. Одновременно, в отличие, например, от такой страны этнических мигрантов как США, или от Западной Европы, ставшей наиболее полиэтничной лишь в течение последних десятилетий, после второй мировой войны, специфической особенностью российской многонациональности, выступает то, что: во-первых, в нашей стране она формировалась столетиями, в результате длительного взаимовлияния народов на ключевых этапах этногенеза и этнонациональной истории; во-вторых, исходя из этого, большинство проживающих довольно чересполосно российских народов обладают, согласно международно-правовым нормам, статусом и правами коренных жителей данной территории.

Естественно, что в условиях формирования правового государства, определяющую роль в регулировании этнонациональных процессов должна играть сложившаяся в стране система права. Как подчеркивают теоретики правового государства, к числу принципов, отличающих его от государств, не доросших до соответствующего уровня, относятся (наряду с некоторыми другими) такие принципы, как: защита, обеспечение прав и свобод человека и гражданина как основное предназначение государства; верховенство права и легитимного закона во всех сферах государственной и общественной деятельности [1, с. 256]. В то же время, как справедливо отмечают некоторые зарубежные специалисты, «межэтнические отношения не могут быть оформлены исключительно за счет законодательных мер. Для эффективного влияния на социальные процессы эти средства должны быть дополнены мерами политическими, которые бы прояснили принципы и цели этнонациональной политики» [2, с. 321]. Таким образом, регулирование этнонациональных процессов должно осуществляться в правовом государстве системным образом: с использованием и правовых, и политических методов.

Собственно правовая система управления этнонациональными процессами на современном этапе имеет довольно обширный и разветвленный характер, включает в себя большое количество международных правовых актов, федеральных и региональных законодательных документов. Политическая составляющая регулирования этнонациональных процессов основывается: на общегосударственных стратегиях; на принятых к исполнению органами государственной власти, на концепциях и программах по регулированию этнического развития и межэтнических отношений.

Правовая система включает соответствующие статусные отрасли права. В системе международного права, по нашему мнению, можно выделить, в этом смысле, две группы источников: во-первых, соответствующие материалы о правах и свободах народов [3]; во-вторых, конвенции и межгосударственные договоры о правах диаспор [4, с.164-198]. Как из-

вестно, система международного права в этом смысле включает так называемые «твердые», т.е. юридически обязывающие документы (Устав ООН (1945), Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948), Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975) и т.д.) и «мягкие», т.е. рекомендательные юридические источники (Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960), Азиатско-тихо-океанская декларация человеческих прав индивидов и народов (1988), и др.) [3, с. 9-164]. Кроме того, существует большая группа документов, имеющих пока проектный характер или частично признанные мировым сообществом [3, с.165-201].

Следующим по уровню, но не по значимости, отраслевым направлением правового регулирования этнонациональных процессов, выступает конституционное право. В этом смысле, принятая в декабре 1993 года и действующая с учетом более поздних поправок Конституция Российской Федерации затрагивает проблему этнического развития в двух смыслах. Во-первых, в главе второй первого раздела конституции, в статье 26 провозглашаются права на свободу выбора национальной принадлежности и языковые права граждан [5, с.7]. Во-вторых, в третьей главе конституции прописаны принципы федеративного устройства страны, включающей, наряду с другими субъектами, 21 национальную республику, национальную автономную область и 4 национальных автономных округа. В статьях с 66 по 73 подробно расписаны принципы разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами федерации, в том числе - республик. Кроме того, во втором разделе конституции признается правомочность (в рамках действующей конституции) Федеративного договора [5, с.12-15, 29].

Специальное федеральное законодательство, регулирующее этнонациональные отношения, существует в форме двух основных законов: Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (1996 г.), Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации (с изменениями на 12 марта 2014 года)» [6;7]. Вместе с тем, наряду с федеральным законодательством, в России сформировалось достаточно большое количество региональных (особенно – в республиках) правовых актов, регулирующих этнонациональный процесс. В Республике Башкортостан, например, принят (кстати - в одной из последних в российских республиках) закон «О языках народов РБ» (закон РБ от 15 февраля 1999 года) [8].

Важное значение в области регулирования этнонациональных процессов в нашей стране имеет уголовное право, особенно - в связи с тем, что Уголовный Кодекс РФ преступления по соответствующим статьям относит к особо опасным уголовно наказуемым деяниям, а на осужденных по ним, даже в случае отбывания наказания, налагаются ограничения

в правах, вплоть до запрета, в соответствии с Трудовым Кодексом РФ, на некоторые способы профессиональной деятельности. При этом, как показывает анализ российской судебной практики, проводимый некоторыми правозащитными организациями, при ежегодном вынесении в стране в среднем пяти – семи обвинительных приговоров по наиболее «тяжеловесным» статьям УК (205¹ «Содействие террористической деятельности», 280¹ «Организация деятельности экстремистской организации» и т.д.) и при осуждении от тридцати до семидесяти граждан в год за насильственные расистские преступления, около половины из них возможно признать неправомерными [9]. Таким образом, уголовное преследование за преступления в сфере межнациональных отношений (экстремизм, ксенофобия, разжигание межнациональной розни и т.д.) становится на современном этапе одним из важнейших элементов регулирования этнонациональных процессов.

Как уже отмечалось выше, в нашей стране существенную, если не доминирующую роль в регулировании этнонациональных процессов играют, наряду с правовыми, политические методы, концептуально сформулированные в основном в двух основополагающих документах: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.), Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012 г.) [10;11].

Сравнительный анализ вышеназванных документов и материалов позволяет прийти к следующим выводам: во-первых, правовые основы регулирования этнонациональных процессов в современном российском обществе остаются недостаточно разработанными и не связанными в единую систему как на общефедеральном уровне, так в смысле взаимодействия с региональным законодательством; во-вторых, к сожалению, преобладают над правовыми методами политические способы и технологии управления этнонациональными процессами. Тем более, что даже в последнем случае реальные политические решения основываются не на принципах осуществления заранее разработанных и принятых гражданским сообществом стратегических (концептуальных) подходов, а на позициях «политической целесообразности», исходящей из взглядов государственного аппарата.

Пристатейный библиографический список

1. Маркус Галдиа, Дорис Ведр. Правовые аспекты межэтнических отношений в Российской Федерации // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004.
2. Раянов Ф.М. Теория правового государства. М., 2014
3. Права и свободы народов в современных источниках международного права (сборник документов). Под ред. проф. Тузмухамедова Р.А. – Казань, 1995.

4. Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей. М.,1998.
5. Конституция Российской Федерации: по сост. на 2014 г. М.,2014.
6. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (с изменениями на 14 ноября 2014 года). URL:<http://docs.cntd.ru/document/9018667>
7. Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации (с изменениями на 12 марта 2014 года)» URL: <http://docs.cntd.ru/document/9003298>
8. Закон РБ «О языках народов Республики Башкортостан (с изменениями на 28 марта 2014 года)». URL :<http://docs.cntd.ru/document/935103425>
9. Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в России (ежегодные отчеты, начиная с 2004 года).URL:<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/02/d29004/>
10. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.). URL:<http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/>
11. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.referent.ru/1/207668>.

© Галлямов Р.Р., 2015

УДК 349

Исхаков Э.Р.,
*доктор медицинских наук, профессор,
профессор кафедры педагогики и психологии в деятельности
сотрудников органов внутренних дел
Уфимского юридического института МВД России,
полковник полиции, г. Уфа, Россия*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ПАЦИЕНТОВ В УКАЗАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ПРИНЯТЫХ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

В статье проанализированы нормативные правовые акты Российской Империи, изданные в период правления Павла I, посвященные улучшению организации оказания медицинской помощи с точки зрения обеспечении прав пациентов. Указы, принятые в период правления Павла I, были направлены на обеспечение прав пациентов как в армии и флоте, так и среди гражданских – создание необходимых условий нахождения больных в госпиталях: соответствующего здания госпиталя, более комфортабельных условий размещения пациентов, установлением функциональных обязанностей для медицинских работников по выполнению деятельности по лечению больных и раненых. В уставах армии и флота устанавливались обязанности для медицинских работников иметь высокий профессиональный уровень, правила наблюдения за больными и правила проведения лечебного процесса, требования к условиям, в которых долж-

ны были находиться заболевшие. Проведенный нами анализ законодательных актов Российской империи показывает, что в них, хотя напрямую права пациентов специально не декларировались, но представлялись и обеспечивались.

Ключевые слова: медицинское законодательство, права пациентов, Павел I, история Российского законодательства XVIII века.

*Iskhakov E.R.,
MD, Professor,
Professor of the Department of Pedagogy and Psychology in the work
police officers
Ufa Law Institute of the Russian Interior Ministry,
Police Colonel, Ufa, Russia*

LAW REGULATION OF IMPROVING MEDICAL CARE AND PATIENTS RIGHTS IN RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF XVIII-TH CENTURY

Law documents of the Russian Empire issued during the tsar Pavel the First are analyzed in this article. This legislation estimated rules for improving medical care and patients rights. The Acts had some aspects about patients rights in military medicine and in civic medicine – making necessary conditions for patients at the hospitals, normal buildings for hospitals, more comfortable place where patients living during treatment, estimating functional obligations for medics in their treatment activity. In military and navy Acts were obligations for medics such as to have more higher professional level, rules for observing for patients and rules for treatment process, requirements for conditions where patients are. Our analyzes of Law Acts of Russian Empire is showed that were not special points about patients rights directly but the content include its representative and supporting.

Key words: medical legislation, regulation pharmacy activity, Tsar Pavel the First, history of Russian legislation of XVIII-th century.

На необходимость историко-правового анализа процессов становления и развития, важнейших государственно-правовых механизмов правового регулирования в сфере здравоохранения на различных исторических этапах указывает ряд современных исследователей [1, с. 59-62]. Нами выделены нормативные правовые акты времени правления царя Павла I (1796-1801 гг.) направленные на улучшение организации оказания медицинской помощи больным и раненым. Указы, а также пункты указов, содержащие положения, направленные на обеспечение надлежащими условиями лечения пребывания в надлежащих условиях при лечении в госпитале, а также

обеспечение более качественной медицинской помощью (квалифицированной медицинской помощью) или вообще получение медицинской помощи (при отсутствии в настоящей момент таковой) можно с современной точки зрения рассматривать как обеспечение прав пациентов. Причем, указы, в которых были отражены вопросы обеспечения прав пациентов, относились как к военной, так и гражданской медицине.

Большое внимание на должное отношение и лечения к больным и раненым военнослужащим Российской армии и флота обращалось внимание в уставах армии и флота. В них устанавливались: обязанность для медицинских работников иметь высокий профессиональный уровень, правила наблюдения за больными и правила проведения лечебного процесса, требования к условиям, в которых должны были находиться заболевшие. Так, Воинский устав «О полевой пехотной службе» принятый 29 ноября 1796 г. в Части восьмой в Главе XVI «О принятии в службу лекарей, о присмотре за больными, и о сбережении солдат» устанавливал обязанность всем лекарям пройти экзамен в Медицинской коллегии перед службой в войсках, а также обязанности полковым лекарям – обезжечь роты для осмотра больных, консультироваться с гражданскими медиками в трудных случаях, изолировать инфекционных больных, назначать лечение и диету [2, с. 26-129]. Важный фактор, обеспечивающий больным надлежащее лечение это собственно финансирование лечения вне военных медицинских учреждений – уставом устанавливалось, что оно должно вестись за счет полковой суммы. В этой же главе устанавливалось обязательность обеспечения хорошего питания для больных и проведение контроля за доброкачеством их питания.

В главе XXXII «О присмотре за больными в поле, и о сохранении солдат» устанавливались правила транспортировки больных, причем в роте полагалось иметь специальные одеяла для больных (обязательность наличия специальной лошади, перевозящей одеяла); особо обращалось внимание на то, чтобы «больных без присмотра не оставлять», особо должно было контролироваться доброкачеством пищи для больных, обязательность горячего питания каждый день.

Идентичное повторение этих положений, только под другими номерами глав было изложено в «Воинском уставе о полевой кавалерийской службе» принятом 29 ноября 1796 года [3, с. 156-212]. Данное содержание раскрывались в Главе XXXIV «О принятии в службу Лекарей, о присмотре за больными, и о сбережении рядовых» главе LXXIV «О присмотре за больными в поле и о сохранении рядовых».

Принятый 25 февраля 1797 г. «Устав Военного флота» также содержал положения, направленные на обеспечение прав пациентов: условия лечения, требования к наблюдению за больными и их лечения со стороны медиков [4, С. 255-492]. Так, в части первой Главы X «О главном Докторе

во флоте» упоминается специальный госпитальный корабль для больных и раненых, устанавливалась обязанность главному доктору два раза в день осматривать больных; обязанность поддерживать чистоту и правила их выполнения; обязательность осмотра больных и назначение им лекарств тяжелобольным, проводить профилактическую работу.

Ряд глав предусматривал контроль за медиками со стороны вышестоящих медиков-начальников. В Главе XI «О штаб-лекаре» описаны обязанности штаб-лекаря – надзирает за исполнением должности каждого Лекаря и надсматривает за больными.

Один из тех, кто непосредственно лечит больных и раненых – лекарь. Его обязанностям и функциям посвящена Часть 2. Глава XIII - «О лекаре» - согласно содержанию данного раздела он ответственен за получение лекарств, их учет, правила наблюдения за больными; присматривать, контролировать условия содержания (чистота, чистое белье); описаны необходимые действия при наличии опасных больных. Устанавливаются морально-этические правила поведения лекаря – согласно п. 8. Данной главы «Лекарь не должен брать или требовать с больных себе за труд заработной платы». Для лекаря предписаны необходимые действия во время сражения. Представлены указания в п. 88 на случай образования большого числа раненых и тяжелораненых – отправлять в порты, организовать госпиталь (лазарет) на берегу для лечения.

Пунктами 89, 90, 91, 92 предписывается как поступать если много раненых и тяжелых больных вдалеке от России- фрегаты должны найти место, чтобы встать на якорь и лечить больных, указания и условия мест, где будет стоянка для лечения больных. Часть IV «О благоустройстве каждого корабля, флот составляющего, и о благом поведении». Глава II «О росписании на вахты, а в вахтах по местам» пунктом 17 устанавливалось назначение ухаживающих за больными и чистотою в лазарете – по числу больных. В Главе V устанавливались правила перевозки больных. Глава XI «О наблюдении разпорядка на корабль, вышедши на рейду из гавани» устанавливались требования по уборке корабля и помещений, дезинфекции, личной гигиены и постельному белью, размещению больных, условия содержания больных, обязательность всем проводить гигиену полости рта, доброкачественность пищи.

Павлом I обращалось внимание на пребывание больных в нормальных зданиях самих госпиталей. Так, к началу царствования Павла I, т.е. к окончанию правления Екатерины II, госпитальное дело упало до такого низкого уровня, до которого оно никогда не падало никогда, ни прежде, ни потом [5, с. 533]. Поэтому в 30 июня 1797 года Павел, дал указание произвести капитальный ремонт и реконструкции, а также постройки новых корпусов для Московского военного госпиталя.

На обеспечение больных военнослужащих находящихсся на лечении в госпиталях всем необходимым (как вещами, так и питанием), в том числе финансирование материально-технического обеспечения, продуктов питания и медикаментов был направлен ряд указов. Так, высочайшеутвержденный доклад комитета, при Военной Коллегии состоящего «Об учреждении при полевых полках лазаретов» от 12 марта 1798 г. устанавливает обязательность выделения денежных сумм на финансирование различных сторон деятельности и содержания госпиталей - «снабден он будет всем тем, что нужно и надобно, для содержания, успокоения и пользования больных, без недостатка» [6, с. 159-161].

Правила снабжения провиантом больных, находящихсся в госпиталях через полки – либо продуктами, либо деньгами установлены указом из военной Коллегии в январе 1799 г. «О предоставлении полкам на волю брать провиант, полагаемой больными, в натуре или деньгами» [7, с. 548].

Один из указов напрямую отстаивал права больных военнослужащих, чьи права можно сказать нарушались в одном из регионов империи – их не принимали на лечение в местный госпиталь. Указ из военной Коллегии «О принятии в госпитали и лазареты присылаемых от комиссий провиантских Депо и от подведомственных им Комиссионеров и магазинов больных служителей, и о довольствовании их наравне с инженерными чинами» принятый в октябре 1799 г., констатировал, что больные из ряда подразделений войск, в частности Комиссии провиантского Депо, не принимают на лечение в Херсонский госпиталь, причем выявлена неразбериха, кто же должен лечить этих больных вне госпиталя, также констатировалось, что инженерных офицеров также не всегда принимали на лечение в госпитали [8, с. 852-854]. В нем предписывалось – всех принимать на лечение, особо указывалось на ответственное отношение к таким больным в госпиталях - «пользовать с надлежащим радением и прилежностью». Можно сказать, что здесь обеспечение прав пациентов происходило и через повышение требования к профессионально-психологическим качествам медицинских работников. Необходимо заметить, что исследователем деятельности военно-морских госпиталей в конце XVIII века А. В. Костюк установлены порой неудовлетворительные условия лечения моряков [9, с. 48-51].

Поднять уровень организации и качества медицинской помощи больным в конце XVIII века, т.е. защитить и обеспечить права пациентов на лечение в надлежащих условиях был призван документ Медицинской коллегии от 2 апреля 1797 года, по которому приказывалось всем Врачебным управам осмотреть в своих губерниях все больницы и госпитали для выявления недостатков в условиях содержания больных, а также в снабжении лечебных учреждений медикаментами. Выявленные недостатки предписывалось устранить [10, с. 560].

Следует подчеркнуть, что обращенное внимание государя на военные госпитали привело к тому, что проводилось и улучшение условий пребывания больных и в гражданской медицине.

На создание надлежащих условий для пребывания больных в больницах - соответствующие палаты для больных, обеспеченность их питанием, одеждой, медикаментами, соблюдение гигиены, раздельное содержание мужчин и женщин в палатах, достаточность и укомплектованность медицинского персонала для работы в больницах был направлен Указ «Именной, объявленный Медицинской коллегии Главным Директором оной - Об особенном наблюдении за устройством больниц» от 2 апреля 1797 г. [11, с. 522]. В нем констатируется, что при посещении генерального военного госпиталя император обнаружил тесноту для размещения больных. Поэтому указом было решено: провести проверку всех лечебных учреждений, строить новые помещения для размещения больных; проверить есть ли отдельные палаты для инфекционных заболевших и женщин, достаточно ли снабжение больных пищей, одежды, чистоты; достаточно ли лекарств и медицинского персонала; есть ли поселения, где отсутствуют лечебницы. Об этих вещах было необходимо собрать сведения для дальнейших планов по их улучшению.

На обеспечение права беременных на надлежащее наблюдение со стороны медиков путем улучшения специализированной помощи беременным был направлен Высочайше утвержденный доклад Медицинской коллегии от 30 января 1797 г. «Об определении повивальных бабок не только в городах Губернских, но и в уездных, с назначением им жалованья» [12, с. 312]. В нем констатируется, что недостаток повивальных бабок негативно влияет на оказание акушерской помощи, устанавливаются их штаты для губернских городов и уездных, их размер жалованья.

Организация больницы при определенном учреждении и установление штатов для нее, наличие четкой регламентация функциональных обязанностей и действий по отношению к больным также можно рассматривать как направленность на обеспечение прав пациентов. Это можно найти в ряде указах. Например, именной Указ, данный Сенату «О учреждении Казанской Губернской Гимназии и о заведении при ней аптеки , с приложением докладов, положения и штатов» от 29 мая 1798 г. пунктом 9 устанавливал при Гимназии больницу и штаты – 2 подлекаря, их обязанности (одному дежурить круглосуточно), готовить лекарства; п. 17 обязанности доктора – ежедневно осматривать больных и контролировать расходы и работу подлекарей; больничного надзирателя – обязанности: исполнять в точности все предписания Доктора [13, с. 259].

Это прослеживается в Синодском указе, принятому по Высочайше утвержденному докладу «Об учреждении Семинарий в епархиях для священно и Церковнослужительских детей» от 16 июня 1800 г. [14, с.

175-178]. В нем устанавливалось, что при финансировании работы семинарий, в том числе Казанской академии, в которой обучались дети, выделялись деньги для жалования лекарей и фельдшеров, которые будут лечить заболевших учеников.

Постоянно предпринимались попытки улучшить условия пребывания больных в госпиталях и больницах (в основном для исправления неудовлетворительного положения). Это можно с современной точки зрения рассматривать как обеспечения права на надлежащие условия пребывания в лечебных учреждениях. Получив из ряда врачебных управ Империи информацию о плохом состоянии большинства гражданских больниц, и особенно полевых лазаретов (места расположения, плохое питание, недостаток или отсутствие одежды) и сделав на этом выводы о том, что это имеет место на всей территории, было предписано Указом Его Императорского Величества из Государственной Медицинской Коллегии от 2 ноября 1797 г. обустроить и содержать воинские лазареты и госпитали согласно прилагаемым правилам в примечании к Указу [15, с. 64-66]. В примечании к Указу перечислялись правила, которые отражали следующие аспекты месторасположения лечебных учреждений:

1) Месторасположение – «возвышенное, болотными местами не окружаемое, от жилья несколько удаленное»;

2) Необходимость наличия поблизости источника чистой воды – «чтоб близ учреждаемых госпиталей, находилась проточная, чистая и здоровая вода»;

3) Необходимость наличия «насаждения» деревьев «северная сторона должна быть защищаема рощею»;

4) Особое расположение по сторонам света «продолговатой плоскостью к востоку и западу обращенный»;

5) Обязательность свободного пространства во внутренней части двора – «чтобы течение воздуха было свободное»;

6) Обязательность наличия отдельных изолированных помещений для размещения больных, чьи болезни имеют либо инфекционное происхождение (по современным понятиям), либо контактный путь передачи (это понятие существовало еще и в те времена), а также для выздоравливающих;

7) Обязательность наличия отдельных помещений для женщин;

8) Обязательность наличия бани и комнат для помывки, причем отдельная часть их должна служить только для посещения инфекционными и contagiозными больными, например лиц, больных чесоткой.

9) Обязательность наличия аптек и лаборатории;

10) Был включен обязательный перечень вспомогательных помещений для обслуживания: кухня, пекарня, места хранения скоропортящихся

продуктов и длительных сроков хранения, хозяйственных вещей, обязательность наличия места для огорода.

В Указ включалась ведомость с нормами обеспеченности больницы на 50 коек. Причем если для нательного и постельного белья полагался тройной набор-запас, например, простыней полагалось 150 штук, то «полотенец для отирания лица и рук» полагалось всего 25 штук, что с современной точки зрения явно недостаточно. В ведомость входили и постельные вещи для больных – подушки, одеяла и т.д., а также туфли (50 штук), сапоги (5 штук), тулупы (5 штук), шапки-ушанки (5 штук). К особенностям данного указа можно отнести наличие констатирующей части (про неудовлетворительное положение медицинских учреждений в Империи) и предписывающую часть (необходимые меры, которые надо предпринять для исправления дел).

К сожалению, сами больные, не могли защищать либо улучшать свои права через жалобы царю. Хотя указом Павла I от 6 мая 1799 г подтверждалось, что «глас слабого утесненного» может до царя «проникнуть ... и получить в законах скорую защиту», с другой стороны жалобы, подающиеся прямо на имя царя от простых людей не поощрялись, так как население обязывалось в процессе обращения с жалобой или ходатайством придерживаться «должного порядка» и «умеренности» Указ от 6 мая 1799 года «О не утружении Высочайшей Особы не дельными просьбами» [16, с. 638-639].

Таким образом, указы, принятые в период правления Павла I были направлены на обеспечение прав пациентов как в армии и флоте, так и среди гражданских – создание необходимых условий нахождения больных в госпиталях: соответствующего здания госпиталя, более комфортабельных условий размещения пациентов, установлением функциональных обязанностей для медицинских работников по выполнению деятельности по лечению больных и раненых. Проведенный нами анализ законодательных актов Российской империи показывает, что в них, хотя напрямую права пациентов специально не декларировались, но представлялись и обеспечивались.

Пристатейный библиографический список

1. Войтенков Е. В. Становление и развитие основ государственного управления и законодательства в сфере здравоохранения в Российской Империи: теоретические и историко-правовые аспекты // История государства и права. 2014. № 21.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб. 1830. Т. 24. № 17588.
3. Там же. Т. 24. № 17590.
4. Там же. Т. 24. № 17833.
5. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. составлена А. Н. Алелековым. М.: Типография Штаба Московского военного Округа, 1907.

6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб. 1830. Т. 25. № 18.431.
7. Там же. Т. 25. № 18 839.
8. Там же. Т. 25. № 19 180.
9. Костюк А. В. Военно-морские госпитали в XVIII веке // Военно-исторический журнал. 2011. № 12.
10. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. составлена А. Н. Алелековым. – М.: Типография Штаба Московского военного Округа, 1907.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб. 1830. Т. 24. № 17902.
12. Там же. Т. 24. № 17773.
13. Там же. Т. 25. № 18539.
14. Там же. Т. 26. № 19455.
15. Центральной исторический архив Республики Башкортостан. Номер фонда: И-146, опись 1. Т. 2.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб. 1830. Т. 25. № 18957.

© Исхаков Э.Р., 2015

УДК 349

***Юсунов Р.Г.,**
доктор исторических наук,
профессор кафедры государственного права
Института права БаиГУ
Ибрагимова А.А.,
магистрант кафедры государственного права
Института права БаиГУ
г. Уфа, Россия*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВСТУПЛЕНИЯ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ

В статье исследуется правовое регулирование ряда аспектов хозяйственной деятельности в условиях вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО), что является результатом её органичного взаимодействия в процесс экономической, правовой и политической глобализации, что делает необходимым условием следование принципам открытости и повышению транспарентности Российского законодательства. Однако в условиях жесткой мировой конкуренции за рынки и мировое господство, нашему государству необходимо найти правильный баланс между его политической и экономической независимостью и степенью интеграции в мировой процесс глобализации. Ибо от решения данного

вопроса зависит сам факт существования государства как такового, его суверенитета. На основе анализа основных изменений и дополнений действующего законодательства в этой области представлены авторские выводы по рассматриваемой теме.

Ключевые слова: государство, Российская Федерация, правовое регулирование, Всемирная торговая организация, нормативно-правовой акт.

Yusupov R.G.,

Doctor of Historical Sciences,

Professor of the department of state law

Law Institute BSU

Ibragimova A.A.,

Graduate student of the department of state law

Law Institute BSU

Ufa, Russia

LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE RUSSIAN JOINING THE WORLD TRADE ORGANIZATION

The article examines the legal regulation of certain aspects of economic activity in the conditions of Russia's accession to the World Trade Organization (WTO), which is a result of its organic engagement in the process of economic, legal and political globalization, which makes non-necessary condition for adherence to the principles of openness and transparency of Russian legislation. However, in the face of fierce global competition for markets and world domination, our country must find the right balance between its political and economic independence and the degree of integration into the world of globalization. For the decision of this question depends the very existence of the state as such, its sovereignty. Based on the analysis of the major changes and additions to the existing legislation in this area presents the author's conclusions on the topic.

Key words: state, Russian Federation, regulating the right, World Trade Organization, normative legal act.

Российская Федерация вела переговоры о вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО) с 1996 года и осталась последним крупным государством мира, не состоявшим в этой организации.

Процесс вступления РФ в ВТО был довольно сложным, на наш взгляд, в плане механизма вхождения, приведения российской правовой системы, системы стандартизации и сертификации в соответствие с международными правилами членства. Так за период с 2006 по 2010 годы было принято и введено в действие более 3000 документов по стандартизации. Уровень их гармонизации с международными стандартами соста-

вил 70 процентов [1,4]. Как отмечает профессор Г.К. Дмитриева, за эти годы было пересмотрено около 100 нормативных правовых актов, были приняты и совершенно новые для российской правовой системы нормативные правовые акты, например, Федеральные законы от 27 декабря 2002 г. N 184-ФЗ "О техническом регулировании", от 27 ноября 2010 г. N 311-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации", Закон РФ от 21 мая 1993 г. N 5003-1 "О таможенном тарифе". Именно в контексте предстоящего вступления России в ВТО принята часть четвертая ГК РФ, систематизировавшая и усилившая законодательство РФ по охране интеллектуальной собственности, а также установившая четкие правила и способы распоряжения исключительными правами, опосредующие внешнюю торговлю интеллектуальной собственностью.

16 декабря 2011 г. в ходе 8-й Министерской конференции стран-членов ВТО в Женеве был одобрен пакет документов по присоединению России к ВТО: доклад Рабочей группы по присоединению РФ к ВТО, перечень тарифных уступок и специфических обязательств по услугам [3]. 10 июля 2012 г. Государственная дума ФС РФ одобрила Протокол о присоединении России к Всемирной торговой организации [3]. 18 июля 2012 г. Совет Федерации ФС РФ ратифицировал Протокол о присоединении России к Всемирной торговой организации [3]. 21 июля 2012 г. Президент России Владимир Путин подписал федеральный закон "О ратификации Протокола о присоединении РФ к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г." [3].

Следует рассмотреть основные направления деятельности ВТО.

Помимо основного текста, Марракешское соглашение содержит 4 приложения. Приложение 1 разделено на 3 подгруппы: А, Б и С. Приложение 1А - многосторонние соглашения по торговле товарами - является самым объёмным и включает в себя 14 приложений: генеральные соглашения о тарифах и торговле, соглашения по сельскому хозяйству, по текстилю и одежде, по применению санитарных и фитосанитарных норм, по техническим барьерам в торговле (определяет условия применения стандартов, технических регламентов, процедур сертификации), по инвестиционным мерам, связанным с торговлей, по таможенной оценке товаров, по предотгрузочной инспекции, по правилам определения страны происхождения товаров, по процедурам импортного лицензирования, по субсидиям и компенсационным мерам, по применению мер для противодействия демпингу, по применению мер для противодействия растущему импорту. Приложения 1В и 1С включают генеральное соглашение по торговле услугами и соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. Приложения 2 и 3 включают понимание в отношении правил и процедур разрешения споров и механизм обзоров торговой политики. Приложение 4 (соглашение по торговле гражданской авиатехни-

кой и закупкам) включает ряд соглашений с ограниченным числом участников. Всего Марракешское соглашение содержит 20 документов.

Необходимо отметить, что параллельно с Марракешским соглашением об учреждении ВТО, в июне 1994 г. началась разработка интеграционного проекта об объединении независимых государств на постсоветском пространстве – Евразийского союза. В 1995 году было подписано Соглашение о Таможенном союзе «тройки» - Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан. 27 ноября 2009 г. решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа таможенного союза) на уровне глав государств был принят Таможенный Кодекс таможенного союза, предусматривающий условия единого таможенного регулирования между государствами-членами Евразийского экономического сообщества. До принятия Таможенного Кодекса таможенного союза действовал Таможенный Кодекс Российской Федерации от 28.05. 2003 г. N 61-ФЗ. Целью принятия Таможенного кодекса таможенного союза было обеспечение беспрепятственного движения товаров, работ и услуг, обеспечение добросовестной конкуренции и как результат, устойчивое развитие экономик стран-участниц. 29 мая 2014 года Президенты государств-членов таможенного союза и единого экономического пространства на заседании Высшего евразийского экономического совета подписали Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Договор обозначил переход евразийского экономического проекта на более глубокий уровень интеграции [4, 24].

Что касается соответствия международно-правовой базы участников Таможенного союза при вхождении их в ВТО, то согласно п.1. ст.1 Договора «О функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы» положения соглашения ВТО (включая Протокол присоединения и обязательства, взятые в качестве условия присоединения) становятся частью правовой системы Таможенного Союза [5].

Используя метод сравнительного правоведения, сравним правовое регулирование некоторых аспектов хозяйственной деятельности Российской Федерации до и после вступления в ВТО.

При переходе Российской Федерации на новую редакцию единого таможенного тарифа с 23 августа 2012 г. примерно по 1000 товарным позициям были снижены ставки ввозных таможенных пошлин, это, в том числе, товары продовольственной группы, ковры, готовая одежда, изделия из черных металлов, моторные транспортные средства. Средневзвешенная ставка ввозной таможенной пошлины снизилась с 9,6% до 7,5-7,8% по сравнению с действующим тарифом.

С 1 сентября 2014 г. решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26.05.2014 N 77 "О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Таможенного союза и Единый таможенный тариф Таможенного союза в отношении

отдельных видов товаров в соответствии с обязательствами Российской Федерации в рамках ВТО и об одобрении проекта решения Совета Евразийской экономической комиссии" были установлены новые ставки ввозных таможенных пошлин [6]. В среднем, снижение таможенных ставок по сравнению с таможенными ставками, действующими на основании Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 2 июля 2013 г. № 45 [7] по всем товарным позициям, составило 1,7 %.

За период подготовки процесса вступления России в ВТО был изменён механизм исчисления таможенных пошлин. Если до вступления в ВТО налоговой базой для исчисления являлась таможенная стоимость товаров и (или) их количество, то после вступления сумма таможенного сбора зависит от стоимости затрат на услуги таможенных органов и не может превышать 100 000 тысяч рублей. Также с принятием Таможенного Кодекса таможенного союза был изменён механизм исчисления таможенной стоимости товаров. Например, разделом IV ст. 18 Закона РФ о таможенном тарифе N 5003-1 от 21.05.1993 года [8] было предусмотрено 6 методов определения цены, ввозимых на таможенную территорию товаров, при этом учитывались накладные расходы на доставку товара. С принятием соглашения «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза» стала учитываться стоимость сделки с ними, то есть цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за эти товары при их продаже, что значительно облегчает процедуру определения стоимости товара и полностью соответствует п.1 ст.1 ч.1 соглашения по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года (Соглашение о таможенной стоимости) [9].

Российское законодательство позволяет иностранным компаниям принимать участие в закупках для государственных и муниципальных нужд. Согласно ст. 13 ранее действующего ФЗ № 94 от 21.07.2005 г. «О Размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» в отношении иностранных товаров (работ, услуг) устанавливались условия допуска товаров для государств, не предоставляющих национальный режим для российских компаний. Одним из условий согласно п. 4 Приказа Минэкономразвития РФ № 211 от 17 апреля 2013 г. для некоторых групп товаров являлся повышающий 15-ти процентный коэффициент от цены контракта (за исключением товаров, происходящих из Республики Беларусь) [10].

С принятием ФЗ № 44 от 05.04.2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», были исключены условия допуска товаров для государств, не предоставляющих национальный режим для российских компаний. П.1 статьи 14 в вопросах применения национального режима ссылается исключительно на условия, предусмотренные международными

ми договорами РФ, что соответствует ст. III ГАТТ, а также принципам транспаренции и недискриминации. Единственное ограничение, которое налагает п.3 ст.14 ФЗ № 44 [11] и Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. N 1224 [12] – это запрет на допуск товаров иностранных государств для нужд обороны РФ, за исключением товаров, в отношении которых подтверждается отсутствие производства на территории Российской Федерации.

На основании приведённых примеров можно утверждать, что соглашения ВТО содержат комплекс мер, направленных на реализацию принципа недискриминации, т.е. применение режима наиболее благоприятствуемой нации, при котором государство обеспечивает одинаковые условия торговли для всех участников ВТО, и национального режима, при котором импортированные товары не могут подвергаться дискриминации на внутреннем рынке. За счёт снижения протекционистских барьеров, как для импортируемой готовой продукции, так и для запасных частей и комплектующих, из которых изготавливается отечественная продукция, для окончательного потребителя это должно означать снижение цены на товары, работы и услуги, повышение их качества вследствие усиления конкуренции, более широкий выбор товаров. Однако на практике наблюдается обратная и далеко не положительная сторона вхождения РФ в ВТО. Снижение ставок ввозных таможенных пошлин означает, что национальный производитель в нынешних реалиях высокого уровня издержек производства, отсутствия модернизации и новых энергоэффективных технологий в большинстве случаев оказывается незащищенным в условиях жесткой иностранной конкуренции. В основном это касается таких отраслей, как автомобилестроение, сельхозмашиностроение, сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность. Так по данным официальной статистики по объему внешней торговли Российской Федерации за период с января по апрель 2013 г. объем экспорта основных видов продукции уменьшился на 4 % по сравнению с аналогичным периодом 2012 года, в то время, как объем импорта Российской Федерации основных видов продукции за период с января по апрель 2013 г. возрос на 6 % по сравнению с аналогичным периодом 2012 года. При этом основные потери доли экспорта пришлись на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье [13].

Таким образом, вхождение России в ВТО является результатом её органичного задействия в процесс экономической, правовой и политической глобализации, что делает необходимым условием следование принципам открытости и повышению транспарентности Российского законодательства. Однако в условиях жесткой мировой конкуренции за рынки и мировое господство, нашему государству необходимо найти правильный баланс между его политической и экономической независимостью и степенью интеграции в мировой процесс глобализации. Ибо от

решения данного вопроса зависит сам факт существования государства как такового, его суверенитета. Эффективное законодательство будет возможным только в том случае, если иностранные правовые институты будут не просто насаждаться, а глубоко анализироваться экспертами и внедряться с учетом интересов отечественной экономики и экологии. В глобальном же масштабе Россия и её бизнес-партнеры должны стремиться к уважению интересов друг друга, к сотрудничеству на взаимовыгодных условиях. В этой связи, на наш взгляд, уместно обратиться к цитате русского предпринимателя и мецената XIX века В.А.Кокорева: «Пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами Отечества и засорять насильными пересадками на родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу».

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2012 года N 1762-р «Об одобрении Концепции развития национальной системы стандартизации РФ на период до 2020 года». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=136470> (дата обращения: 02.04.2015).
2. «Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию: Монография" под ред. Г.К. Дмитриевой, "Норма", "Инфра-М", 2013.
3. Сайт «Россия и ВТО» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.wto.ru> (дата обращения: 20.05.2014).
4. Правовой портал Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: URL: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 01.04.2015).
5. Договор от 19 мая 2011 года «О функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы». URL: <http://www.tsouz.ru/MGS/MGS-15/Pages/P-87.aspx> (дата обращения: 03.04.2015).
6. Решение от 26 мая 2014 г. N 77 «О внесении изменений в единую товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Таможенного союза и Единый таможенный тариф Таможенного союза в отношении отдельных видов товаров в соответствии с обязательствами Российской Федерации в рамках ВТО и об одобрении проекта решения совета евразийской экономической комиссии». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=163569> (дата обращения: 03.04.2015).
7. Решение от 2 июля 2013 г. N 45 «О внесении изменений в единую товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Таможенного союза и Единый таможенный тариф Таможенного союза в отношении отдельных видов товаров». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=150635> (дата обращения: 03.04.2015).
8. Закон Российской Федерации от 21 мая 1993 года № N 5003-1 «О таможенном тарифе» (недействующая редакция). ГКДЖ <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi;куй=вщсжифыу=ДФЦжт=122231жадв=134жвье=100007жктв=0ю9083448851555715> (дата обращения: 03.04.2015).
9. Соглашение по применению статьи VII Генерального Соглашения по Тарифам и Торговле (ГАТТ) 1994 г. URL: <http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13> (дата обращения: 10.05.2014);

10. Приказ Минэкономразвития РФ от 17 апреля 2013 г. № 211 «Об условиях допуска товаров, происходящих из иностранных государств, для целей размещения заказов на поставки товаров для нужд заказчиков» (утратил силу с 31.12.2013). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=147071> (дата обращения: 15.05.2014).

11. ФЗ от 5 апреля 2013 года № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=177655> (дата обращения: 01.04.2015 г.);

12. Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. N 1224 «Об установлении запрета и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156320> (дата обращения: 10.05.2014).

13. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 01.04.2015).

© Юсупов Р.Г., Ибрагимова А.А., 2015

УДК 342.2(470)

*Галиев Ф.Х.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Процесс формирования правовой культуры идет параллельно с развитием государственно-правового развития общества. Эта закономерность имеет непосредственное отношение и к правовой культуре правового государства. При этом правовая культура правового государства неизбежно отражает всю специфику природы данного типа государства, с одной стороны, как специфический результат развития общественных отношений и, с другой стороны, как основа для его дальнейшей позитивной динамики.

При этом особенности правовой культуры и правового государства характеризуются тем, что основываются на требованиях нормы права и направлены на обеспечение оптимальности жизнедеятельности людей и гармоничности в развитии общественных отношений с помощью соционормативного и правового регулирования.

Ключевые слова: правовая культура, правовое государство, право, законодательство, функции государства, общественные отношения, социальные нормы, правовое регулирование.

*Galiev F. Kh.,
candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory
of State and Law Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

LEGAL CULTURE IN THE LAW-GOVERNED STATE

The process of formation of legal culture goes in parallel with the development of state-legal growth of society. This conformity is directly related to legal culture of the law-governed state. In this case, legal culture of the law-governed state will inevitably reflect the nature specifics of this type of state, as a specific result of growth of social relations, on the one hand, and as the basis for its further positive dynamics, on the other hand.

In addition, peculiarities of legal culture and law-governed state are characterized by the fact that they are based on the requirements of legal standards and aimed to ensure optimum human life and harmony in the development of social relations through socio-normative and legal regulation.

Key words: legal culture, law-governed state, law, legislation, state functions, social relations, social norms, legal regulation.

Представления о правовом государстве в нашей стране сформулированы, в основном, в работах исследователей, имеющих отношение к юриспруденции. Действительно, правовое государство, как организация политической власти в обществе, функционирующая на основе права, правовых установок и принципов, и должно интересоваться правоведов. Внимание ученых-юристов к проблемам правового государства, в то же время, обусловлено и тем, что в соответствии с Конституцией РФ Россия является федеративным, демократическим, правовым государством. Интерес юридической науки к проблемам правового государства объясняется также спецификой самого понятия «правовое государство» и проблемой функциональных особенностей правового государства.

Правовое государство обычно понимается как правовая форма организации и деятельности политической власти и ее взаимоотношений с индивидами как субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина [1, с. 677]. То обстоятельство, что это правовая форма организации и деятельности государственной власти связывает правовое государство с правом как системой общеобязательных правил поведения

людей, защищенных принудительной силой государства, тесно стыкуя понятия «защита» и «принуждение» в контексте с функциональными направлениями правового государства. На наш взгляд, внесение определенности в функциональные особенности правовой культуры способствует конкретизации понятия «правовое государство». Однако проблема функциональных особенностей правовой культуры вызывает множество вопросов, порождаемых отсутствием единого понимания понятия «правовое государство» и его типологической интерпретации. Вроде бы, в принципе, нет, и не может быть государства, которое бы обходилось без правового обеспечения. Однако, понятия «бесправие», «произвол» и т.д. как раз связаны с нарушениями прав и свобод людей, поэтому нередко возникает образ государства, который не стыкуется с понятием «право». Понятие же «правовое государство» изначально подчеркивает взаимообусловленность государства и права, взаимозависимость права и государства. Правовое государство, как понятие, не является отражением специфики какого-то отдельного государства, утверждает Ф.М. Раянов. Оно в большей мере является критерием для оценки конкретных государств и, в то же время, результатом всестороннего осмысления практики организации и деятельности многих реальных государств [2, с. 49-50].

Выделяя особенности правового и не правового государств, позволяющие рассматривать правовое государство во временном и типологическом измерениях и обозначить его функциональные направления, Ф.М. Раянов различает признаки и принципы правового государства как нового и самостоятельного типа государства. В то же время, пишет он, повышение роли и значения права в общественной жизни должно привести к действительному установлению верховенства права над остальными ценностями, что взаимосвязано с существенным осмыслением не только роли и значения права в обществе, но и формированием адекватного современным требованиям правосознания. Ибо правосознание является той инстанцией, где формируемое или действующее право оценивается критически, в том числе с позиции разумности, оптимальности соотношения с нравственностью [3, с. 33-35], опираясь на весь комплекс соционормативных регуляторов. Правовая культура вбирает в себя всю специфику социальных норм, отличающихся от правовой нормы только тем, что норма права обеспечивается государственным принуждением. В остальном эти социальные нормы сходятся к одному – они регулируют общественные отношения. Поэтому правовая культура правового государства в своей основе синкретична: в ней отражаются особенности социальных норм, функционирующих в обществе, она опирается на их совокупность, и в таком составе обеспечивает правомерное поведение людей и правопорядок, которые являются основой для становления правового государства.

С.С. Алексеев писал, что методом проб и трагических ошибок, но не в меньшей мере и духовными свершениями великих гуманистов человеческая цивилизация все-таки вышла на то решающее, что способно обуздать, загнать в угол Демона власти. Это – правовое государство [4, с. 175].

Все это говорит о том, что правовая культура обладает основополагающим значением в формировании правового государства. При этом становится важным «понимание правовой культуры как специализированной сферы деятельности и рассмотрения права через призму взаимодействия с культурным традиционным порядком, самобытным национальным духом, как связь между частным и целым при анализе связи правовой сферы с традиционной основой и духовными компонентами культуры» [5, с. 37-38]. Становление правового государства представляет собой сложный процесс формирования не только единого правового поля, основанного на требованиях законодательства, но и своеобразного информационного и социокультурного пространства. Кроме установления юрисдикции, правовое государство предполагает наличие и других, не считая правового, нормативных регуляторов. Правовое государство, пишет Ф.М. Раянов, так же как и любое иное, не теряет своих возможностей создавать правовые нормы, а кое-где и санкционировать другие отдельные регуляторы, придавать им юридическую силу (обычаев, норм морали, корпоративных норм и т.д.) [6, с. 46].

Ф. Фукуяма отмечает, что в результате многовекового развития в Европе сформировались государства, осуществляющие разные функции, однако задача политиков заключается в смягчении государственной власти, в направлении ее активности в область соблюдения законности людьми, которым она служит, и в регулировании употребления власти в соответствии с законом [7, с. 12-13]. По нашему мнению, современное Российское государство является государством более правовым, чем не правовым, потому что многое в жизни людей регулируется правовыми нормами и принципами. При этом правовые принципы быстрее осваиваются населением, чем правовые нормы.

Правовые институты могут отстаивать политические права граждан и ограничивать власть элиты, отмечает В.Д. Зорькин. Но в то же время ошибки в законодательстве, слабо просчитанные социальные последствия тех или иных законов, их несогласованность с общественным мнением, культурными традициями, оторванность от реальной социально-экономической ситуации в обществе могут иметь обратный, негативный эффект для социальной справедливости в обществе и его развития [8, с. 162-163].

Это становится особо заметным в переломные моменты в жизни государства. Невозможно не согласиться с В.Е. Чиркиным в том, что природа постсоциалистического государства как нового явления современности, особенности его функционирования, политического и государствен-

ного режимов, своеобразие государственных институтов, отношений и форм, специфика его правовой системы, в том числе и сохраненные с прежних времен элементы, изучены недостаточно [9, с. 3-17]. По нашему мнению, не всегда замена старого содержания новым представляет собой катастрофу. Однако переходные периоды иногда сопровождаются отрицанием и того позитивного, выработанного прежними поколениями, и свободное пространство не наполняется необходимым содержанием, востребованным временем и людьми, не соответствует традициям и общим тенденциям развития общества.

Эта проблема обсуждается и зарубежными исследователями. Р. Харрис пишет о том, что места богослужения теряют ауру святости, потому что человек может совершать богослужение, сидя дома перед телевизором, на бывшей площадке для катания на роликах, в старой прачечной, в арендованной на утренние воскресные молитвы большой аудитории в университете. Утрачивается ощущение святости, поражающее в европейских готических храмах и соборах эпохи Возрождения, поведение в церкви перестает отличаться от поведения человека в любом другом месте [10, с. 188-189]. Кроме этого, человечеству навязывается единообразная культура, в которой доминируют западные ценности и вкусы [11, с. 91], опасной угрозой является экспанция со стороны других стран в области культуры, размывающая духовную базу российского общества. Основными причинами этой угрозы являются недостаточное осознание органами государственной власти роли духовной жизни в проведении реформ, а также неразработанность механизмов правового воздействия государства на протекающие в этой сфере процессы [12, с. 168].

На наш взгляд, этой угрозе может противодействовать многонациональная отечественная культура, не потерявшая, несмотря на катаклизмы современности, способность к дальнейшему развитию. Однако, в России пока не уделяется достаточного внимания повышению культурного уровня населения, в то же время приобщение к высокому искусству помогает людям познать жизненный опыт человечества, учит делать выбор между нравственным и безнравственным, добром и злом, прекрасным и уродливым, гармонией и дисгармонией [13, с. 128].

Власть нуждается в ценностном регуляторе, отмечает И.В. Ковалева, поскольку для того, чтобы быть действенной, она должна опираться на воспринимаемые обществом систему ценностей, религиозно-этичски-правовые принципы. Ценностным регулятором власти служит принцип правового государства, в наиболее полной мере реализующий антропоцентризм [14, с. 124].

Современное общество стремится подчинить действующим в нем социальным нормам поведение и поступки людей, в необходимых случаях обращаясь к принудительной силе государства. «Сила исходящих от

государства организационно-управленческих воздействий позволяет поддерживать общественную жизнь в равновесно-динамическом состоянии, сглаживать остроту противоположных интересов, пресекать разрушительные раздоры, тушить опасные очаги социальной энтропии. Для того, чтобы все эти усилия действительно способствовали развитию и укреплению принципов цивилизованного общежития, они должны опираться на твердые морально-правовые основания. Другое требование к верховной власти заключается в необходимости соответствия ее действий критериям общественного блага и справедливости. Несправедливые требования, идущие вразрез с интересами абсолютного большинства граждан, даже если они исходят от легитимной власти, не станут поддерживаться и исполняться с безоговорочным рвением. Напротив, они будут повсеместно встречать скрытое или явное сопротивление» [15, с. 126].

Поэтому во всех обществах и более стабильными, и более эффективными являются те образцы культуры, которые, как писал Т. Парсонс, хотя бы и с различными интерпретациями, с различными степенями конформизма, идиосинкразии, творчества, устойчивости, принимаются всеми [16, с. 444]. Сознание человека выбирает те социальные нормы, которые способствуют решению его жизненно важных проблем, а в представлениях людей о праве преломляются самые значительные явления, факты и события, связанные не только с действующим законодательством, но и с существующими в государстве правовыми ценностями и традициями, в правосознании отражаются социально-экономические условия жизни общества, соционормативные традиции и сложившийся в государстве общественный порядок.

М. Монтень отмечал, что правило правил и главнейший закон законов заключается в том, что всякий человек обязан повиноваться законам страны, в котором он живет [17, с. 110]. Однако для повиновения закону, этот закон нужно знать, и только это способствует позитивному правосознанию, защите и охране правопорядка. Зная и не нарушая законы, люди реализуют свои права и свободы, пользуются возможностями, обеспеченными государством, что становится важным фактором для становления правового государства. Гражданский кодекс Российской Федерации, предоставляя физическим и юридическим лицам свободу приобретать и осуществлять свои права, дает уточнение, что субъекты права не могут выходить за рамки закона. Гражданский кодекс РФ – это во многом новая для России идеология правомерного поведения [18, с. 133]. Правосознание позволяет субъекту правовой деятельности более осмысленно подходить к закону, к правовой системе, сложившейся в обществе [5, с. 36-37]. Массовые правовые идеалы, убеждения, оценки, поведение людей в области права формируются во многом самопроизвольно, через индивидуальную активность, через социальные взаимодействия людей в целом, кото-

рые законодательные и правоприменительные органы не в состоянии полностью поставить под свой контроль [5, с. 37]. Поэтому необходимо создать соответствующее современным правовым требованиям и специфике менталитета населения основание для того, чтобы правомерное поведение было приоритетной и предсказуемой формой поведения для всех, и, на наш взгляд, таким основанием является правовая культура общества. Когда люди перестанут мыслить категориями эгоистического насильственного мира и будут целеустремленно оперировать категориями порядка, кооперации, закономерности и закона, подчеркивал Г.В. Мальцев, значение права в жизни человека, несомненно, возрастет [19, с. 404-406].

Наши наблюдения позволяют говорить о том, что при реализации установок социальных норм люди преимущественно обращают внимание на требования разрешающего характера. По мнению Л.В. Лескова, эволюционный процесс в России может быть направлен в тупиковый путь, если за основу не будет взят примат творческого поиска, свободы, понимаемой как возможность самостоятельного выбора индивидом необходимой и допустимой с его точки зрения формы поведения или направления действий [20, с. 73-77].

Бесспорно, свобода это тогда, когда человек без всякого ущерба для себя и других может что-то делать, когда у него есть возможность выбора. Он свободен тогда, когда зависит только от своих внутренних убеждений, представлений и мировоззрения. В противном случае в нем все равно живет убежденность в том, что все это не справедливо, и он будет стараться восстановить справедливость с позиций своих собственных представлений, доступным ему путем и таким образом, на который в данный момент он способен.

История человечества до сих пор развивалась на основе культа силы, культа победителя, отмечает Ф.М. Раянов, и главное отличие между прошлым человечества и его будущим сводится к тому, что в дальнейшем страны все больше и больше должны отличаться уровнем обеспечения прав и свобод человека [21, с. 120-122]. Поэтому интерес представляют внутренние механизмы, определяющие выбор человеком модели поведения, подсказанной не только генетикой человека, но и установками морали, традиций, религии и т.д. Т. Парсонс отмечал, что существуют личности, поведение которых мотивировано потребностью найти свой собственный идеал и соответствовать ему, поэтому важно иметь адекватные понятия как о личности, так и о социальной системе, с тем, чтобы можно было анализировать эмпирические конфигурации, в которых сбалансированы интеграция и интегрированность [16, с. 443].

Если наличие правомерного поведения можно назвать интегрированностью с правовым пространством, то отсутствие всего этого служит условием для правового нигилизма. В современных условиях человеку

необходимо знать то, на что он имеет право, и это становится требованием времени. Одновременно, это и есть свобода, предполагающая специфику действий и масштабы возможностей, и для этого есть основания. Ст. 2 Конституции РФ утверждает, что человек, его права и свободы представляют собой высшую ценность. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Государство признает эти права, защищает эти права, но государство не может принуждать, кого бы то ни было, пользоваться этими правами. Все это обусловлено естественным ходом исторического развития, но зависит от желания людей жить на основе правовых законов. Вопрос о том, чтобы эти моменты прочно стали спецификой правовой культуры современного общества, будет решаться по мере становления и функционирования правового государства, ибо каково общество, такова и культура представляющих это общество людей, и соответственно, каково государство, такова и его правовая культура.

В условиях культурного кризиса, духовного упадка, писал Г.В. Мальцев, средством общественного оздоровления могут выступить новые формы сотрудничества государства и церкви, религиозного воздействия на структуры гражданского общества, сближения институтов правового и религиозного регулирования, но это связано с современным мышлением, стремлениями политических, религиозных и научных сообществ идти навстречу друг другу, руководствоваться едиными социально конструктивными целями и программами [22, с. 530-531]. Он писал о том, что необходимо приостановить процесс расхождения между нормативно-регулятивными системами и восстановить целостность соционормативной культуры общества. Восстановление единства нормативно-регулятивных систем – религии, морали и права – смогло бы стать средством оздоровления каждой из них, но проблема состоит в том, чтобы придать их развитию новую энергию, направить его на цели, соответствующие ценностям грядущей постиндустриальной эпохи [22, с. 531-532].

Целый комплекс социокультурных своеобразий: моральные, религиозные, этические нормы, традиции и обычаи, обрядовая и ритуальная культура оказывают влияние на правовую культуру людей, на их сознание и поведение, потому что специфика правового государства и функциональные особенности правовой культуры представляющего такое государство общества взаимообусловлены и взаимозависимы.

Пристайный библиографический список

1. Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН, доктора юрид. наук., проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Издательство НОРМА-ИНФРА-М, 2001.
2. Раянов Ф.М., Гарданов А.Ш. Размышления о государстве. – Уфа: Башнистрой, 1994.

3. Райнов Ф.М. Теория правового государства: проблемы модернизации. – Уфа: Гилем, 2010.
4. Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. – М.: Юрист, 1997.
5. Право и культура: монография / Под общ. ред. В.К. Егорова, Ю.А. Тихомирова, О.Н. Астафьевой. – М.: Изд-во РАГС, 2009.
6. Райнов Ф.М. Матрица правового государства и наша юридическая наука // Государство и право. 2006. № 8.
7. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: (пер. с англ.) – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
8. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. – М.: Норма, 2008.
9. Чиркин В.Е. Постсоциалистические государства XXI века // Журнал российского права. 2008. № 5.
10. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
11. Добренъков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. – М.: ИНФРА-М, 2006.
12. Ранних А.А. Миллениум и безопасность дипломатической службы // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. МИМО МИД России (23-24 мая 2000 г.) – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
13. Гасратян К. Проблемы развития сферы культуры в России // Вопросы экономики. 2003. № 10.
14. Ковалева И.В. Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX – начала XX веков. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2002.
15. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики, и безопасности жизнедеятельности. – Фонд «Университет», 2005.
16. Парсонс Т. О структуре социального действия. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002.
17. Монтень М. Опыты: В 2 т. Т. 1. Кн. 1,2 / Пер. с фр. – М.: ТЕРРА, 1996.
18. Строев Е.С. Самоопределение России и глобальная модернизация. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2001.
19. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.: Прометей, 1999.
20. Лесков Л.В. Знание и власть. Синергетическая кратология. Серия «Информация и Социум». – М.: СИНТЕГ, 2001.
21. Райнов Ф.М. Государственно-правовые «болезни»: исторический диагноз. Научно-популярное издание. – Уфа: НИИПП, 2005.
22. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – М.: Изд-во СГУ, 2008.

© Галиев Ф.Х., 2015

*Азнагулова Г.М.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
заместитель директора Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В работе автором рассматривается сущность процессов глобализации и их влияние на развитие правового государства и формирование современной правовой политики национального государства. Выделены характерные свойства глобализации, нашедшие отражение, в том числе и в правовой жизни. Особое внимание уделяется основным направлениям воздействия глобализации на развитие принципов правового государства и его теории, проблемам универсализации права в условиях глобализации. Отмечены проблемы соотношения глобализации и государственного суверенитета, обсуждаются направления развития правовой системы России в современных условиях. Сделан вывод о том, что национальное государство, как социально-политический институт общества, будучи призванным выражать волю членов этого общества, главным приоритетом должно иметь защиту национальных интересов на международной арене и направлять усилия на укрепление государственного суверенитета, выполняя в безусловном порядке общепризнанные принципы и нормы международного права.

Ключевые слова: право, правовое государство, глобализация, правовая политика, национальное государство, государственный суверенитет, интеграция, унификация, неолиберализм, международное право, межгосударственные отношения.

*Aznagulova G.M.,
PhD, Associate Professor of the Theory and History of State and Law,
Deputy Director of the Institute of Law BSU,
Ufa, Russia*

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL THE STATE IN MODERN CONDITIONS

The essence of the globalisation processes and their influence on the modern legal policy of a national state. The characteristic features of the globalisation that were reflected in the legal life are singled out. Special attention is paid

to the main direction of globalisation's influence on the law development and its theory, to the issues of law universalisation in the context of globalisation. The problems of correlation of globalisation and state sovereignty are singled out and possible directions of Russian legal system development under the present-day conditions are discussed. A conclusion is made that the a national state as a social and political institution of the society, being expected to express the will of the society's members, should prioritise the defence of national interests on the international stage and aim efforts at state sovereignty reinforcement, at the same time performing unconditionally the generally accepted principles and norms of the international law.

Key words: law, globalisation, legal policy, national state, state sovereignty, integration, unification, neoliberalism, international law, inter-state relations.

Определение в ст. 1 гл. 1 Конституции Российской Федерации нашего государства как правового поставило его в один ряд со многими современными развитыми государствами и одновременно вызвало множество споров относительно того, что такое правовое государство вообще. Тем не менее, в обобщенном виде правовое государство воспринимается как правовая форма организации и деятельности публично-политической власти и ее взаимоотношений с индивидами как субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина [1, с. 677]. Подчеркивание в данном определении понятия «правовое государство» того, что это определенная форма организации и деятельности власти, говорит о том, что правовое государство – это такая же организация политической власти, как и все иные государства. Но, в отличие от неправовых государств, это именно правовая форма организации и деятельности государственной власти.

В то же время, следует отметить, что в последние годы остро встает вопрос о тенденциях развития правового государства, влиянии глобализационных процессов на национальное государство. Глобализация, как процесс сближения национальных государств, их унификации в различных сферах, имеет свои особенности, отличающие ее от других форм взаимодействия различных культур. Эти особенности заключаются в осознании единства, которое должно стать результатом взаимодействия в понимании необходимости совместного сосуществования [2, с. 262]. Потому говорить о единстве можно тогда, когда каждый осознает свое место и роль в этой системе. Как известно, диалектическое понимание процессов природы и общества [3, с. 458] предполагает, прежде всего, выявление главных свойств (признаков) этих процессов [4, с. 358]. Следует отметить, что глобализации характерны следующие свойства: стирание граней между внутренней и внешней политикой государства, экономикой; изменение положения государства в политической системе общества; интернационализация и тесное взаимодействие стран и цивилизаций; рост чис-

ла негосударственных субъектов; ее скоростной характер, то есть неотъемлемой частью этого процесса является быстрое изменение существующих в мире явлений, что обуславливает рост технологий, скорость передачи информации [5]; интернационализация права; унификация и стандартизация правовой жизни; создание транснационального правопорядка и др. [6, с. 277].

Глобализация требует для своего обеспечения выработку единых правовых норм, процедур, стандартов. Именно единство права является той основой, без которой немислима и глобализация. С теоретической точки зрения основой правовой глобализации должно быть интегральное правопонимание, в рамках которого права имеет два уровня. Первый – его можно назвать статическим, характеризует основополагающее начало права, универсальным и неизменным по своей сути; второй – это динамичная часть, которая без значительного ущерба для основополагающего начала может изменяться в соответствии духу времени и пространства. Подобным образом интегральный подход на теоретическом уровне создает единое, универсальное право, которое бы стало основой интеграции различных народов в области права.

Под интеграцией права мы можем понимать объективный процесс, направленный на унификацию правовых систем различных стран, выработку системы единых наднациональных норм, стандартов в соответствии со складывающимися общественными отношениями в мире с учетом национальных интересов отдельных государств. При существовании этой системы не отрицается функционирование и национальных подсистем права, не противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права.

Мировое сообщество в настоящее время переживает сложные времена. Основными действующими лицами на международной арене выступают национальные государства, которые определяют собственную внутреннюю политику. Правопорядок страны является ее важнейшей характеристикой. В то же время усиление интеграционных процессов ведет к необходимости ответов на вопросы настоящего и будущего, и, в особенности, по поводу взаимодействия правовых систем. «После окончания холодной войны начала складываться многополярная мировая система», отмечает академик Е.М. Примаков, закономерность становления этой мировой системы он видит в неравномерности развития различных государств [7, с. 157].

Происходящая в современном мире глобализация отражает усиление взаимозависимости государств в различных сферах. Это наглядно было выражено еще в документах Международной конференции об охране окружающей природной среды в Рио-де-Жанейро (1992) и Конференции стран об устойчивом развитии в Йоханнесбурге (2002). Современные по-

литологи и журналисты говорят о кризисе национального государства, подчеркивая его неспособность собственными силами поддерживать в обществе «экономический, экологический, гражданский и даже духовный порядок» [8] в условиях протекания процессов глобализации. Но правоведы подвергают сомнению данные утверждения, доказывая обратное [9, с. 56; 10, с. 5-9; 11, с. 41-52; 12, с. 125-143]. Действительно, события в мире и в России последних десятилетий однозначно доказывают, что мысли об упадке современного национального государства и права, основанные на постулатах либеральной (неолиберальной) концепции глобализации, не согласуясь с реальной действительностью, оказались преждевременными и не выдерживают серьезной критики. Процессы, связанные с глобализацией, не должны и не могут полностью «стирать» национально - государственные различия, делать единственной доминантой «капитализацию» и ослаблять социальные аспекты развития. В этих условиях доктринальные попытки обосновать произвол и анархический подход к взаимодействию с другими существующими в мире национальными правовыми системами способны не просто расшатывать международный правопорядок, но и приносить вред делу всеобщего мира.

В условиях создавшегося однополярного мира вопреки общепризнанным принципам и нормам международного права стало возможным силовое внедрение различных правовых институтов. Речь идет о приверженности США принципу унилатеральных действий в международных делах, «Соединенные Штаты превратились в самое большое препятствие на пути установления верховенства закона в международных отношениях. ... В сфере международных отношений они щеголяют своей силой как никакая другая страна» [13, с. 424]. Но возможность гегемонии США представляется не абсолютной - сетевые террористические сообщества моментально среагировали на введение 20 марта 2003 г. войск США и их союзников в Ирак.

Действия американских войск не только отвратили союзников от дальнейшего дислоцирования войск в Ираке, но и ухудшили как экономическое, так и политическое положение Штатов, привели к осложнению международной обстановки, поскольку вследствие этой войны стали разрастаться террористические сети в Азии, Африке, Латинской Америке. Разумеется, эти события не являются проявлением правовой глобализации, а скорее могут быть охарактеризованы понятием «экспансия», представляющей многоплановое по своему содержанию явление, охватывающее политические, экономические и гуманитарные сферы, ведущее к сужению суверенитета национального государства и создающее на этой основе условия для международных корпораций накапливать свою экономическую мощь, пользуясь беспомощностью и слабостью стран пребывания. Для характеристики профессор Ю.А. Тихомиров использует

понятия «двухмерной» и «трехмерной» глобализации. Первая характеризуется построением на основе силы, вторая характеризуется интеграцией, которая может вылиться в авторитарные формы управления, речь идет как раз о сдержанной гегемонии США [14, с. 71-73].

Построение единой правовой системы – это тот путь, по которому должны идти субъекты глобализации, потому что он основывается на признании каждого субъекта глобализации. Однако его реализация довольно проблематична, что обуславливается несколькими факторами. Существует разнообразие права (как в теоретическом, так и в практическом аспектах), которое предполагается унифицировать. Каждый субъект глобализации имеет свое правовое пространство. Государства имеют законодательства, распространяющиеся на их территорию. Корпорации распространяют свои нормы на уровне либо данной корпорации, либо и на уровне других корпораций, в последнем случае должна быть договоренность между этими субъектами, при этом корпорации подчиняются частично законодательству материнской страны, частично – страны пребывания. Закрытые клубы создают свои надгосударственные нормы, при этом страны - участники должны привести свое национальное законодательство в соответствии с этими нормами. Сети, как правило, не имеют своего самостоятельного и официального законодательства. Однако они распространяют свои правовые нормы на охваченную ими территорию, при этом для них не представляется обязательным соотносить свои нормы с нормами, уже существующими на этих территориях. Сложившиеся при пересечении пространств пласты правовых отношений уже вошли в сознание людей, поэтому унификация должна проходить с их учетом.

Таким образом, необходимо найти ту ось, вокруг которой можно будет наращивать нормы права и которая сможет гибко соотноситься с законодательствами других стран. Однако результат этого процесса должен быть единым и полностью согласованным, чего крайне тяжело добиться. Так С.М. Шахрай замечает, что «история принятия международных документов по правам человека показывает, что, несмотря на их в целом общедемократический характер, они содержат в себе разнокачественные по своему политическому и социально-экономическому содержанию формулировки» [15, с. 75]. При этом следует иметь в виду, что основой этой разработки должно быть соответствующее интегральное правопонимание, хотя бы частично вошедшее в сознание людей, на которых будет возложена эта обязанность, следовательно, теория и практика должны динамично и глубоко взаимодействовать друг с другом. С точки зрения практики стоит указать еще одну очень важную особенность – следование субъектов права совместно принятым решениям, а также неприменение ими военных действий для насильственного нарушения суверенитета страны под гуманистическими предложениями.

Можем утверждать, что процесс глобализации будет длительным и сложным. При этом мы считаем, что ее не следует понимать упрощенно, как означающую стандартизацию национального права различных государств. Такое понимание весьма распространено среди западных политиков и ученых, полагающих, что правовые системы всех стран будут перестраиваться по западному образцу. Документы ООН подчеркивают значение сохранения многообразия цивилизаций. В Декларации тысячелетия ООН говорится: «Различия внутри обществ и между ними не должны ни вызывать опасений, ни подавляться, они должны оберегаться как ценный вклад в человеческую цивилизацию. Культуру мира и диалог между всеми цивилизациями следует активно поддерживать». Согласимся с тезисом о том, что «проблема нынешнего международного права, этики и культуры, в частности прав человека, заключается в том, что они все еще односторонне ориентированы только на западную этику, «золотой миллиард». Это обстоятельство является источником нескончаемого взаимонепонимания и, без сомнений, требует коррекции» [16, с. 25-26]. Прежде всего, когда речь идет об использовании достижений других стран, будь это в материальной или в духовной сферах, уместно опираться на известное положение члена-корреспондента РАН, профессора Д.А. Керимова о том, что «использование мирового цивилизационного опыта нам полезно и необходимо – но только использование всего лучшего, прогрессивного с точки зрения национальной самобытности страны. ... И лишь в этом случае может быть заложен фундамент, который станет для постоянно растущего правосознания народа, развития правового законодательства, укрепления законности, установления стабильного правопорядка» [17, с. 555]. Речь идет о создании такой глобальной правовой системы, которая обеспечила бы нормальное функционирование, как взаимосвязанных национальных обществ, так и мирового порядка, способного создать условия для решения глобальных проблем. Она будет опираться на принципы демократии, общепризнанные права человека и верховенство права. Это подчеркивается и упомянутой Декларацией ООН: "Мы не пожалеем усилий для поддержки демократии и верховенства права, а также уважения международно-признанных прав человека и основных свобод, включая право на развитие". В то же время многими авторитетными авторами отмечается «проблематичность совместимости в едином мировом сообществе и государстве таких труднос совместимых между собой цивилизаций и их носителей, как западная и восточная, как мусульманское и иудейское мировоззрение и миропонимание и др.» [9, с. 56].

О справедливости данного утверждения можем убедиться, рассматривая различные стороны социальной жизни современной России. Обратимся к некоторым проблемам и состоянию системы образования России в глобализирующемся мире. Образование как непрерывный процесс пе-

редачи знаний, накопленный всем ходом исторического развития человечества, с одной стороны, и одновременно как получение новых знаний о сущности развития природы и общества (социума) выступает главенствующим фактором успешного развития самого общества, укрепления институтов гражданского общества и основополагающих принципов демократии.

Идеи глобализма нашли весьма широкое распространение и в образовательной среде России. С начала 90-х гг. прошлого столетия были распространены попытки механического переноса в образовательное пространство страны американских форм и методов организации учебных процессов. Но кардинальные различия этих систем не позволили им реализоваться. В целях вступления в единое европейское пространство высшего образования в сентябре 2003 г. Россия присоединилась к Болонскому процессу. Несмотря на то, что некоторые идеи Болонской декларации в целом не отвергаются образовательным сообществом и отдельные его положения нашли отражение в российской образовательной среде, трудно утверждать, что они осуществлены полностью на практике ибо как уместно отмечено профессором Г.В. Мальцевым «участь стран, присоединившихся к существующим движениям, организациям и соглашениям совсем иная; они вступают в «игру» на чужих условиях, которым обязаны подчиняться. Большая часть их усилий уходит на адаптацию, приспособление к требованиям, которые не ими выработаны и изначально не на них, скорее всего, не рассчитаны» [18, с. 71-78].

Таким образом, проведенное рассмотрение показывает, что глобализация является объективным процессом развития межгосударственных отношений, ведущим фактором которого стали экономические и финансовые механизмы, приводящие к определенному ограничению государственного суверенитета вовлеченных в этот процесс национальных государств [9, с. 28-45], но она отнюдь не стирает особенности отдельных национальных государственных образований и права, хотя в то же время с потерей некоторых функций государство приобретает новые функции в складывающемся новом мировом порядке.

Государство как социально-политический институт общества, будучи призванным выражать волю членов этого общества, главным приоритетом должно иметь защиту национальных интересов на международной арене и направлять усилия на укрепление государственного суверенитета, на выполнение в безусловном порядке общепризнанных принципов и норм международного права. Только в этом случае государство будет считаться правовым.

«Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме, – отмечает В.В. Путин. – Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической

принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [19].

Таким образом, проблемы становления и совершенствования правового государства связаны не только с возникновением тех или иных государственно-правовых институтов и принципов их функционирования в социально неоднородном обществе. Настоящее и будущее правового государства непосредственно зависит от понимания и восприятия права общественным сознанием, каждым из субъектов права. Соответственно, у каждого из них свое собственное представление о добре и зле, справедливом и несправедливом, на основе чего формируются понимание и восприятие современных общечеловеческих ценностей, служащих, прежде всего, созданию оптимальных условий жизни общества.

Пристатейный библиографический список

1. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов /Под общ. ред. академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Издательство НОРМА-ИНФРА-М, 2001.
2. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: СПАРК, 2000.
3. Философия : учебник / Под общ. ред. В.В. Миронова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
4. Философия: учебник / А.Г. Спиркин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011.
5. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6.
6. Теория государства и права: учебное пособие / Н.М. Чистяков. – М.: КНОРУС, 2014.
7. Примаков Е.М. Мысли вслух // Российская газета. 2011. 24 июня.
8. Dunn J. introduction: Crisis of the Nation State? // Political Studies. 1994. Vol.42. Special issue. Contemporary crisis of the Nation State?
9. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2009.
10. Осьмова М.В. Государство в эпоху глобализации // Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства / Под ред. М.В. Кулакова. М., 2001.
11. Андреев А.Л. Современная Россия в неустойчивом мире: объективные реалии в зеркале массового сознания // Философия хозяйства. 2002. № 2 (20).
12. Дубянская Г.Ю. Глобализация и развитие как императивы XXI в. и шансы России // Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства.
13. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. Пер. с англ. – М.: Некоммерческий Фонд «Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001.

14. Глобализация и развитие законодательства: Очерки / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004.
15. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты. – СПб: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2004.
16. Яновский Р. Глобальные изменения и социальная безопасность. – М.: Academia, 1999.
17. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – 2 изд. – М.: Аванта, 2001.
18. Мальцев Г.В. Реформа юридического образования и Болонский процесс // Право и образование. 2006. № 6.
19. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

© Азнагулова Г.М., 2015

УДК 349

***Аминов И.Р.,**
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В данной статье обращается внимание на роль органов местного самоуправления в решении этнических конфликтов и поддержания этнополитической стабильности в современной России. Стратегия государственной национальной политики и совершенствование федерального законодательства о местном самоуправлении и роли органов местного самоуправления в решении этнических конфликтов является важнейшими, предопределившими основные направления государственной национальной политики и государственного строительства страны на ближайшие годы.

Ключевые слова: культура, язык, национальная политика, религия, органы местного самоуправления, этнические и национальные меньшинства, межэтнический конфликт.

*Amines I.R.,
PhD, assistant professor of public law
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

THE ROLE OF THE LOCAL GOVERNMENT BODIES IN ETHNIC CONFLICTS SETTLEMENT

The role of local government bodies in ethnic conflicts settlement and maintenance of ethno-political stability in present-day Russia is reviewed in the article. The strategy of state ethnic policy and improvement of the federal legislation on local government and local government bodies' role in the settlement of ethnic conflicts are the main issues that predetermined the main trends of state national policy and nation-building of Russia for the following year.

Key words: culture, language, national policy, religion, local government, ethnic and national minorities, ethnic conflict.

Наша страна является многонациональным и многоконфессиональным государством. К сожалению, за последние несколько лет в СМИ все чаще и чаще начали появляться репортажи и статьи, посвященные конфликтам на национальной или религиозной почве, от мелкого хулиганства до групповых убийств. Возникновение этих конфликтов связано с такими факторами, как высокий рост трудовой миграции; недостаточная социальная и культурная адаптация мигрантов; проблемы общего правового нигилизма среди граждан не только России, но и других государств. В связи с этим очень остро встает вопрос о грамотной национальной политике [3].

Курс государственной политики сегодня определен принятым 19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее - Указ № 1666, Стратегия) [2]. Именно в согласии с ним и, руководствуясь его принципами и идеями, развивается законодательство в сфере национальной политики. Указ закрепляет принцип, согласно которому «Эффективность реализации государственной национальной политики Российской Федерации обеспечивается непрерывной и согласованной деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления, институтов гражданского общества с комплексным использованием политических, правовых, организационных, социально-экономических, информационных и иных мер, разработанных в соответствии с настоящей Стратегией».

Необходимо отметить, что достаточно долгое время, в случае возникновения конфликтов, носящих религиозный или межэтнический характер, местные органы самоуправления отказывались самостоятельно

решать эту проблему, и вопрос передавался для разбирательства в федеральный центр. Однако, в связи с вступлением в силу Федерального закона № 284-ФЗ от 22 октября 2013, вносящего изменения в № 131-ФЗ, полномочия органов местного самоуправления расширены [1].

Данное положение – новелла российского законодательства о местном самоуправлении. До 2013 года органы местного самоуправления принимали участие в реализации федеральных и региональных программ культурного развития малочисленных народов. Поправки в закон о местном самоуправлении ввели это правило в качестве общеобязательного, а также способствовали укреплению значимости органов местного самоуправления в формировании обстановки, препятствующей возникновению межэтнических конфликтов. Так, теперь к числу вопросов местного значения поселений, муниципального района и городского округа прибавились не только укрепление межнационального согласия, сохранение культуры народов, но и создание условий для реализации мер по их укреплению, а также профилактика межэтнических конфликтов (п. 7.2 ч. 1 ст. 14, п. 6.2, ч. 1 ст. 15, п. 7.2. ч. 1 ст. 16 № 131-ФЗ). Учитывая, сколь велика роль органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения, изменения в законодательстве носят позитивный характер. Учитывая нововведения в 131-ФЗ и отсутствие подобных полномочий ранее, а, следовательно, и опыта в их решении, важно сохранение контроля федерального центра, выражающегося в отчетности органов местного самоуправления органам государственной власти, а также в их взаимодействии.

Стратегия также указывает на меры, которые могут быть приняты органами местного самоуправления для решения межэтнических конфликтов и их предупреждения, в числе таких мер - создание муниципальных целевых программ, внесение предложений в указанную Стратегию, привлечение средств массовой информации для реализации стратегии. Кроме того, Президентом России, а также главами субъектов РФ, в том числе и Президентом Башкортостана 2014 год объявлен годом культуры. Принятие таких указов – отражение реализации стратегии и акцентирования внимания на таком важном вопросе в многонациональной России. В рамках указов провозглашается организация мер по укреплению культуры народов и языков национальных меньшинств [4].

Но нельзя не отметить изменения, внесенные в статью 74.1 Закона о местном самоуправлении федеральным законом № 284-ФЗ. Закреплено дополнительное основание удаления в отставку главы муниципального образования – допущение им и подотчетным ему органами нарушения прав человека, в частности – права на равенство в зависимости от расы, национальности, языка, отношения к религии и т.п., а также ограничения прав и дискриминации по указанным признакам, «если это повлекло» нарушение межнационального согласия и способствовало возникновению межэтниче-

ских конфликтов (п. 5 ч. 1 ст. 74.1 ФЗ-131). Однако нельзя согласиться с законодателем в данном случае, так как недопустимо обуславливать ответственность за нарушение прав человека возникновением соответствующего конфликта. На наш взгляд, такая формулировка основания ответственности косвенно допускает игнорирование нарушения прав человека до тех пор, пока на этой почве не возник соответствующий конфликт [5].

Подводя итог, стоит еще раз отметить преимущественно положительную роль изменений в закон о местном самоуправлении. В любом многонациональном государстве вопрос защиты этнических и национальных меньшинств должен вставать на передний план, в том числе как инструмент эффективной политики по укреплению единства многонационального народа [6]. Тем не менее, реализация программ по укреплению межнационального согласия – задача, приоритетная для всего государства, поэтому однозначно утверждать о том, что роль органов местного самоуправления, выше, чем федеральных или региональных нельзя. Однако, именно органы местного самоуправления, способствуя укреплению межнациональных отношений, создают основу для реализации одной из наиболее важных для России политик – равенства всех людей вне зависимости от каких – либо признаков. Приоритет такой политики, всеобщее единение народов, искоренение межэтнических конфликтов на корню, способны сохранять государственное единство, гражданский мир и согласие в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 22.10.2013 № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» // «Российская газета», № 239. Выпуск от 24.10.2013.
2. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
3. Аминов И.Р. Государственная национальная политика как способ поддержания этнополитической стабильности в современной России // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 4 (38).
4. Аминов И. Р. Этнополитические основания региональных конфликтов в современной России: Теоретико- методологический аспект // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32).
5. Аминов И.Р. Модели мирного урегулирования этнополитических конфликтов: поиск альтернатив // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 9 (75).
6. Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Регион в системе обеспечения национальной целостности и безопасности России: дезинтеграционный потенциал // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. №2 (25).

© Аминов И.Р., 2015

*Ахмадуллин А.С.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

**ИДЕОЛОГИЯ «ХИЗБ УТ-ТАХРИР АЛЬ-ИСЛАМИ» – УГРОЗА
ОСНОВАМ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

В статье раскрываются причины отнесения «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» к числу террористических организаций в России, показана ее преступная сущность.

Идеология «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» - это идеология терроризма, представляющая опасность для конституционного строя России, ее целостности и безопасности. По этой причине Верховным Судом Российской Федерации организация признана террористической с запретом ее деятельности.

Ключевые слова: ислам, экстремизм, террористическая организация, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

*Akhmadullin A.S.,
PhD, Associate Professor of Criminal Law
and Procedure Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

**IDEOLOGY OF HIZB UT-TAHRIR – THREAT TO THE
FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER
AND SECURITY OF RUSSIA**

In the article the reasons of Hizb ut-Tahrir referring to the number of the terrorist organization in the Russian Federation are revealed, shows its criminal essence.

The ideology of "Hizb ut-Tahrir" - is the ideology of terrorism, which represents a danger to the constitutional order of Russia, its integrity and security. For this reason, the Supreme Court of the Russian Federation, declared a terrorist organization with the prohibition of its activities.

Key words: Islam, extremism, terrorist organization, Hizb Ut-Tahrir.

ИДЕОЛОГИЯ «ХИЗБ УТ-ТАХРИР АЛЬ-ИСЛАМИ» – УГРОЗА ОСНОВАМ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. удовлетворено заявление Генерального прокурора РФ о признании террористическими 15 организаций с запрещением их деятельности на территории России.

Из них в Республике Башкортостан наибольшую опасность, пожалуй, представляют законспирированные ячейки «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», регулярно выявляющиеся правоохранительными органами в последние годы [1, с. 35]: в 2013 году в республике зарегистрировано 5 преступлений, в 2014 году - 4.

Вместе с тем, организация заявляет, что ее принципиальной позицией является отказ от насильственных методов борьбы за власть, отказ от ведения военных действий [2, с. 2-3]. Члены организации могут утверждать, что они желают мира и справедливости, а не насилия [3].

Возникает вопрос, почему тогда она признана террористической? Ответ на него представляется важным в целях уяснения преступной сущности организации, противодействия ее пособникам и предупреждения ее деятельности.

Обратимся к упомянутому решению Верховного суда России. Из описательно-мотивировочной части следует, что «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» - организация, которая имеет целью устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания Всемирного исламского халифата, первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ. Основные формы деятельности: воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям; активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество (прежде всего, пропагандистская с мощным финансовым подкреплением). К сожалению, других обоснований своего решения суд не привел, сделав вывод, что деятельность «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» является террористической, поскольку содержит признаки таковой, указанные в ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Проведенный автором анализ деятельности «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» показал, что в отличие от других явно террористических организаций эта не призывает к немедленным насильственным действиям и террору. Согласно следственной и судебной практике по Республике Башкортостан за 2007-2014 годы создание ячеек данной организации и участие в них не связаны с совершением иных преступлений, тем более террористического характера.

Распространяемые пособниками «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» идеи могут оказаться для кого-то даже привлекательными. Организация принимает в свои ряды, как мужчин, так и женщин, шиитов и суннитов, представителей любых конфессий, а также течений в исламе (масхабов). Кого-то может привлечь дух братства (принятое обращение среди членов организации – брат, а также по мусульманским именам) или здоровый образ жизни членов организации (запрещено употребление табака, наркотиков и алкоголя). Организация критикует и призывает к устранению негативных явлений современного общества (рост преступности, безработицу, коррупцию и т.д.), умело использует в своих целях идеи социальной справедливости, заложенные в исламе[4, с. 6-7]. Кроме того, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», на первый взгляд, явно антиамериканская организация, что также может вызвать симпатию у определенных слоев населения в России.

Между тем, проведенный анализ печатных и электронных публикаций организации показал, что демократическая риторика ее пособников является ничем иным, как маскировкой. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» ставит перед собой цель, достичь которую в принципе невозможно без межконфессиональной и межэтнической конфронтации, вражды, раскола гражданского общества и массового насилия. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» основана шейхом Такиуддином ан-Набхани в 1953 году в пригороде Восточного Иерусалима Бейт аль-Макдисе, находившемся под протекторатом Иордании. Организация заявляет, что берет пример с пророка Мухаммада. Ее целью является возрождение исламского образа жизни, к которому призывал пророк, путем воссоздания исламского государства халифат. Ее метод в достижении поставленной цели является Его методом, который Он использовал при создании первого исламского государства и состоит из трех этапов.

Первый этап: распространение идей организации среди небольшого круга людей. На этом этапе происходит создание ячеек организации из людей, верящих в ее цель и методы. Осуществляется просвещение членов ячеек и углубленное изучение ими ислама. Внутри ячеек формируются исламские образ мышления и настроения чувств, исламская личность каждого ее члена. Деятельность на первом этапе осуществляется тайно, поэтому она получила название скрытого призыва. После того, как Мухаммаду в 610 г. в ночь аль-Кадер (ночь божественного веления) месяца Рамадан в пещере на горе Хира близ города Мекки явился архангел Джабраил (библ. Гавриил – прим. автора) с повелениями Бога, Мухаммад рассказал об этом сначала только своим ближайшим родственникам и друзьям. Божественное откровение и пророческий дар Мухаммада хранились в тайне от поклонявшейся идолам власти курейшитов. Собрания немногочисленной ячейки проходили тайно в пещерах или в жилище од-

ного из членов ячейки [5, с. 45]. После трех лет тайного призыва к исламскому образу жизни, пророку Мухаммаду явилось новое видение, повелевшее ему открыто начать проповедовать религию, посланную Богом. Мухаммад созывает открытое собрание и объявляет о том, что является пророком Бога и несет людям истинную веру [6, с. 47-48].

Поэтому второй этап: выход ячеек из тени. Означает начало их взаимодействия с обществом, воздействие ячеек на общество с тем, чтобы идеи партии стали идеей всего общества. Исламское сплочение и привлечение на свою сторону людей, обладающих властными полномочиями. Осуществляется открыто, поэтому получило название открытого призыва. Ячейки должны начать осуждать порочные поступки людей, отошедших от ислама, бросать им вызов, разъяснять им истинность ислама, сущность призыва к его возрождению. Ячейки должны таким образом стать частью общества, а само общество - мусульманским.

Третьим этапом является принятие власти или его захват от общества, либо от людей, обладающих властью [7, с. 5]. Затем создается новое правительство, ислам внедряется в целом и комплексно в качестве основы государства, устанавливается новая форма правления халифат, начинается миссия донесения исламского призыва до остального мира, в том числе, вооруженным путем [8]. По мнению «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» халифат, возглавляемый халифом – представителем Бога на земле, является единственно верной формой государственного правления. Полностью применяя только шариат, обеспечивается главенство Бога и правильный (т.е. справедливый) уклад жизни.

Особый взгляд организация имеет в отношении арабского языка. Причину упадка исламского общества ан-Набхани видел в том, что с начала XIII века началось ослабление сознания мусульман, которое стало следствием пренебрежения ими арабским языком при осмыслении и исполнении ислама. По мнению основоположника организации при игнорировании арабского языка становится невозможным совершать деятельность по изучению и решению вопросов ислама, интерпретированию и комментированию Корана и других богословско-правовых источников (ижтихад). Вместе с тем, иджтихад необходим для исламского общества потому, что без него невозможно его развитие [9, с. 3]. Согласно ст. 8 проекта Конституции Исламского государства [10] арабский язык является единственным языком ислама и единственным языком, который использует халифат.

Ислам из совокупности теоретических знаний должен стать прикладным и реально решать все жизненные проблемы. Все события в жизни должны подчиняться нормам мусульманского права. Обучение исламу должно стать таким, чтобы он влиял на чувства мусульман и устрашал их наказанием Аллаха и Его гневом, чтобы мусульманин, в результате изу-

чения аятов Аллаха и метода их обучения, при соединении его чувств с его разумом стал влияющей силой [11, с. 7].

«Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» запрещает любую идеологию, отличную от ислама. Согласно ст. 21 проекта Конституции Исламского государства, когда мусульмане учреждают группы, они должны быть созданы только на основе ислама, исламской идеи и его методах. Между тем, в Коране сказано: «Не разрешил в религии Он (Бог – прим. автора) принуждения...» [12, Сура 4, аят 256] «Скажите вы: «Мы веруем в Аллаха, и в Откровение (Коран – прим. автора), ниспосланное нам, и Ибрахиму (библ. Авраам – прим. автора), Исмаилу, Исхаку и Йакубу (библ. Иаков – прим. автора), и всем двенадцати израильским коленам; и в то, что Мусе (библ. Моисей – прим. автора) (Бог) послал, и в то, что даровал Он Исе (библ. Иисус – прим. автора) и что другим пророкам снизошло, - меж ними мы не делаем различий...» [12, Сура 2, аят 136] «Это единство и древность ислама, как религии Авраама, Моисея и Иисуса, заставляют Мухаммеда осуждать всякую религиозную исключительность и требовать одинакового признания всех исторически различных проявлений этой единственно истинной религии» [13, с. 567].

Организация борется против существующих форм правления и государственных устройств, вне зависимости от того, исламскими они являются или нет [14, с. 63]. Следует отметить, что это также противоречит Корану, предписывающему подчиняться законным органам власти и должностным лицам: «О вы, кто верует! Аллаху повинуйтесь и посланнику Его, а также тем из вас, кто властью наделен» [12, Сура 4, аят 59].

Наконец, по мнению «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», свобода и демократия совершенно противоречат исламу [15, с. 6]. Культивируя исламскую идентичность, не видя различий между политикой и религией, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» пытается объединить весь исламский мир, несмотря на его различия, всех мусульман, а не только мусульман одной страны, в глобальную организацию политической власти, что, несомненно, опасно и может привести к насилию.

Важным составляющими идеологии рассматриваемой организации является свое представление о джихаде как о наступательной войне. Джихад - это война со всеми кто стоит препятствием на пути распространения исламского призыва, будь они агрессорами или нет. Другими словами джихад - это устранение препятствий на пути распространения призыва к исламу, или говоря иначе - это призыв к исламу и сражение на этом пути, то есть на пути Аллаха [16, с. 8-9].

Объяснение понятия джихада как оборонительной войны организация считает искажением его истинного значения. Согласно ст. 56 проекта Конституции Исламского государства джихад, в том виде, в котором его понимает «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», является обязанностью мусуль-

ман. Каждый мусульманин мужчина, достигший пятнадцати лет, обязан пройти военную подготовку и быть готовым именно к такому джихаду.

Вместе с тем, слово «джихад» в переводе с арабского языка означает «усердие, внутреннее усилие, борьба, сопровождаемая терпением против того, что запретил Аллах». В исламе принято различать «джихад сердца» (борьба со своими дурными наклонностями и недостатками), «джихад языка» (разрешение одобряемого и запрещение порицаемого), «джихад руки» (применение наказаний к нарушителям норм морали, правонарушителям и преступникам) и, наконец, «джихад меча» (вооруженная борьба с противниками ислама) [17, с. 6-8].

Традиционным считается, что «джихад меча» применяется, когда исчерпаны другие возможности или, когда совершено нападение на мусульман и ислам. «Сражайся за Господне дело лишь с тем, кто борется с тобой, дозволенного грань не преступай... Борьбу ведите с ними до того мгновения, пока не будет больше угнетения... когда же враг ваш прекратит борьбу, оружие сложите...» [12, Сура 2, аят 190, 193].

Пункт 3 статьи 184 проекта конституции Исламского государства прямо нам враждебен и гласит: «...те государства, которые вынашивают коварные замыслы по отношению к нашему государству (халифату – прим. автора), такие как Россия, рассматриваются как потенциально находящиеся в состоянии войны с нами. По отношению к таким государствам должны быть приняты все меры предосторожности, и недопустимо устанавливать с ними какие-либо дипломатические отношения».

Таким образом, цель и методы «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» противоречат ст. ст. 1, 4, 13, 14 и 68 Конституции Российской Федерации. Россия - демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, распространяющая суверенитет на своей территории и обеспечивающая ее целостность и неприкосновенность. Россия - светское государство и никакая религия или идеология не могут устанавливаться в качестве государственной. В России признаются политическое многообразие и многопартийность. Запрещается создание и деятельность объединений, цели или действия которых направлены на нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, разжигание социальной и религиозной розни. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык.

Идеи «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», отличные от взглядов традиционного для России ислама ханафитского масхаба, нагнетают напряженность в обществе, сеют конфронтацию между обществом и государством. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» основное значение уделяет идеологическому влиянию на массы, чтобы на основе распространения радикальной формы ислама, захватить политическую власть и установить одну идеологию. В государстве с разными конфессиями и этносами, как в России,

это неизбежно приведет к проявлениям религиозного фанатизма, возникновению межрелигиозных и межэтнических конфликтов, крайнему проявлению экстремизма, потере государственности.

Поэтому идеология «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» - это идеология терроризма, представляющая опасность для конституционного строя России, ее целостности и безопасности. По этой причине Верховным Судом Российской Федерации организация признана террористической с запретом ее деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Смагина А.В., Сопун Д.И. Причины распространения экстремизма в России// Российский следователь. 2012, № 8.
2. Хизб-ут-Тахрир – предводитель, не предающий своих последователей // Аль-Ваъй (Сознание) № 291.
3. Материалы уголовных дел, расследованных правоохранительными органами Республики Башкортостан в 2011 году №№ 1060396, 1909812, 1000006.
4. Агапов П.В., Хлебущкин А.Г. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: политико-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ. 2005.
5. Жизнь пророка Мухаммеда / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. М., 2012.
6. Жизнь пророка Мухаммеда / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. М., 2012.
7. Хизб-ут-Тахрир – предводитель, не предающий своих последователей // Аль-Ваъй (Сознание) № 291.
8. <http://www.hizb-ut-tahrir.org/EN/>.
9. Такиуддин ан-Набхани. Концепция Хизб ут-Тахрир. Шестое издание (издание утвержденное) 1421г.х. – 2001г.гр.
10. Проект Конституции Исламского государства представлен в качестве 13 главы книги Такиуддина ан-Набхани «Система Ислама».
11. Такиуддин ан-Набхани. Концепция Хизб ут-Тахрир. Шестое издание (издание утвержденное) 1421г.х. – 2001г.гр.
12. Коран / Перев. и комм. В.М. Пороховой. Одобренный высочайшей комиссией Научно-исследовательской Исламской Академии Аль-Азхар г. Каира и Советом муфтиев России. 10-е изд., доп. М., 2010).
13. Соловьев В. Магомет, Его жизнь и религиозное учение//Собрание сочинений. Спб., 1886-1896. Т. 6.
14. Такиуддин ан-Набхани. Концепция Хизб ут-Тахрир. Шестое издание (издание утвержденное) 1421 г.х. – 2001 г.гр.
15. Программа политической партии «Хизб ут-Тахрир» («Hizb ut-Tahrir»). 16. Такиуддин ан-Набхани. Концепция Хизб ут-Тахрир. Шестое издание (издание утвержденное) 1421 г.х. – 2001 г.гр.
17. Ладушин И.А., Михайлов К.В. Терроризм и экстремизм как проявления радикализма в исламе (религиозно-политические и уголовно-правовые аспекты). Челябинск, 2003.

© Ахмадуллин А.С., 2015

*Ахтямова Е.В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Институт права БашГУ*
Шмульсон С.М.,
*магистрант 1 курса Институт права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РФ

В статье рассмотрены особенности потребительского кредитования в России. Проанализированы основные положения Федерального закона «О потребительском кредите (займе)», который регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением потребительского кредита (займа) физическому лицу в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, на основании кредитного договора, договора займа и исполнением соответствующего договора.

Ключевые слова: займ, потребительский кредит, особенности и проблемы потребительского кредитования, перспективы развития.

*Ahtjamova E.V.,
Ph.D., assistant professor of civil law,
BSU Institute of Law*
Shmulson C.M.,
*1st year undergraduate Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

TO THE QUESTION ON THE PROBLEMS OF SERVICE IN CONSUMER LENDING IN RUSSIA

In article the author considers features of consumer crediting in Russia and analyzed the main provisions of the Federal Law «About consumer credit (loan)». This law regulates relations arising in connection with the provision of consumer credit (loan) to an individual for purposes not related to business activities on the basis of the loan agreement, the loan agreement and the execution of the agreement.

Key words: consumer credit, loan, especially and problems consumer lending, development prospects.

Развитие сферы потребительского кредитования оказывает положительное влияние на развитие экономики в целом. Поэтому развитие кредитования населения в России является одним из приоритетных направлений экономики. Однако, эффективное функционирование рынка потребительского кредитования требует соответствующего правового регулирования. Именно в период кризисных ситуаций в экономике России, выявилась недостаточность правового регулирования отношений, которые возникают в сфере потребительского кредитования. Это повлекло замедление развития сферы потребительского кредитования, ограничение его доступности для большинства населения, привело к росту задолженности по кредитам физических лиц.

В этой связи, принятие в 2013 году Федерального закона № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (далее – ФЗ № 353), преследовало цели, прежде всего, защиты прав заемщиков, как более слабого субъекта в данных правоотношениях, поскольку исходя из основных понятий, изложенных в статье 3 данного закона, потребительский кредит понимается как особая форма кредита, предоставляемого физическим лицам (потребителям) в целях приобретения товаров (работ, услуг) для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [1, ст. 6673].

Однако, сравнительно небольшой период действия вышеуказанного закона, выявил ряд актуальных проблем возникших в правоприменительной практике.

Во-первых, существуют проблема очередности погашения задолженности заемщика и возможности изменения очередности, установленной ФЗ № 353. В частности, основным вопросом является правомерность стороны по договору потребительского кредита самостоятельно согласовывать порядок очередности погашения требований по денежному обязательству в соответствии со статьей 319 ГК РФ, если возникает задолженность заемщика, которая не указана в пунктах 1-5 части 20 статьи 5 ФЗ № 353. Исходя из буквального толкования пункта 6 части 20 статьи 5 Закона, только в рамках шестой очереди стороны вправе устанавливать в договоре потребительского кредита (займа) очередность погашения обязательств заемщика по своему усмотрению, в том числе, определить очередность погашения издержек [2, с. 3].

Во-вторых, имеет место проблема досрочного возврата кредита (займа) заемщиком и порядка уплаты процентов. Возникает вопрос о порядке уплаты процентов за пользование кредитом при досрочном, в том числе, частичном погашении потребительского кредита (займа) и о праве банка в договоре предусмотреть, что уплата процентов на досрочно возвращаемую сумму потребительского кредита осуществляется не на дату досрочного погашения, а на более поздний срок.

Исходя из положений статьи 11 ФЗ № 353, банк правомерно может установить требование о досрочном возврате потребительского кредита только в день совершения очередного платежа по договору в соответствии с графиком платежей, но не более тридцати календарных дней со дня уведомления кредитора о таком возврате с уплатой процентов за фактический срок кредитования. Кроме того, согласно части 6 статьи 11 ФЗ № 353 в случае досрочного возврата части потребительского кредита (займа), заемщик обязан уплатить кредитору проценты по договору только на возвращаемую сумму кредита, включительно до дня фактического возврата соответствующей его части. При этом, нормы ФЗ № 353, не исключают возможность определить в договоре более поздний срок уплаты процентов на досрочно возвращаемую сумму потребительского кредита (займа) [3, с. 15].

В-третьих, актуальной является проблема обязательности заключения заемщиком договора страхования.

Следует отметить, что по данному вопросу, до принятия ФЗ № 353 существовала неоднозначная судебная практика. Так, согласно п. 8 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 146, условие об обязательности страхования заемщиком, как имущества, так и иной страховой интерес (жизнь, здоровье), являлось правомерным и не признавалось нарушающим права потребителя, но при условии, если заемщик имел возможность заключить с банком кредитный договор и без данного условия [4].

Согласно другой позиции – такое условие неправомерно и является злоупотреблением свободой договора. Так, исходя из п. 4.1. Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, включение в кредитный договор условия об обязанности заемщика застраховать свою жизнь и здоровье, фактически являющегося условием получения кредита, свидетельствует о злоупотреблении свободой договора. Согласно п. 4 данного Обзора, только добровольное страхование заемщиком риска своей ответственности, может рассматриваться в качестве дополнительного способа обеспечения исполнения кредитного обязательства [5].

ФЗ № 353, вступивший в силу с 1 июля 2014 года, в статье 7, установил право кредитора требовать от заемщика, в целях обеспечения исполнения обязательств по договору потребительского кредита, застраховать за свой счет от рисков утраты или повреждения заложенное имущество на сумму, не превышающую размера обеспеченного залогом требования, а также застраховать иной страховой интерес заемщика.

При этом, по смыслу части 10 статьи 7 ФЗ № 353, законодатель не рассматривает это как один из видов обязательного страхования, в связи с чем кредитор не вправе ставить заключение договора потребительского

кредитования в зависимость от выполнения условия по страхованию. В то же время, на практике, именно так и поступают банки, навязывая данную услугу как обязательное условие заключения договора потребительского кредитования для заемщика [6].

Вышеизложенные проблемы, позволяют сделать вывод о несовершенстве ряда положений ФЗ № 353 и о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства о потребительском кредитовании.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (с посл. изм. и доп. от 21 июля 2014 г. № 229-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51.
2. Козакова Е.Б. Правовое регулирование потребительского кредитования в России // Наука. Общество. Государство. 2014. № 2.
3. Курбатов А.Я. Правовые проблемы потребительского кредитования // Банковское право. 2012. № 3.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.
5. «Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

© Ахтямова Е.В., Шмутьсон С.М., 2015

УДК 343

***Бабичев А.Г.,**
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института,
г. Уфа, Россия*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА УБИЙСТВО СОВЕРШЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

В статье рассматриваются вопросы назначения наказания за убийство совершенное при превышении пределов необходимой обороны. В частности анализируются теоретические вопросы, судебные приговоры

по делам данной категории, выявляются наиболее типичные ошибки в них, даются рекомендации по их устранению. Основная ставка делается на установление, выявление существенных недостатков и нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации при вынесении судебных решений, которые не позволяют в полной мере назначить заслуженное – эффективное наказание, то есть с целью восстановления социальной справедливости, создания предпосылок для исправления осужденного и достижения как общей превенции, обращенной ко всем гражданам, так и специальной, направленной на лицо совершившее преступление, для вызова, у последнего, мотива воздержания от совершения новых преступлений. Рассматриваются вопросы тяжести преступления, отягчающих и смягчающих обстоятельств их совокупности, характеризующие личность подсудимого обстоятельства и многое другое, применительно к рассматриваемому составу. Наиболее типичным ошибкам дается оценка с теоретической точки зрения, даются предложения по исправлению недочетов судебной практики, анализируется решение кассационной инстанции в подтверждение позиции автора по рассматриваемому составу преступления

Ключевые слова: убийство, состояние необходимой обороны, превышение пределов, общие начала назначения наказания, преступление небольшой тяжести, личность подсудимого, смягчающие обстоятельства, противоправное поведение потерпевшего.

Babichev A.G.,

*LLD Candidate, associate Professor of criminal law
and criminology Ufa law Institute,
Ufa, Russia*

SOME QUESTIONS SENTENCING FOR MURDER COMMITTED IN EXCESS OF THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE

The article considers the issues of sentencing for murder committed in excess of the limits of necessary defense. In particular we study the theoretical issues, court judgements in the cases of this category, identifies the most common errors in them, with recommendations for their elimination. The main emphasis is on the establishment, the identification of significant deficiencies and violations of criminal and criminal-procedural legislation of the Russian Federation to the adjudication of which do not allow to fully deserved to appoint an effective punishment, that is, to restore social justice, creation of preconditions for the correction of the convict and achievements as a General prevention, addressed to all citizens, and special aimed at the person committed a crime, for the call, the last motive of abstinence from committing new crimes. Considers the questions the gravity of the crime, aggravating and mitigating cir-

cumstances in their totality, characterizing personality of the defendant's circumstances and much more, with respect to the composition. The most typical errors are analyzed, evaluated from a theoretical point of view, given the proposals to correct deficiencies in judicial practice, examines the decision by the Cassation court in the confirmation of the author's position on the crime.

Key words: murder, self defense, exceeding the limits, General principles of sentencing, a minor crime, the identity of the defendant, the mitigating circumstances, the victim's wrongful conduct.

Наказание за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), предусмотрено в виде исправительных работ на срок до двух лет, либо ограничения свободы на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на тот же срок. В соответствии со ст. 15 УК РФ деяние относится к категории преступлений небольшой тяжести, тем не менее, предусматривает возможность назначения такого строгого вида наказания как лишение свободы. Анализ судебных решений по рассматриваемому вопросу выявил ряд существенных недостатков и нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Так, при назначении наказания Д. за совершенное убийство К. при превышении пределов необходимой обороны, суд указал в приговоре не только то, что учитывает при этом «характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного» и другие обстоятельства совершенного преступления», но и разъяснил, что под «характером и степенью общественной опасности преступления» понимает то, что Д. «совершено преступление небольшой тяжести» и то, что «совершенное преступление направлено против жизни человека, конституционно закрепленного блага как высшей ценности государства, с причинением смерти потерпевшему», а говоря об учете «личности виновного», он указал на его «молодой возраст», «положительные характеристики по месту жительства и учебы», «награждение его почетными грамотами и медалями» [3]. Отмечая положительные моменты в приговоре по делу, касающиеся учета «характера и степени общественной опасности преступления» и «личности преступника» - основных величин в системе общих начал назначения наказания, нельзя не сказать о несправедливости назначенного Д. наказания в виде 1 года 4 мес. лишения свободы с реальным его отбыванием, поскольку, наряду с положительными характеристиками личности подсудимого, суд учел совокупность смягчающих обстоятельств: совершение впервые преступления небольшой тяжести, признание им вины, явку с повинной и активное способствование раскрытию и расследованию преступления. При отсутствии отягчающих обстоятельств и наличии совокупности смягчающих обстоятельств, данных, положитель-

но характеризующих подсудимого мера назначенного ему наказания не должна быть связана с лишением свободы – наиболее строгим видом наказания из четырех, предусмотренных в ч. 1 ст. 108 УК РФ, да еще с реальным его отбыванием. Вопреки требованию уголовного закона (ч. 1 ст. 60 УК РФ) о том, что «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания», суд обосновал свое решение в этой части лишь тем, что раз «совершенное преступление направлено против жизни и здоровья человека», он «полагает необходимым и справедливым назначить Д. наказание в виде лишения свободы с реальным его обоснованием». Предусматривая наказание за этот вид «привилегированного» убийства в виде исправительных работ (до 2-х лет), ограничения свободы (до 2-х лет), принудительных работ (до 2-х лет) и лишения свободы (до 2-х лет), законодатель исходил прежде всего из того, что данное преступление «направлено против жизни человека». Однако в какой мере назначенное Д. наказание связывалось с его исправлением и достижением других целей наказания, суд в приговоре так и не сказал. Вследствие этого законность, справедливость и целенаправленность назначенного Д. наказания вызывает сомнение. Кроме того, нельзя забывать, что согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ «наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 настоящего Кодекса..., или только если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания».

При назначении наказания по делам об убийствах, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны, некоторые судьи выделяют как самостоятельные величины общих начал назначения наказания «тяжесть совершенного преступления» и одновременно «характер и степень общественной опасности совершенного преступления», а иногда и «категорию преступления».

Так, при назначении наказания М-вой, осужденной по ч. 1 ст. 108 УК РФ, суд учел «тяжесть совершенного преступления», «характер и степень его общественной опасности» и то, что «совершенное ею преступление относится к категории небольшой тяжести» [4]. Из сказанного можно понять, что суд рассматривал указанные понятия как различающиеся между собой элементы общих начал назначения наказания. Но в ч. 3 ст. 60 УК РФ судам указывается на необходимость учитывать из вышеперечисленного лишь «характер и степень общественной опасности преступления». Что касается «категории преступления», то согласно ст. 15 УК РФ в основе подразделения преступлений на категории по их тяжести лежит «ха-

ракти и степень общественной опасности деяния, предусмотренные настоящим Кодексом».

Принимая во внимание обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, суд должен понимать, что справедливость наказания, то есть его соответствие характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного во многом зависит от обстоятельств, характеризующих деяние и лицо, его совершившее (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Среди обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, есть только те обстоятельства, которые характеризуют или деяние (преступление) или личность виновного. Это вытекает из смысла того положения, которое предусматривается в ч. 3 ст. 60 УК РФ и заключается в словах: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание...». Необходимо лишь подразделить эти обстоятельства на те, что отражают степень общественной опасности (и виновности) преступления – с одной стороны, и опасность или степень опасности личности виновного, его потенциальную способность и готовность к исправлению – с другой. Первые из них играют основную роль при определении заслуженного наказания, поскольку основным мерилем наказания должно быть само совершенное деяние. Вторые в большей мере должны служить показателями эффективности будущего наказания, помочь суду прогнозировать возможность исправления виновного в определенных условиях отбывания того или иного наказания.

Так, при назначении наказания М. за совершенное им убийство при превышении пределов необходимой обороны суд учел: «характер и степень общественной опасности совершенного им преступления, которое является умышленным и относится к категории небольшой тяжести»; «личность подсудимого, который ранее не судим»; «имеет на иждивении двоих малолетних детей»; «по месту жительства характеризуется положительно»; «к административной ответственности не привлекался»; «на учете у врачей нарколога и психиатра не состоял»; «жалоб на него не поступало»; «является активным участником региональной общественной организации азербайджанцев «Мост дружбы»; «замечаний по поведению не имеет»; «общественный порядок не нарушал». В качестве обстоятельств, смягчающих наказание подсудимому, суд учел «наличие у М. двух малолетних детей», «противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления», «явку с повинной», «признание вины», «активное содействие расследованию преступления», «раскаяние в содеянном». При изложенных обстоятельствах суд назначил М. наказание в виде исправительных работ на срок в 1 год 8 мес. с удержанием из заработка осужденного в доход государства 10%. В соответствии

со ст. 73 УК РФ это наказание суд указал «считать условным с испытательным сроком на 1 год» [2].

В данном приговоре по делу М. системный подход при назначении наказания виновному отсутствует. Вместо этого в нем дается некий бессистемный набор обстоятельств, которые в разной мере характеризуют личность виновного и могут влиять на смягчение наказания либо на выбор оптимального наказания, способного создать благоприятные условия для исправления осужденного или ухудшить условия жизни его семьи, а также обстоятельства, не способные как-то повлиять на назначение заслуженного и эффективного наказания. Правда, указывая на «учет характера и степени общественной опасности совершенного преступления», суд правильно разъяснил, что совершенное М. преступление относится к категории небольшой тяжести и было умышленным, поскольку ч. 2 ст. 15 УК РФ относит к категории небольшой тяжести как умышленные, так и неосторожные преступления. Вполне справедливо было бы указать на объект посягательства, на то, что им является жизнь человека – особо ценное благо, защита которого стоит на первом месте в Особенной части УК РФ. Если обратиться непосредственно к перечню обстоятельств, которые суд учел при назначении наказания по данному делу, то в нем перечисляются в беспорядке и обстоятельства, характеризующие личность виновного, - ранее не судим, по месту жительства характеризуется положительно, является активным участником региональной общественной организации азербайджанцев «Мост дружбы», и обстоятельства, способные оказать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, - наличие у М. двух малолетних детей, хотя в приговоре оно ошибочно отнесено к обстоятельствам, смягчающим наказание (к деянию это обстоятельство не имеет никакого отношения), и обстоятельство, собственно смягчающее наказание, - противоправное поведение потерпевшего, явившегося поводом для преступления, явка с повинной, признание вины, активное содействие расследованию преступления и раскаяние в содеянном, и обстоятельства, которые едва ли следовало выделить при назначении М. наказания, - к административной ответственности не привлекался, жалоб на него не поступало, замечаний по поведению не имеет; общественный порядок не нарушал, на учете у врачей нарколога и психиатра не состоял.

Суд, используя разрешение законодателя учитывать в качестве смягчающих обстоятельства, непосредственно не предусмотренные в уголовном законе (ч. 2 ст. 61 УК РФ), проявил ненужную инициативу и помимо того, что при назначении М. наказания учел в качестве смягчающих такие обстоятельства как «явка с повинной», «активное содействие расследованию преступления» и «раскаяние в содеянном», еще и «признание вины», как будто без признания вины в принципе возможны все три

предыдущих акта позитивного постпреступного поведения, в которых признание вины предполагается как обязательный первоначальный шаг «повинившегося» и «раскаявшегося» преступника, который к тому же активно способствует расследованию преступления». Еще большую изобретательность проявил суд при определении обстоятельств, характеризующих личность виновного. Наряду с положительной характеристикой М., его активной позитивной общественной деятельностью, суд указал также на такие самостоятельные обстоятельства: «к административной ответственности не привлекался», «общественный порядок не нарушал», «жалоб на него не поступало», «замечаний по поведению не имеет», что может служить лишь подтверждением положительной социальной характеристики виновного. Указание же в приговоре на то, что М. «на учете у врачей нарколога и психиатра не состоял», нередко встречающиеся в приговорах по делам данной категории, вызывает недоумение.

В данном приговоре повторилась ошибка, - о признании в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, «противоправного поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления», где автор уже разъяснил, что это смягчающее обстоятельство предусмотрено ч. 1 ст. 108 УК РФ «в качестве признака преступления» (правда, в иной редакции) и согласно ч. 3 ст. 61 УК РФ «не может повторно учитываться при назначении наказания».

Например, в кассационном определении по делу Ш., осужденного по ч. 1 ст. 108 УК РФ к 8 месяцам ограничения свободы. Отвечая на доводы адвоката осужденного, выражавшего в своей жалобе несогласие с приговором суда в части назначения наказания подзащитному в том, что при назначении наказания Ш. «суд не учел неправомерное поведение потерпевшего», кассационная судебная инстанция не признала их обоснованными и указала, что «противоправное поведение потерпевшего установлено судом как одно из обстоятельств объективной стороны преступления, обусловившее квалификацию содеянного по ч. 1 ст. 108 УК РФ, поэтому не подлежит повторному учету при назначении наказания» [1].

Иногда суды неправильно признают в качестве отягчающего обстоятельства «наступление тяжких последствий» (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ) в виде смерти потерпевшего, хотя это обстоятельство является необходимым признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ и поэтому не должно дополнительно учитываться как отягчающее обстоятельство. Вместе с тем верно, когда суд при назначении наказания за данный «привилегированный» вид убийства, ссылаясь на характер и степень общественной опасности преступления, учитывает не только категорию преступления, но и намеренное (умышленное) причинение смерти другому человеку, то есть посягательство на самый ценный (согласно Конституции РФ и УК РФ) объект охраны – жизнь человека, поскольку в

определении категорий преступления допускается различная степень вины (в зависимости от формы вины) и различные по своей ценности объекты посягательства.

Пристатейный библиографический список

1. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Бурятия по делу Ш. от 10 января 2013 г.; уг. дело № 22-2700 // Архив Верховного суда республики Бурятия за 2013 г.
2. Приговор Бердюжского районного суда Тюменской области по делу М. от 11 января 2013 г.; уг. дело № 1-2/2013 // Архив Бердюжского районного суда Тюменской области за 2013 г.
3. Приговор Дзун-Хемчинского районного суда Республики Тыва по делу Д. от 9 октября 2012 г. // Архив Дзун-Хемчинского районного суда Республики Тыва за 2012 г.
4. Приговор Ярославского районного суда г. Ярославской области по делу М-вой от 27 декабря 2012 г.; уг. дело № 1-173/2012 // Архив Ярославского районного суда Ярославской области за 2012 г.

© Бабичев А.Г., 2015

УДК 349

***Бадамшин И.Д.,**
кандидат юридических наук,
Уфимский юридический институт МВД России
г. Уфа, Россия*

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИИ «ИНАЯ ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ»

Гуманным целям борьбы с преступностью и исправлению лиц совершивших общественно-опасные деяния соответствуют гуманные средства. В их арсенале важное место занимает уголовно-правовой институт освобождения от наказания, все виды которого можно объединить досрочным характером их применения, относительно срока, определенного приговором суда. Досрочный характер освобождения должен наступить тогда, когда судом будет признана возможность дальнейшего исправления осужденного без изоляции от общества, либо когда цели наказания достичь заведомо невозможно.

Одним из оснований освобождения от наказания, из числа применяемых к осужденным, является предусмотренное ст. 81 УК РФ освобождение от наказания в связи с болезнью, в соответствии с которым тяжелая болезнь или инвалидность осужденного могут являться основанием для его последующего освобождения от отбывания наказания.

В статье анализируются теоретико-прикладные вопросы содержания признаков, характеризующих медицинские основания освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью.

Ключевые слова: наказание, осужденный, освобождение от наказания, основания освобождения, иная тяжелая болезнь.

Badamshin I.D.,

PhD in Law,

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ufa, Russia

TO A QUESTION ABOUT THE CONTENT OF THE CATEGORY «OTHER SERIOUS ILLNESS»

Humane purposes of combating crime and correction of persons committed socially dangerous acts correspond humane means. In their arsenal occupies an important place criminal law institute exemption from punishment, all kinds of which can be combined early nature of their application, with respect to the term determined by a court sentence. Early release character must come when the court will recognize the possibility of further correction convict without isolation from society, or when the purpose of punishment is obviously impossible to achieve.

One of the grounds for exemption from punishment, applied to the number of prisoners is under Art. 81 of the Criminal Code Compassionate release, according to which a serious illness or disability of the convicted person can serve as a basis for its subsequent release from punishment.

The article analyzes the theoretical and applied issues of content features that characterize the medical grounds for exemption from punishment in connection with a serious illness.

Key words: punishment, sentenced, exemption from punishment, the base release, other serious illness.

Содержание ч. 2 ст. 81 УК РФ, устанавливающее освобождение от отбывания наказания в связи с иной тяжелой болезнью, позволяет нам выявить ряд признаков, характеризующих медицинские основания освобождения:

- тяжелый характер болезни;
- момент ее возникновения – после совершения преступления;
- наличие препятствий к отбыванию наказания.

Понятие «тяжелая болезнь» нельзя отнести к оценочным категориям, т.к. существует Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденный Правительством РФ в 2004 г.[1], который уста-

навливают весь их исчерпывающий список. Им руководствуются специальные медицинские комиссии при проведении медицинского освидетельствования осужденных, администрации исправительных учреждений и суд при решении вопроса об освобождении от наказания.

Более правильным нам представляется отнесение рассматриваемого понятия к так называемым бланкетным, содержание которого целиком и полностью зависит от изменения тех нормативно-правовых актов, которые раскрывают его значение. Указанное понятие раскрывалось как в ведомственных, так и локальных нормативных актах и подвергалось изменениям и дополнениям на протяжении всего периода развития данного института, начиная с Приказа МООП СССР от 27.07.1967 г. с объявлением «Перечня заболеваний, которые могут служить основанием для представления заключенных к освобождению от наказания по болезни» [2, с. 436–441] вплоть до действующего Перечня.

Целесообразность регламентации ч. 2 ст. 81 УК РФ с использованием бланкетного понятия вполне себя оправдывает и это связано с тем фактом, что инновационные достижения медицины в области профилактики, предупреждения и лечения тех или иных заболеваний, их тяжести и неизлечимости постоянно прогрессируют, что необратимо приводит к изменениям в самом Перечне таких заболеваний.

Характеризуя второй признак, – момент возникновения иной тяжелой болезни, необходимо указать, что для «тяжелых хронических заболеваний» характерно длительное протекание с периодическим обострением и затуханием (так протекает цирроз печени, фиброзно-кавернозный туберкулез легких). Злокачественные образования (особенно с локализацией во внутренних органах) до стадии разгара (метастазирования) могут развиваться достаточно длительное время, не проявляя симптомов и не причиняя особых беспокойств человеку, т.к. инкубационный период может протекать до нескольких лет» [2, с. 404–405].

Учитывая данный аспект, одним из наиболее важных обстоятельств будет являться тот фактор, что с учетом длительного развития и протекания многих тяжелых заболеваний очень высока вероятность их возникновения еще до совершения преступления.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Оренбурга от 05.03.2011 г. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 232 УК РФ, к четырем годам лишения свободы была осуждена Т., 1982 года рождения. Ранее Т. была освобождена от наказания в связи с болезнью Постановлением Ленинского районного суда г. Оренбурга от 20.09.2010 г. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228¹, ч. 1 ст. 232 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела Т. состояла на учете у нарколога с 2007 г. с диагнозом «героиновая наркомания». После освобождения из мест ли-

шения свободы страдающая онкологическим заболеванием Т. стала употреблять дезоморфин. В период предварительного следствия по уголовному делу, возбужденному через непродолжительное время после освобождения, в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья, Т. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащего поведения. До момента вынесения приговора по уголовному делу состояние здоровья Т. значительно ухудшилось. В судебном заседании без оглашения было исследовано медицинское заключение о предположительной продолжительности жизни Т. в силу наличия у нее тяжелейшего заболевания. В результате через несколько дней после заключения под стражу Т. скончалась [3, с. 27].

Следовательно, требование закона о моменте возникновения заболевания «после совершения преступления» игнорирует довольно часто встречающиеся случаи прогрессирования болезни (которая началась до совершения преступления) уже в период предварительного расследования или отбывания наказания.

Таким образом, время наступления тяжелой болезни не имеет, на наш взгляд, принципиального уголовно-правового значения. При освобождении лица, в связи с тяжелой болезнью необходимо учитывать совокупность двух основополагающих факторов – медицинского основания освобождения и установления наличия эффективности исправительного воздействия назначенного наказания на осужденного за период его фактического отбывания. Если же наказание не оказало на осужденного необходимого исправительного эффекта, то его освобождение в связи с иной тяжелой болезнью будет противоречить целям наказания, в частности – цели предупреждения совершения новых преступлений [4, с. 18].

Заключительным признаком медицинского основания является наличие препятствий к отбыванию наказания.

Степень общественной опасности и криминогенной зараженности лиц, страдающих тяжелыми болезнями, но не являющимися препятствиями к совершению новых преступлений, не отпадает только в силу факта наличия у них такого заболевания. В связи с этим, при освобождении указанной категории осужденных, суд в обязательном порядке учитывает не только медицинское основание (наличие и характер болезни), но и основные критерии освобождения, регламентированные уголовным и уголовно-исполнительным законодательством: тяжесть совершенного преступления, срок назначенного наказания и фактически отбывтый срок, личность осужденного и его поведение в период отбывания наказания, степень его исправления.

Так, основанием для отказа в удовлетворении представления, при том, что согласно медицинскому заключению Рыжков А.С. может быть освобождён от дальнейшего отбывания наказания, явилось то, что в

настоящее время возможно исправление осуждённого Рыжкова А.С. только в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы. Принимая решение, суд учитывал, что Рыжков А.С. получает всю необходимую квалифицированную медицинскую помощь, учитывал также характер и степень общественной опасности совершенных Рыжковым А.С. преступлений, срок назначенного наказания – 16 лет лишения свободы, степень исправления осуждённого и срок неотбытого наказания – 14 лет 4 месяца 11 дней на момент рассмотрения представления, а также отказ осуждённого выполнять медицинские рекомендации врачей.

Часть 2 ст. 81 УК РФ предусматривает право суда освободить от наказания лицо, заболевшее иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, что обусловлено невозможностью либо бесполезностью осуществления исправительного воздействия в условиях тяжкого не психического заболевания осуждённого. Из представленных материалов видно, что, несмотря на тяжкое заболевание, исправительное воздействие на Рыжкова А.С. оказывается. Невозможности либо бесполезности осуществления исправительного воздействия не установлено. Опасность совершения им повторных преступлений при наличии болезни не исключается [5].

Прямо противоположным примером наличия препятствий к отбыванию наказания может служить следующий прецедент.

Так, «за преступление небольшой тяжести высоко-заразному больному с диссеминированным туберкулезом легких было назначено наказание в виде обязательных работ сроком на 160 часов. Медицинское освидетельствование осужденного было проведено обычным государственным учреждением здравоохранения, и заключение врачебной комиссии оказалось крайне неконкретным. Однако на основании данного заключения районный суд отказал осужденному в удовлетворении ходатайства об освобождении от отбывания наказания по болезни. Тюменский областной суд отменил решение районного суда и направил материал на новое рассмотрение.

В результате тяжелобольной и опасной для окружающих человек на длительное время оказался вовлеченным в юридическую волокиту вместо адекватного лечения, не будучи при этом изолированным от здоровых людей» [6, с. 23]. Также в рамках рассматриваемого признака необходимо отметить, что на наш взгляд, справедлива точка зрения Б.А. Спасенникова о том, «что трудно представить освобождение по болезни от штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания» [7, с. 42], т.к. исполнение этих наказаний не зависит от наличия или отсутствия заболевания у осужденного.

К.В. Михайлов полагает, что из содержания ст. 81 УК РФ можно сделать вывод, что освобождение от отбывания наказания по болезни

возможно при осуждении к любому виду наказания [8, с. 169]. Однако более правильной представляется точка зрения С.Н. Сабанина о том, что рассматриваемое освобождение возможно лишь в отношении наказаний срочного характера, т.к. понятие «освобождение от отбывания наказания» в уголовном законодательстве используется применительно к ним [9, с. 151]. В соответствии с ч. 2 ст. 81 УК РФ тяжелая болезнь может препятствовать лишь срочным видам наказаний, которые отбываются осужденными, причем в их число не входят: штраф; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; пожизненное лишение свободы и смертная казнь.

Характерно, что в данном случае, единственным законодательно установленным источником освобождения по рассматриваемому основанию, указанием видов наказания, является Уголовно-исполнительный кодекс РФ, который в ч. 7 ст. 175 устанавливает: «В случаях признания осужденного к обязательным работам или исправительным работам инвалидом первой группы, а осужденного к принудительным работам инвалидом первой или второй группы он вправе обратиться в суд с ходатайством о досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания».

Подводя определенный итог, мы можем прийти к следующему выводу. В основу освобождения от наказания в связи с наличием «иной тяжелой болезни» положена определенная уверенность в том, что осужденный в значительной мере теряет свою общественную опасность и лишается, как правило, возможности вновь совершать преступления. Гарантией позитивного посткриминального поведения в данном случае, выступает сам факт наличия у лица «тяжелого» заболевания.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации № 54 от 06.02.2004 г. «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» // Российская газета. 13.02.2004. № 28.
2. Сборник нормативных актов для работников исправительно-трудовых учреждений. Т. 2. М., 1974.
3. Уголовное дело по обвинению Т. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 232 УК РФ // Действующий архив Ленинского районного суда г. Оренбурга за 2011 г. (Цит. по.: Гужва О.В. Практические проблемы разрешения судом вопроса освобождения от наказания в связи с болезнью // Медицинское право. 2012. № 5.
4. Бадамшин И.Д., Поезжалов В.Б. Исправление как цель наказания: учебно-методическое пособие. – Уфа: УЮИ МВД России, 2012.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 01.02.2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rospravosudie.com/court-irkutskij-oblastnoj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-103954940/> (дата обращения: 01.04.2015)

6. Матейкович М.С. Проблемы освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью // Российская юстиция. 2014. № 10.
7. Спасенников Б.А. Освобождение от наказания в связи с психическим расстройством // Российская юстиция. 2003. № 4.
8. Михайлов К.В. Уголовно-правовой институт освобождения от наказания. – М.: Юрлитинформ, 2008.
9. Сабанин С.Н. Условное и безусловное освобождение от уголовной ответственности или наказания. М., 1983.

© Бадамшин И.Д., 2015

УДК 347

*Валеева А.А.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

КАТЕГОРИЯ СВЯЗАННОСТИ СУБЪЕКТОВ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ОТНОШЕНИЙ, ОСНОВАННЫХ НА КОРПОРАТИВНОЙ СУБОРДИНАЦИИ ИХ УЧАСТНИКОВ

В настоящей статье обосновывается нормативное употребление категории связанности субъектов для характеристики отношений, основанных на корпоративной субординации их участников. Делается вывод о том, что именно частноправовая природа корпоративных отношений предопределила такое обращение законодателя к категории связанности участников.

Ключевые слова: корпоративная субординация, связанность, зависимость, аффилированные лица, корпоративный контроль.

*Valeyeva A.A.,
PhD, Senior Lecturer, Department of Civil Law
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

CATEGORY OF SUBJECTS CONNECTEDNESS AS A CHARACTERISTIC OF A RELATIONSHIP BASED ON THE CORPORATE CHAIN OF COMMAND OF THEIR PARTICIPANTS

This article explains the use of the normative categories of subjects to characterize the connectivity relations based on subordination of corporate participants. The conclusion is that it is of a private nature of corporate relations predetermined such treatment legislator to category relatedness participants.

Key words: corporate pecking order, relatedness, dependence, affiliates, corporate control.

Существование отношений с наличием элемента связанности, зависимости субъектов признается в рамках различных отраслей права и подлежит правовой оценке. Для корпоративного права характерно понятие аффилированного лица, в конкурентном законодательстве России существует категория группа лиц, в налоговом праве – взаимозависимые лица.

До недавнего времени в отечественном гражданском праве можно было выделить отношения с участием дочерних и зависимых хозяйственных обществ (ст. 105, 106 Гражданского кодекса РФ [1]). На сегодня действие указанных нормативных положений изменилось. С 01 сентября 2014 г. в законную силу вступила ст. 67.3 Гражданского кодекса РФ, закрепляющая правило о существовании исключительно дочернего хозяйственного общества, упразднив юридическую конструкцию зависимого хозяйственного общества [2, ст. 2304]. Указанные ст. 105 и 106 Гражданского кодекса РФ прекратили свое действие. Следует отметить, отсутствие радикальных перемен в гражданско-правовой оценке отмеченных отношений. В рамках Гражданского кодекса РФ новеллы видоизменили некоторые проблемные аспекты регламентации отношений, основанных на аффилированности их участников.

В контексте проведенной модернизации представляется интересным предложенная в ст. 53.2 Гражданского кодекса РФ законодательная характеристика изучаемых социальных связей в качестве отношений связанности. В данном случае, следует отметить существующее в цивилистической доктрине определение данных отношений с использованием термина «зависимость» [3, с. 382–477; 4, с. 21–24]. Например, Д.В. Ломакин в качестве субъектов отношений зависимости называет дочернее хозяйственное общество [5, с. 67–91]. А.В. Анисимов характеризует юридические связи между основным хозяйственным товариществом (обществом) и дочерним хозяйственным обществом как отношения экономической зависимости [6, с. 7]. Таким образом, налицо неоднородность применения терминологических категорий для опосредования изучаемых социальных отношений.

Обратимся к этимологической природе используемых конструкций «связанность» и «зависимость». Зависимость, согласно толкованию в словарях русского языка, определяется как подчиненность другим, чужой воле, чужой власти при отсутствии самостоятельности, свободы. Связанность же предлагается толковать в качестве более широкого понятия, предполагающего отношения взаимной зависимости лиц [7, с. 624], их обусловленности, взаимовлияния и взаимовоздействия. Тем самым, законодатель, используя в ст. 53.2 Гражданского кодекса РФ категорию свя-

знности, учитывал ее терминологическое значение, поэтому при ее употреблении исходил из того, что аффилированность (связанность) субъектов может предполагать различные варианты установления данных отношений. Мы считаем, что законодательное обращение к категории связанности, обладающей более широким смыслом, обусловлено следующими причинами.

Во-первых, полагаем, аффилированность лиц может рассматриваться в двух аспектах. Первый касается одностороннего воздействия, влияния одного лица на другое в рамках осуществления корпоративного контроля. При этом вектор контролирующего воздействия направлен из единого центра. Данные отношения основаны на корпоративной субординации, предполагающей подчиненность одной персоны воле другой.

Второй аспект касается взаимодействия субъектов, участвующих в отношениях аффилированности, холдинговых отношений. Взаимовлияние (взаимодействие) имеет место при перекрестном владении акциями в ситуации, когда дочернее хозяйственное общество является акционером основного хозяйственного общества, т. е. владеет его акциями. При этом влияние оказывает каждая персона друг на друга. Следует отметить, что взаимовлияние субъектов строится на принципе согласования интересов аффилированных лиц, что говорит о единстве, общности их персональных интересов. Перекрестное владение акциями в холдинговых образованиях используется как средство противостояния корпоративным захватам, предоставляющее возможность создания замкнутой акционерной системы, закрытой от чуждых вторжений третьих лиц.

Во-вторых, использование в ст. 53.2 Гражданского кодекса РФ категории связанности считаем, вызвано спецификой самого юридического явления корпоративной субординации, присутствующего в отношениях аффилированности их субъектов. Названное явление имеет частноправовой характер и может в качестве своей основы содержать гражданско-правовой договор. Например, таковым является договор о совместной деятельности. Тем самым, отношения аффилированности способны возникать на добровольных началах, их правовая регламентация происходит в соответствии с гражданско-правовыми принципами свободы договора, диспозитивности и т. п.

По нашему мнению, суть корпоративной категории связанности наилучшим образом отображает особенность корпоративной субординации – специфической субстанции, предполагающей подчинение субъектов друг другу, однако имеющей в своем основании частноправовые начала добровольного характера. Указанные начала находят выражение в согласовании воли лиц на установлении подчинения в рамках гражданско-правового договора, что, несомненно, обуславливает их взаимодействие. Полагаем, что термин связанность, в том числе вбирает в себя элемент некоторой взаим-

ности. Как было отмечено выше, ее можно наблюдать в отношениях взаимовоздействия, где может иметь место перекрестное владение акциями хозяйственных обществ, аффилированных друг другу.

Таким образом, теория частноправовой природы корпоративных отношений в целом и аффилированных социальных связей лиц в частности предопределила нормативное обращение к категории связанности для характеристики отношений, основой которых выступает корпоративная субординация их сторон.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.12.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301. (Далее – Гражданский кодекс РФ).
2. Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19.
3. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / Под общей ред. В.А. Белова. – М.: Изд-во Юрайт, 2012. – 678 с.
4. Крылов В.Г. Договор как основание возникновения отношений экономической зависимости между основными и дочерними обществами // Гражданское право. 2013. № 1.
5. Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. – М.: Статут, 2005. – 221 с.
6. Анисимов А.В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеративной Республики Германия: Автореф. ... к.ю.н., – Москва, 2010. – 26 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Изд-во: Оникс, Мир и Образование, 2014. – 736 с.

© Валеева А.А., 2015.

УДК 347

***Валеев Р.А.,**
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В рамках научной статьи затрагивается вопрос субординационных составляющих корпоративных отношений. Делается вывод о том, что субординация в корпоративных отношениях (корпоративная субордина-

ция) представляет собой явление, основанное на частноправовых началах, так как ее существование возможно в пределах договорной формы.

Ключевые слова: корпоративные отношения, субординация, координация, диспозитивность, предмет гражданско-правового регулирования.

*Valeyev R.A.,
PhD, Associate Professor of Civil Law
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

ON SOME ASPECTS OF PRIVATE-LAW CORPORATE RELATIONS

As part of a scientific paper addresses the issue of subordinate components of corporate relations. It is concluded that the subordination in corporate relations (corporate subordination) is a phenomenon based on the principles of private law, as its existence is possible within the contract form.

Key words: corporate relations, subordination, coordination, optionality, the subject of civil regulation.

В ст. 2 Гражданского кодекса РФ [1] нормативно закреплена третья составляющая предмета гражданско-правового регулирования – корпоративные отношения, которые, по мнению отечественного законодателя, представляют собой, социальные отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Тем самым, констатировано на уровне федерального закона, что указанные отношения в своей основе содержат равенство, автономию воли их и имущественной самостоятельности участников.

Признание данной группы корпоративных отношений составной частью общественных связей, подлежащих регулированию нормами гражданского права, активно обсуждалось и обсуждается в цивилистической науке [2, с. 16; 3, с. 15]. Основным гносеологическим вопросом отмеченной проблематики является факт присутствия элементов субординации (подчинения субъектов) в рамках правовой регламентации корпоративных отношений. Правовая модель регулятивного воздействия на общественные отношения, которая основана на субординации традиционно относилась к области публичного права. В этой связи в доктрине делались выводы о том, что корпоративные отношения не могут быть нормированы с помощью гражданско-правового механизма, так как частноправовая сфера зиждется на координации субъектов, управлении из малых центров. Корпоративные же отношения вбирают в себя субординационные начала, исключающие применения диспозитивного метода регулиро-

вания [4, с. 119]. Например, В.С. Белых прямо называет корпоративные отношения разновидностью публичных, административных правоотношений [5, с. 118; 3. с. 16].

Следует согласиться с доводом о том, что в корпоративных отношениях присутствует некоторая субординация. В науке такая субординация именуется корпоративной [3, с. 14]. Особенно рельефно это видно в рамках отношений связанности, аффилированности их субъектов (ст. 53.2 Гражданского кодекса РФ), в рамках которые имеется корпоративный контроль, предполагающий подчинение подконтрольных субъектов воле лица его осуществляющего. В данном случае отсутствует автономия независимость воли подконтрольных персон. Это находит выражение в формировании воли подчиненного юридического лица. Контролирующий субъект всецело способен влиять на этот процесс, реализуя при этом собственный интерес.

Однако полагаем, что наличие субординационной основы не обуславливает жесткое определение корпоративных отношений в качестве публичных. Субординация в корпоративных отношениях имеет собственную специфику. Имеется в виду возможность возникновения корпоративных отношений на договорных началах, влекущих применение принципа свободы договора. К слову, даже отношения аффилированности могут в своей основе иметь договор. В качестве такового могут быть использованы следующие договорные формы. Это договор простого товарищества, концессия и т. п. Таким образом, корпоративная субординация как правовой феномен может быть установлена непосредственно из малых центром и являться следствием самоопределения, саморегулирования субъектов отношений. То есть корпоративная субординация исходит «снизу».

По нашему мнению, законодательное признание существования корпоративных отношений в составе предмета гражданско-правового регулирования свидетельствует о трансформационном применении принципа диспозитивности к указанным социальным связям. Отмеченная трансформация принципа как раз предполагает констатацию правового существования корпоративных отношений, содержащих в себе элементы субординации особого вида, установление которой может зависеть от усмотрения их участников.

Итак, присутствие корпоративных отношений в рамках предмета гражданского права все цело оправдано, не смотря на имеющуюся в них субординационную составляющую. В данном случае субординация, именуемая корпоративной, представляет собой явление, основанное на частноправовых началах, так как ее существование возможно в пределах договорной формы.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.12.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301. (Далее – Гражданский кодекс РФ).
2. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ : автореф. д-ра юрид. наук. М., 2009. 65 с.
3. Егорова М.А. К вопросу о содержании корпоративных правомочий // Гражданское право. 2014. № 4. С. 13–18.
4. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М.; Берлин, 2010.
5. Белых В.С. О корпорациях, корпоративных отношениях и корпоративном праве // Проблемы предпринимательского (хозяйственного) права в современной России. Труды ИГП РАН. 2007. № 2. С 119.

© Валеев Р.А., 2015

УДК 349

***Васильев А.В.,**
кандидат политических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В УЧЕНИИ ДЖОЗЕФА АДДИСОНА

Статья посвящена малоизвестным в России государственно-правовым идеям одного из заметных британских политических деятелей и писателей эпохи Просвещения Джозефа Аддисона. Прослеживается тесная взаимосвязь воззрений Аддисона на разделение властей и сущность парламентаризма с учениями Дж. Локка и Ш. Л. Монтескьё. Излагается последовательная и аргументированная критика абсолютизма и авторитаризма. Делается вывод об актуальности идей Аддисона в реализации теории правового государства в современной России.

Ключевые слова: Аддисон, парламентаризм, разделение властей, конституционализм, законодательная власть.

*Vasilyev A. V.,
Political Science,
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

SEPARATION OF POWERS AND PARLIAMENTARISM IN DOCTRINE JOSEPH ADDISON

The article is devoted to the little-known Russian state-legal ideas of a prominent British politic and writer of the Enlightenment of Joseph Addison. There is a close relationship Addison's views on the separation of powers and the essence of the teachings of parliamentarism Locke and Montesquieu Sh. Presents a consistent and reasoned criticism of absolutism and authoritarianism. The conclusion about the relevance of the ideas in the implementation of Addison's theory of legal state in modern Russia.

Key words: Addison, parliamentarianism, separation of powers, constitutionalism, the legislature.

Одним из важнейших концептуальных элементов доктрины правового государства, как нам представляется, являются принципы парламентаризма и теория разделения власти. Не случайно Ф. М. Раянов в одной из своих последних работ посвятил исследованию этих проблем целый параграф – «Разделение власти на ветви – базовой принцип правового государства» [1, с. 5].

Данная публикация посвящена почти неизвестному в нашей стране трактату английского публициста, писателя и политика - Джозефа Аддисона «О британской конституции». Для отечественного исследователя имя Аддисона было невольно оттеснено фигурами других британских современников - блестящих журналистов, публицистов и писателей Даниэля Дефо и Джонатана Свифта. Поэтому полагаем уместным привести краткую биографическую справку.

Будущий известный политический и государственный деятель, публицист, драматург, поэт, один из первых европейских журналистов, предтеча английского Просвещения родился 1 мая 1672 г. в Милстоне. Отец был настоятелем двух соборов и Аддисон получил образование в элитной лондонской Чартерхаус-скул. Этот период примечателен судьбоносным знакомством с Ричардом Стилом – будущим другом, соратником и соавтором [2].

С 1687 по 1699 гг. биография Джозефа Аддисона связана с Оксфордским университетом, где он, получив степени бакалавра и магистра, продолжил карьеру поступлением в аспирантуру и преподаванием. Потом

было путешествие за границу, «пробы пера» в поэзии, драматургии, участие в литературно-политическом кружке виггов. А после прихода этой партии к власти в мае 1705 г. Аддисона назначили помощником государственного секретаря. В 1709 г. политик стал членом парламента и отправился в Ирландию в должности секретаря вице-короля этой страны. В это время в Лондоне увидел свет журнал «Болтун» – издательский проект Стила, в создании которого принял участие и Аддисон – сначала пересылая очерки, а по возвращении на родину зимой 1709 г. превратившись в единственного автора.

В конце 1710 г. журнал был закрыт, но, приободренные его успехом, соратники решились выпускать с марта 1711 г. новое издание – «Зритель» («The Spectator»). Перед собой они ставили цель не просто подстраиваться под публику, а подтягивать ее на более высокий уровень просвещения, поэтому наряду с развлекательными в «Зрителе» публиковались серьезные аналитические материалы, в том числе и политического характера. Журнал стал модным во всех смыслах: издавался рекордным по тем временам тиражом, переиздавался после закрытия в виде книг [2].

Благодаря современным информационным технологиям мы имеем прекрасную возможность пользоваться английскими текстами публикаций Джозефа Аддисона. В электронном ресурсе www.gutenberg.org представлены все полнотекстовые электронные версии журналов «Зритель». При переводе на русский язык использовалась программа «Гугл-переводчик». В № 287 журнала «Зритель» за 1712 г. Джозеф Аддисон подробно анализирует и обосновывает преимущества разделения властей и демократического устройства государства. При этом он предостерегает от деспотического правления, когда вся власть может быть сосредоточена в руках одного человека или группы людей.

За несколько десятилетий раньше Шарля Монтескье Аддисон утверждал, что власть – равно законодательная или исполнительная – не должна быть монополизирована одним лицом или одним институтом. И то, и другое ведет к тирании. Во власти должны быть представлены самые разные интересы и группы – это обеспечивает общий интерес нации. Власть в руках одного правителя неизбежно ведет к тирании. Аддисон полностью отвергает аргумент о «мудром и добродетельном правителе».

Неограниченная власть портит любого человека, даже «национального лидера». «Некоторые говорят, что мы должны создать наше правительство на земле, как на небе, которое там, говорят они, является полностью монархическим и неограниченным. Если бы человек был подобен Творцу в своей доброте и справедливости, я бы следовал такой модели; но если доброта и справедливость не свойственны правителю, я бы не отдал себя в его руки, чтобы он распоряжался мною по своей воле и удовольствию», - пишет Аддисон [3]. «Дайте человеку власть делать, что он

захочет безнаказанно, и, соответственно, в нем падет один из великих столпов нравственности. Это все подтверждается фактами. Как много обещающих наследников империй, становясь их обладателями, превращались в похотливых и жестоких монстров, порицаемых человеческой природой» [3].

Законодательный орган, по мысли Аддисона, должен состоять из сил, представляющих различные слои общества и преследующих различные интересы. Более того, даже законодательный орган не должен иметь всю полноту власти, так как это также означало бы монополию на нее. «Если будет только один законодательный орган, то это будет не лучше, чем тирания», - пишет Аддисон.

Законодательная власть должна формироваться различными фракциями и группами, представляющими самые разные социальные и политические интересы. «Свобода лучше всего сохраняется там, где законодательная власть отдана многим лицам, особенно если эти лица разных сословий и интересов; ибо там, где они принадлежат одному сословию и, следовательно, заинтересованы в действиях, нужных их сословию, это мало чем отличается от деспотического правления одного лица», - считает Аддисон. Лишь на основе этого многообразия интересов и групп, представленных во власти, возможен баланс общего интереса нации. «Но величайшая безопасность для свободы людей возможна тогда, когда законодательная власть находится в руках лиц, отличающихся таким счастливым образом, что, преследуя частные интересы своих сословий, они осуществляют цели всего народа; или, другими словами, когда нет такой части народа, у которой нет общего интереса хотя бы с одной частью законодателей», - полагает Аддисон.

То же справедливо и в отношении верховной власти правителя или монарха. Неограниченный (абсолютный) правитель есть зло, так как неограниченная власть всегда ведет к злоупотреблениям, каким бы добродетельным и мудрым человек ни был. «Так как обычным для человечества является то, что на одного мудрого и хорошего правителя приходится десять противоположных, то очень опасно для нации ставить свою судьбу или свое общественное счастье или несчастье в зависимость от добродетелей или пороков единственного человека», - пишет Аддисон [3].

Итак, представления Джозефа Аддисона о разделении власти и парламентаризме стали логичным продолжением развития идей Джона Локка. Но в то же время Аддисон не разделяет вывод Локка о том, что законодательная власть должна быть верховной по отношению к исполнительной и федеративной [4, с.127]. Нам кажется, концепция Аддисона ближе к пониманию реализации принципа разделения властей как созданию системы сдержек и противовесов. То есть к тем идеям, которые позднее предложил Ш. Л. Монтескье.

Пристатейный библиографический список

1. Райнов Ф.М. Проблемы теории и практики правового государства. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2013. – 300 с.
2. <http://www.wisdoms.ru/avt/b5.html>
3. <http://www.gutenberg.org/files/12030/12030-h/12030-SV2/Spectator2.html#section287>.
4. Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: учебное пособие. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. – 412 с.

© Васильев А.В., 2015

УДК 342.2

Газизов Р.Р.,
*кандидат технических наук,
доцент кафедры криминалистики Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ НОВЕЙШИХ ИНФРАСТРУКТУРНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье автор обобщает и анализирует отечественный и зарубежный опыт создания новейших инфраструктурно-аналитических институтов обеспечения государства. В частности, рассматривается опыт «родины фабрик мысли» - США. Оценивается современное состояние «фабрик мысли» по результатам глобальных исследовательских проектов.

Ключевые слова: государство, информация, фабрика мысли, глобализация.

Gazizov R.R.,
*Ph.D., Associate Professor, Department of Criminology
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE OF CREATING THE LATEST INFRASTRUCTURE-ANALYTICAL SUPPORT OF THE INSTITUTIONS OF THE STATE

In this article, the author summarizes and analyzes the domestic and foreign experience of creating the latest infrastructure-analytical institutions providing state. In particular, the experience of the "homeland of think tanks" - USA. Ranked modern state "think tanks" on the results of global research projects.

Keywords: state information, think tank, globalization.

Понятие «аналитический» или «информационно-аналитический» центр появилось в научной литературе сравнительно недавно. Еще в 60-е годы мода на создание различных интеллектуально-корпоративных объединений проявлялась в конструировании разнообразных центров негуманитарного профиля - общество решало первичные задачи работы с информацией, в первую очередь цифровой. Ярким примером такого рода деятельности стали ВЦ - вычислительные центры - символы советской эпохи в 60-70-х гг. Создание аналитических центров проходит под влиянием западных образцов. Поэтому в словосочетании «аналитический центр» так легко узнается его не менее модный западный аналог «think-tank». «Мозговые» или аналитические центры, как институт современной политической системы, появились в Соединенных Штатах в начале XX столетия. Первые «мозговые центры» возникали как институты политических исследований. Так, в 1910 году был создан «Фонд Карнеги за международный мир»; в 1919 году – Гуверский институт при Стэндфордском университете; в 1916 году – Институт государственных исследований, предшественник Института Брукингса (основан в 1927 году) и другие организации [1, с.100].

Следующий шаг в развитии «мозговых центров» в США связан с появлением центров, работающих по контракту. Знаменитым центром «второго поколения» стала Корпорация «RAND». В 1970–1980 годы появляются «мозговые центры» «третьего поколения» – центры «адвокатского действия». В отличие от «мозговых центров» первых двух «поколений», аналитические центры «третьего поколения» акцентируют внимание не столько на проведении исследований, сколько на выявлении, защите и отстаивании интересов гражданского общества и широкой общественности перед другими субъектами политики – государством, политическими партиями, группами интересов. Ярким примером «мозговых центров» этого «поколения» считается Фонд «Наследие» (Heritage Foundation) [3, с. 186].

Сейчас аналитические центры предоставляют информацию и рекомендации для лиц, принимающих решения, являются одной из наиболее эффективных форм реализации системы поддержки принятия решений. Аналитические центры создаются в ответ на вызовы развития современного общества. Это новый инструмент управленческой деятельности, существенным достоинством которого является возможность применения в широком функциональном диапазоне. Предназначение этих организаций состоит в помощи управлению, вовлечению в процесс их разработки решений населения и институтов гражданского общества, развитии национального потенциала, использовании различного международного опыта.

Цель создания аналитических центров – содействие выработке и реализации эффективной политики, направленной на достижение устойчивого безопасного развития государства. Постановка анализа информации на

регулярную, промышленную основу – признак нового уровня зрелости организации и ее руководства. Развитие компьютерных информационных технологий стимулировало создание аналитических центров как формы поддержки принятия решений. В целом задачи, которые приходится решать аналитическому центру – содействие налаживанию отношений между государством, бизнесом, властью и обществом; обеспечение обновления кадров, внедрение нового типа лоббирования; мониторинг процедуры и практики концептуального контроля. Обратимся к проблеме генезиса аналитических структур в мире. Исследование проблемы аналитических центров, особенности их возникновения и функционирования являются актуальными проблемами в сфере теории государства и права, политики и общественных отношений.

Аналитические центры – это стратегический ресурс при принятии решений в управлении разными иерархиями. Современные аналитические центры – интеллектуальный ресурс, позволяющий оценивать сложные комплексные проблемы, с которыми сталкиваются лица, принимающие решения на различных уровнях управленческой иерархии [3, с. 3]. Историю экспертно-аналитических центров в нашей стране можно начинать с конца 1950-х – начала 1960-х годов. Тогда советское государство взяло курс на «освоение результатов научно-технической революции». Этот курс был продиктован внутренней модернизацией страны и необходимостью догнать западные государства, соответствовать другим государствам в научно-техническом плане. Политика экономического соревнования с Западом требовала детального изучения западной экономики и политики. При этом в советском обществе началась культурная модернизация. Правившая советская верхушка зачастую оказывалась в плену идеологических стереотипов, создававшихся по ее же инициативе для решения чисто прикладных задач». Возникла необходимость «подтянуть официальную идеологию к международному уровню и требованиям современности». Такая «служебная роль» закрепились за консультантами аппарата ЦК КПСС, затем за партийными аналитическими структурами.

В начале 1990-х годов в России стали возникать аналитические центры (АЦ) высокопоставленных правительственных фигур или VIP-центры, у истоков которых были представители политической элиты. Здесь наблюдается определенная преемственность: в СССР, например, ИСКАН создавался под Г. Арбатова, который был в хороших личных отношениях с одним из советских лидеров Ю. Андроповым. Новое лишь в том, что в советское время не создавали институтов под «отставников», а в начале 1990-х годов образованный под представителя элиты центр играет так же и роль «места почетной отставки» (фонды Горбачева и Бурбулиса). Создавались также центры, основатели которых использовали данную структуру для роста политического статуса (например, институт

Гайдара, центр Явлинского). Эти аналитические центры прямо или косвенно имели и имеют связи на уровне президентских и правительственных структур через личные каналы.

Имеются три группы аналитические центров. Первая – «частные» АЦ. Центры этой группы отличаются следующими особенностями: работа на контрактной основе, стремление к самоокупаемости, среди клиентов этих центров значительна доля бизнеса, стремление к диверсификации исследовательского продукта и клиентской базы. Примерами таких центров являются Фонд предпринимательских инициатив «Экспертиза», Центр политических технологий (ЦПТ), Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд «Общественное мнение» (ФОМ).

Вторую группу новых АЦ можно назвать государственными. Они финансируются государством, разделяют либеральные взгляды, имеют имидж центров «младореформаторов» и влияние на определенный сегмент политической элиты. Примеры: Рабочий центр экономических реформ при Правительстве Российской Федерации, Институт экономического анализа. И третья группа центров – исследовательские аналитические центры. Их отличает, во-первых, то, что основным направлением их работы являются исследования. Во-вторых, академичность – аналитические продукты таких АЦ носят менее прикладной характер, в отличие от чисто прикладных, исследовательские АЦ имеют связи с наукой и известными учеными в области теории государства и права. В-третьих, здесь преобладают такие источники финансирования как иностранные гранты. Примеры: центр «Информатика для демократии» (центр ИНДЕМ), Российский общественно-политический центр (РОПЦ, с 1995 года), Международный фонд экономических и социальных реформ (Фонд «Реформа»).

Экспертно-аналитические центры (Think Tanks) как публичные институты, осуществляющие исследовательскую и консультационную деятельность по государственным контрактам, преимущественно в области политического производства и оценки возможных социально-экономических последствий политических решений. Интеллектуальная продукция этих организаций – прикладная политическая экспертиза, исследования и аналитика, а также фундаментальные теоретические труды по принятию научно-обоснованных решений государственными и общественными деятелями. Многие американские исследователи видят в использовании научно-идеологического сообщества и экспертно-аналитических центров одну из наиболее важных основ внешнеполитических успехов США в XX веке. В российской правовой науке начинает использоваться три наименования экспертно-аналитических центров: «мозговой центр», «мозговой трест» и «фабрика мысли».

Современное состояние государства и права требует от организаций – как и государственных, так и коммерческих – способности четко реаги-

ровать на изменение ситуации и в любой момент получать полную информацию о собственном состоянии. Адекватная оценка происходящих изменений становится сегодня основным фактором в различных областях правовой деятельности, которая во многом обеспечивается использованием исследований аналитических центров.

В настоящее время только организационный потенциал совместно с информационно-аналитическими ресурсами способен в полной мере интегрировать все ресурсы государства и общества и успешно решить стоящие перед ним проблемы. Существует необходимость в неправительственных аналитических центрах. Эти центры, имеющие кредит гражданского доверия, могут служить своеобразным «интеллектуальным мостом» над пропастью между властью и обществом. Аналитические центры – не только посредники между интеллектуальной средой и госаппаратом, но и инструмент гражданского контроля, инициатор публичного обсуждения острейших внутренних и внешних проблем, стоящих перед государством.

Неправительственные аналитические центры выступают генераторами новых идей для государства и власти, предлагая аналитическую продукцию, инновационные решения, механизмы их реализации, при этом используя для их разработок внебюджетные средства – государство имеет возможность привлечь дополнительный интеллектуальный ресурс без затрат. Представители аналитических центров участвуют в группах по разработке важных государственных нормативных документов. Неправительственные аналитики входят в общественные экспертные советы при органах власти. Роль неправительственных аналитических центров растет именно сейчас, в период глубинных внутренних трансформаций, когда власть, испытывающая дефицит новых идей и решений, объективно нуждается в интеллектуальной подпитке [3, с. 6].

Глобальный исследовательский проект по изучению экспертно-аналитических организаций и их роли в государственной политике и развитии гражданского общества инициирован в 2008 году. Авторы проекта считают, что данная инициатива закладывает основу для международных совместных усилий, направленных на создание региональных и глобальных сетей правовых и политических институтов. Это уменьшит разрыв между научными знаниями и политикой, повысит эффективность политических усилий в различных сферах общественной жизни. В настоящее время рейтинг является единственным официально признанным ООН показателем качества работы соответствующих организаций.

Рейтинг 2013 года, например, основан на анализе деятельности 6 826 организаций из 182 стран мира. 1947 аналитических центров прошли предварительный отбор и были распределены по 47 категориям в зависимости от региональной принадлежности, направлений деятельности, влиятельности и других критериев. По итогам исследования ведущими ана-

литическими центрами мира названа 171 организация. В общей работе над рейтингом приняли участие более 1950 экспертов со всего мира.

Региональное распределение рейтинга выглядит следующим образом: в Северной Америке базируются 1984 организации, в Европе – 1881, в Азии – 1201, в Южной и Центральной Америке – 662, в Африке южнее Сахары – 612, на Ближнем Востоке и в Северной Африке – 511, в Океании – 38. В десятку стран с наибольшим количеством аналитических центров вошли Соединенные Штаты (1828 центров), Китай (426), Великобритания (287), Индия (268), Германия (194), Франция (177), Аргентина (137), Россия (122), Япония (108), Канада (96) и Италия (89) [5].

Первое место в рейтинге ведущих экспертно-аналитических центров мира занимает Институт Брукингса (Brookings Institution) – американский исследовательский институт. Brookings Institution удерживает пальму первенства в вопросах национальной и глобальной экономики, внешней политики и международных отношений, образования, международного развития и социальной политики. Институт основан в 1916 году американским бизнесменом Робертом Брукинсом (Robert S. Brookings) под названием «Институт правительственных исследований» (Institute for Government Research). Институт Брукингса базируется в Вашингтоне, Округ Колумбия. Годовой бюджет организации составляет более \$ 60 млн. Спонсорами Института являются Pew Charitable Trusts, Фонд Макартуров (MacArthur Foundation), Корпорация Карнеги (Carnegie Corporation), а также правительства США, Японии и Великобритании. Это один из наиболее важных аналитических центров США, который специализируется на общественных науках, муниципальном управлении, внешней политике и мировой экономике. Именно эта организация оказывает наибольшее воздействие на государственную политику США.

В России эксперты насчитали 122 организации, которые отвечают критериям включения в рейтинг, однако в самом исследовании упомянуты лишь некоторые из них. В глобальный рейтинг 150 ведущих экспертно-аналитических центров вошла только четыре организации, причем российское происхождение одной из них можно считать весьма условным: Московский центр Карнеги, который занимает 28 место. Еще три российские организации заняли в главной номинации следующие места: Институт мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук (ИМЭМО РАН) – 32 место, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) – 98, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) – 100. Московский центр Карнеги занимает второе место в локальном рейтинге 60 лучших аналитических центров Центральной и Восточной Европы. В этот список также входят ИМЭМО, занявший четвертое место, МГИМО – пятое, Центр экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР) – шестое, Неза-

висимый институт социальной политики – 21, Научно-исследовательский институт изучения Соединенных Штатов Америки и Канады Российской Академии Наук – 27, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Институт Гайдара) – 32, Экономическая экспертная группа (ЭЭГ) – 34, Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» – 38, Институт по вопросам безопасности и международных исследований – 56, Институт общественной политики – 58, Российский совет по международным делам (РСМД) – 60.

На сегодняшний день, когда раскручивается новый виток геополитических противоречий и столкновений между государствами, «фабрики мысли» могут оказаться на передовых рубежах и позициях. Россия пошла по дороге создания собственных структур аналогичного толка. Особенно актуально создание таких центров в области теории развития государства и права на основе компьютерного мониторинга и анализа современного состояния гражданского общества. Это будет определять политику современного Российского государства.

Пристатейный библиографический список

1. Диксон П. Фабрики мысли. – М.: АСТ, 2004. – 512 с.
2. Милехин А. Социология, как и пресса должна быть независимой... // Аргументы недели. 2008. № 6.
3. Нарочницкая Н. «Аналитические институты» – глаза, уши и мозг Америки // Наш современник. 2004. № 3.
4. Филиппов В.А. Аналитические центры – стратегический интеллектуальный ресурс. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 104 с.
5. The Think Tank Index: Рейтинг экспертно-аналитических центров мира 2013 года. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 2014.01.24. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/01/24/6592> (дата обращения: 20.10.2014).

© Газизов Р.Р., 2015

*Галикеева И.Г.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
Института права БашГУ,
практикующий нотариус,
г. Уфа, Россия*

НОТАРИАТ РОССИИ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Процесс становления нотариата в России заняло большое количество исторического времени. При этом зарождение отечественной нотариальной службы было обусловлено объективными причинами: необходимостью удостоверения, свидетельствования, подтверждения и правового закрепления собственности и документов. В каждом из исторических периодов в государственно-правовом развитии России нотариат выполнял присущие только для него задачи.

Ключевые слова: государственно-правовое развитие страны, нотариат, собственность, документ.

*Galikeeva I.G.,
PhD, Associate Professor,
Department of Civil Procedure Law Institute BSU,
practicing notary,
Ufa, Russia*

NOTARY RUSSIA AS AN INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY

The process of becoming a notary in Russia took a large amount of historical time. In this case, the origin of the domestic notary service was due to objective reasons: the need for identity, testimony, validation and legal consolidation of property and documents. In each of the historical periods in the development of state-legal Russian notaries perform unique to task for it.

Key words: state-legal development of the country, notaries, property, the document.

С того момента, когда возникли материальные ценности, и особенно тогда, когда появились документы, которые могли доказать наличие и принадлежность собственности, появилась необходимость выполнения определенных действий, обеспечивающих их удостоверение, свидетельствование, подтверждение и правовое закрепление. Таким образом, по-

явился нотариат, как особая «система органов, назначение которых состоит в совершении специальных, предусмотренных законом действий, направленных на закрепление (удостоверение) бесспорных фактов и прав в целях придания им юридической достоверности» [1, с. 180].

В России взаимоотношения государства с нотариальными органами вплоть до XIX века не были урегулированы. Однако, начиная уже с середины XIX столетия, Российское законодательство различало предназначение действия нотариата от своего имени и от имени государства, а также характеризовало обязательство перед государством и лицами, которые к нему обратились. Решение реформировать всю систему нотариата стало необходимым следствием реформы судебной системы, оставление же ее в ее прежнем состоянии оказалось бы несовместимым с новой концепцией судостройства, что и стало причиной реформации нотариата [2, с. 369]. Идея радикальных преобразований нотариата была вызвана объективными причинами развития экономической и политической жизни России. К апрелю 1866 года было выработано «Положение о нотариальной части», обособившее и законодательно закрепившее наличие в России нотариата, его структуры, правового статуса, задач и компетенции [3, с. 26].

Государственный Совет 15 ноября 1857 года приступил к обсуждению проекта устава гражданского судопроизводства, при этом был поставлен вопрос, касающийся изъятия нотариальной части из ведомства судов. Однако вплоть до 1862 года основное внимание законодателя было сосредоточено на реформе судебной системы, а о нотариате речь шла лишь как об институте, который не вписывается в новую систему судостройства. Мнение о том, что решение реформировать нотариат возникло несколько случайно [4, с. 51], нам представляется ошибочным, на наш взгляд, необходимость в коренных преобразованиях была вызвана изменениями в политической, экономической и социальной жизни того времени. Общеизвестно, что к середине XIX столетия нотариальное дело стало привлекать не только государство, но и судебные учреждения, а также людей, заинтересованных в защите своих личных прав и интересов, и таким образом, возникла проблема определения принадлежности нотариусов к государственным служащим и оплаты их деятельности. Первоначальный проект «Положения» 1863 года предполагал, что нотариусы считались государственными служащими, но без права на производство в чины и без права на пенсию. Государственный Совет же постановил считать нотариусов государственными служащими, не имеющими права на пенсию, тем не менее, таковые получали жалование как плату в свою пользу за свои действия, что основывалось на добровольном соглашении с лицом, которое к нотариусу обратилось.

Нотариусу как органу публичной власти и деятельности, который занимался от лица государства составлением и засвидетельствованием

юридических актов, предоставлялось достаточно большое по объему количество правомочий, привилегий и, соответственно, обязанностей. За длительную службу более 35 лет нотариус имел право быть награжденным орденом св. Анны и Владимира [5, с. 263]. В то же время нотариус не мог быть присяжным заседателем или адвокатом, а право выбора места нотариальной конторы оставалось за ним самим. К обязанностям относилось внесение залога в окружной суд, размер которого определялся Министерством юстиции. О внесении залога нотариус получал расписку с подписью председателя и секретаря окружного суда. «Положение» обязывало всех нотариусов неукоснительным образом соблюдать указы окружных судов, регулировавших распорядок и делопроизводство нотариальных работников, а также порядок ведения отчетности нотариуса. Округ нотариуса представлял собой территорию, на которую распространялась подсудность окружного суда, при котором нотариус состоял. В округ входила территория нескольких уездов, там же нотариусу определялось местонахождение его конторы. Таким образом, появление нотариальной функции было вызвано развитием и расширением экономической деятельности, активным ростом гражданско-правовых отношений и потребностью в профессиональном составлении правовых актов, оказании юридической помощи населению. Нотариальная деятельность развивалась и становилась неотъемлемой частью функционирования гражданско-правового оборота [6, с. 83]. «Положение о нотариальной части» впервые на законодательном уровне четко и закрепило и сформулировало основные начала существования и деятельности российского нотариата, дав определение нотариальной тайне, нотариальному округу. Впервые на законодательном уровне были установлены четкие формы всех нотариальных актов и правила их составления, что способствовало восполнению многочисленных пробелов, существовавших в нотариальной практике до принятия первых законодательных актов о нотариате.

Февральская демократическая революция 1917 года не изменила систему нотариата, сложившуюся к началу XX столетия. И лишь последовавшая затем октябрьская революция 1917 года изменила историческую традицию преемственности в деятельности российского нотариата. В результате отмены частной собственности существенно изменился правовой статус нотариата, поскольку в отношении большинства объектов гражданско-правовые сделки гражданами не заключались, его роль в жизни советского общества значительно снизилась, а со временем нотариальные конторы прекратили свою деятельность, и вовсе были ликвидированы. Часть нотариальных действий стали осуществлять отделы Советов. И только через четыре года, а именно 4 октября 1922 г. было принято Положение о государственном нотариате РСФСР. Новый нотариат стал

институтом, призванным функционировать в условиях перехода от капитализма к социализму [7, с. 385].

В 1923 году было введено новое Положение о государственном нотариате, которое значительно расширило круг полномочий нотариальных контор и согласовало эти полномочия с предписаниями гражданского законодательства. Первым общесоюзным актом явилось постановление ЦИК и СНК СССР 14 мая 1926 г. «Об основных принципах организации государственного нотариата». На основе этого постановления были изданы положения о нотариате, действовавшие во всех союзных республиках.

Данное постановление возложило надзор и руководство нотариатом на Министерство юстиции СССР, назначение на должность и увольнение с таковой относилось к компетенции начальников управлений юстиции при областных (краевых) Советах депутатов трудящихся. Положение стало первым законодательным актом, который изъял нотариат из-под контроля судов, тогда как руководящими органами для нотариата стало Министерство юстиции и его подразделения.

Деятельность нотариусов оплачивалась государством, а для того, чтобы стать нотариусом нужно было юридическое образование и юридический стаж не менее трех лет. Нововведением нотариального законодательства советского государства стали Первые государственные нотариальные конторы, которые учреждались в республиканских, краевых, областных центрах. Они возглавлялись старшим нотариусом, могли совершать любые действия, среди которых основными являлись сложные дела. Деятельность нотариальных контор способствовала единству нотариальной практики, обобщения практики, которые проводились первыми нотариальными конторами, должны были быть доведены до сведения всех нотариусов края, области или автономной республики. Ко времени принятия крупного законодательного акта советского периода - Закона СССР «О государственном нотариате» в 1937 года в СССР действовало свыше двух тысяч государственных нотариальных контор [8, с. 11]. Новый закон расширил количество исполнительных органов, которые руководят нотариальной деятельностью. На данном этапе развития нотариата еще был низок уровень обслуживания населения, не уделялось должное внимание к рассмотрению заявлений и жалоб граждан на деятельность нотариальных контор. Нотариат в классическом виде в Российской Федерации был возрожден в 1993 г. С принятием Основ законодательства РФ о нотариате открылась возможность существования нотариусов, занимающихся частной практикой. Государственный нотариат в Российской Федерации по характеру задач и функции не отличается от классического нотариата.

Тем не менее, отличия государственного нотариуса от частного заключаются в организации его деятельности, поскольку государственные нотариусы не несут полной материальной ответственности за законность

совершаемых нотариальных действий. Они находятся на бюджетном финансировании, не заинтересованы напрямую в обслуживании большего числа клиентов [9, с. 22]. Развиваясь в России как институт гражданского общества, нотариат выполняет свои функции самостоятельно. В то же время он является инструментом публичной власти. В такой ситуации необходим баланс интересов общества, государства и института нотариата как уполномоченного государством института предупреждения нарушений при реализации гражданских прав.

С момента принятия и введения в действие «Основ о нотариате» прошло более 20 лет. За этот период благодаря «Основам о нотариате» в России создан не бюджетный нотариат латинского типа, при котором нотариус, осуществляя нотариальную деятельность на принципе самофинансирования, выполняет публично-правовые функции под личную ответственность за совершение нотариальных действий и содержание нотариальной конторы. Сформировавшаяся система нотариата была взята за основу построения деятельности других профессиональных сообществ: адвокатов, арбитражных управляющих, оценщиков, страховщиков и др. Таким образом, практически полностью решены проблемы по удовлетворению потребностей участников гражданских правоотношений в нотариальных услугах, а профессия нотариуса стала престижной и востребованной [10].

Пристайейный библиографический список

1. Иванов А.А. Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия / автор-составитель А.А. Иванов. – М.: Экзамен, 2006.
2. Кармишев С.М. К вопросу о развитии нотариата в России // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2.
3. Ахмедов Ч.Н. Положение о нотариальной части 1866 года как нормативное основание функционирования нотариата во второй половине XIX- начале XX века // История государства и права. 2007. № 8.
4. Заломов В.А. Временное положение о нотариальной части 1866 г. в системе источников права Российской Империи // Евразийский юридический журнал. 2012. № 1 (44).
5. Демина Н.В. Развитие правового регулирования нотариальной деятельности на современном этапе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 119.
6. Ярошенко Т.В. Нотариат в Российской Федерации: актуальные проблемы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 9.
7. Кулаковская А. А. Историческая характеристика становления контроля и надзора в сфере нотариата // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8.
8. Олейнова А.Г. История становления законодательства о нотариате в России: Автореф. дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2004.
9. Стещенко Л.А., Шамба Т.М. Нотариат в Российской Федерации: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
10. Сучкова Н.В. Нотариат: учебник для бакалавров. М., 2013.

© Галикеева И.Г., 2015

*Галимов Р.Р.,
кандидат юридических наук
Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Россия*

**ДОСТОИНСТВО КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
ОХРАНЫ В РАМКАХ СТАТЬИ 282 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ
ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ДОСТОИНСТВА»**

Выполнение поставленных перед правоохранительными органами задач требует точного применения уголовного законодательства. Только правильная квалификация преступлений экстремистской направленности будет способствовать дифференциации ответственности и индивидуализации наказаний за эти общественно опасные посягательства, повышению эффективности правовых мер борьбы с ними. Немаловажное значение в этом имеет правильное понимание и определение понятия «достоинство», так как статьей 282 УК РФ взяты под уголовно-правовую охрану не только общественные отношения в области обеспечения запрета на действия, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, но и общественные отношения, обеспечивающие достоинство человека либо группы лиц по указанным признакам.

Ключевые слова: достоинство, возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства.

*Galimov R.R.,
PhD in Law
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia*

**DIGNITY AS AN OBJECT OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION
UNDER ARTICLE 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION «INCITEMENT OF HATRED OR ENMITY, AS WELL
AS HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY»**

The performance of law enforcement tasks require precise application of criminal law. Only correct definition of the crimes of an extremist nature will contribute to the differentiation of the responsibility and individualization of penalties for these socially dangerous attacks, effectiveness of legal measures to combat them. An important difference in this case is a proper understanding and definition of "dignity", as article 282 of the Criminal code of the Russian

Federation under the criminal legal protection not only social relations in the sphere of ensuring the prohibition of the action, inciting social, racial, national or religious hatred and enmity, but also the social relationships underpinning the dignity of a person or group of persons named features.

Key words: dignity, incitement of hatred or enmity, abasement of human dignity.

В последнее время вопросам уголовно-правовой оценки деяний, отнесенных УК РФ к преступлениям экстремистской направленности, уделяется пристальное внимание. Понимание на высшем государственном уровне общественной опасности экстремизма выражается в признании этого социального явления в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, в качестве одного из основных источников угрозы национальной безопасности России.

В 2012 г. количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности выросло на 12% по сравнению с 2011 г. и составило 696. Характер совершаемых экстремистами деяний становится более дерзким, а причиняемый ими вред более ощутимым. Выступая 5 марта 2013 г. на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, посвященной итогам работы за прошлый год, Президент Российской Федерации В.В. Путин, обращаясь к прокурорам, призвал решительнее реагировать на любые попытки разжигания межнациональной и межрелигиозной вражды, на пропаганду ксенофобии и шовинизма.

Выполнение поставленных перед правоохранительными органами задач требует точного применения уголовного законодательства. Только правильная квалификация преступлений экстремистской направленности будет способствовать дифференциации ответственности и индивидуализации наказаний за эти общественно опасные посягательства, повышению эффективности правовых мер борьбы с ними [1, С. 95].

В данной работе хотелось бы уделить внимание понятию «достоинство» в рамках ст. 282 УК РФ. Первым обязательным (основным) непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выступают общественные отношения, связанные с конституционным строем в части обеспечения запрета на действия, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ), а в частности: действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Вторым обязательным непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие достоинство человека либо груп-

пы лиц по указанным признакам. Данные признаки являются основаниями для объединения людей в большие социальные группы, в связи с чем преступник, совершая преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, воздействует на целые расы, национальности, конфессии.

Достоинство человека представляет собой важнейшую социально-правовую ценность, утверждение и всесторонняя защита которой является фундаментом, на котором зиждется современное общество. Благодаря становлению и развитию демократических институтов уровень гарантированности их уважения и защиты постоянно возрастает, поэтому необходимо создание и закрепление на законодательном уровне качественно-го механизма обеспечения и защиты чести и достоинства личности.

Данным вопросам посвящено немало как общетеоретических, так и отраслевых работ. Мы согласны с позицией, что состояние современного законодательства в рассматриваемой области по-прежнему вряд ли можно признать удовлетворительным. «Показателем ущербности данного механизма является отсутствие нормативно закрепленного определения понятия «достоинство» [2, с. 1]. Как отмечает Н.А. Придворов, «категория «достоинство», будучи предельно общим понятием, закрепленным в границах отраслевого и конституционного законодательства, относится к достаточно сложному и многогранному общественному явлению. Оно является чрезвычайно широким, богатым по содержанию и глубоко диалектическим по своей природе понятием» [3, с. 14].

Понятие «достоинство» в юридической литературе определяется по-разному, но в большинстве источников информации отмечается, что достоинство – это самооценка человеком своих качеств, мировоззрения, своего места в обществе, общественного значения [4, с. 120; 5, с. 231]; осознанный лицом и окружающими факт обладания человеком некой совокупностью нравственных и интеллектуальных качеств [6, с. 202; 7, с. 95]; осознание человеком своей ценности, а также значимости социальных групп, в которые он входит [8, с. 84]; самооценка лицом своего положения в обществе и требование уважения к себе как личности со стороны окружающих [9, с. 48].

В понятии достоинства следует выделять объективный момент (признание ценности личности) и субъективный момент, т.е. чувство и осознание своей нравственной ценности.

Объективный компонент включает следующие аспекты:

- 1) человеческое достоинство, ценность человека вообще независимо от его конкретных качеств и особенностей (общественного положения, профессии, национальности, цвета кожи и т.д.);
- 2) личное достоинство, под которым понимается ценность конкретного человека;

3) достоинство человека как представителя определенной социальной группы и т.п. (например, национальное достоинство, достоинство педагога, достоинство судьи, достоинство женщины).

Субъективный компонент достоинства есть осознание индивидом своей ценности как человека вообще, конкретной личности, представителя определенной социальной группы (класса, нации и т.д.). Внутренняя (субъективная) сторона достоинства связана также со способностью поступать в соответствии с принятыми в обществе моральными требованиями и нормами, т.е. связана с чувством и осознанием своей моральной ценности и полезности обществу. Эта сторона обуславливается способностью человеческого сознания отражать не только объективный мир, но и самого себя, свое место и значимость в этом мире [2, с. 23].

В заключении необходимо отметить следующее. Преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ посягает именно на межгрупповой уровень общественных связей и отношений, не имея определяющей персонафицированной направленности. Информация, направленная на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, прежде всего, наносит моральный ущерб представителям данной национальной, расовой, религиозной группы, унижает их честь и достоинство личности. Требуется выработка единой позиции относительно понятия «достоинство» по той простой причине, что полноценная реализация охраны и защиты какого бы то ни было блага или права, в том числе достоинства, невозможна без четкого понимания их сущности.

Пристатейный библиографический список

1. Кунашев А.А. Актуальные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности // Прокурор. 2013. № 2.
2. Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12.
3. Придворов Н.А. Институт достоинства личности в советском праве: Автореф. дис. ... д.ю.н. – Харьков, 1986.
4. Уголовное право России: учеб. для вузов. В 2 т. Т. 2 Особенная часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1999.
5. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002.
6. Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002.
7. Уголовное право России. Часть Особенная: учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2004.
8. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 2005.
9. Кораблев Р.Н., Поезжалов В.Б., Хусаинов Р.Р. Спорные вопросы отграничения состава оскорбления от смежных и специальных составов преступлений // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 1.

© Галимов Р.Р., 2015

*Гафарова Г.Р.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства
и права и публично-правовых дисциплин
Института экономики, управления и права,
г. Казань, Россия*

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОНИТОРИНГА ЦЕН

Автором анализируются особенности мониторинга цен в механизме финансовой деятельности государства; раскрывается роль ценового мониторинга в современных условиях; обосновывается вывод о необходимости мониторинга цен в целях осуществления финансового контроля.

Рассматривается важность ценового мониторинга и публичный характер его осуществления. Наблюдение за изменением цен, тарифов, стоимости на важнейшие природные ресурсы, услуги, работы и товары позволяет выявить закономерности и тенденции их влияния на социально-экономические процессы, уровень жизни и бедности в стране. Ценовой мониторинг способствует проведению мероприятий финансового контроля, обеспечивает информацией, способствующей государству принимать управленческие решения в сфере публичных финансов, направленные на эффективное перераспределение финансовых ресурсов и расходование бюджетных средств.

Ключевые слова: цена, информация, финансовая система, мониторинг, финансовый контроль.

*Gafarova G.R.,
PhD, Associate Professor of Theory of State
and law and public law subjects
Institute of Economics, Management and Law,
Kazan, Russia*

FINANCIAL AND LEGAL FEATURES OF PRICE MONITORING

The author analyzes the features of price monitoring mechanism in the financial activities of the state; explores the role of price monitoring in modern conditions; The conclusion about the need to monitor prices for the implementation of financial controls.

Discusses the importance of price monitoring and public nature of its implementation. Observation of changes in prices, tariffs, hundred-mostly the

most important natural resources, services, works and goods poses Wola identify patterns and trends in their impact on the socio-economic processes, standard of living and poverty in the country. Price monitoring contributes to the activities of financial control, provides information enabling the State Primmer managerial decisions in the field of public finance, directed-WIDE an effective redistribution of financial resources and expenditures, availability of budget funds.

Key words: price, information, financial system, monitoring, financial control.

Наблюдение за изменением цен и тарифов позволяет выявить закономерности и тенденции их влияния не только на социально-экономические процессы, уровень жизни и бедности в стране, но и на стабильность и устойчивость финансовой системы. Причем только с помощью такого измерителя, как цена, можно определить величину внутреннего валового продукта, внешнеторгового оборота и других стоимостных показателей. Кроме того, цена не просто учитывает затраты и результаты. Цена является носителем важнейшей информации о затратах и результатах, на основе которой участники рыночных процессов могут принимать оптимальные экономические решения.

На основе базовых положений теории финансового права о регулировании формирования, распределения и использования денежных фондов государства, функционирования финансовой системы в увязке с позициями ученых, можно выявить особенности стоимостных (ценовых) критериев основных категорий финансового права, сведения о которых дают основания считать ценовой мониторинг сбором и обработкой информации для улучшения финансово-правового механизма функционирования финансовой, бюджетной и денежной систем. Например, важность рассмотрения стоимостных (ценовых) показателей расчетов доходов и расходных статей бюджетов обуславливают анализ вопросов мониторинга государственных и муниципальных закупок, который представляет собой систему наблюдений в сфере закупок, осуществляемых на постоянной основе посредством сбора, обобщения, систематизации и оценки информации об осуществлении закупок, в том числе реализации планов закупок и планов-графиков (ст. 97 Федерального закона №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

Следует указать, что мониторинг закупок осуществляется в целях:

1) оценки степени достижения целей осуществления закупок. Укажем, что в ст. 13 вышеуказанного закона в числе прочих целей осуществления закупок закреплена такая цель как выполнение функций и полномочий государственных органов Российской Федерации, органов управ-

ления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, государственных органов субъектов Российской Федерации, органов управления территориальными внебюджетными фондами, муниципальных органов;

2) оценки обоснованности закупок. В соответствии со статьей 18 закона при формировании плана-графика обоснованию подлежит начальная (максимальная) цена контракта;

3) совершенствования законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок.

Поскольку государственные закупки занимают столь значительное место в затратной части бюджета страны, то вопросы ценового регулирования и мониторинга обуславливают необходимость правового воздействия на возникающие в данной сфере отношения. При этом, существующая методология формирования прогноза государственных закупок требует также необходимости обеспечения соответствия прогноза бюджетным заявкам на выделение средств для оплаты поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, в случае если такие бюджетные заявки разрабатываются. Как указывают специалисты «Важнейшим элементом составления прогноза является определение прогнозных цен на продукцию, работы, услуги. Существуют два основных принципиальных подхода – это исследование рынка закупаемой продукции и индексирование затрат с учетом различных индексов инфляции. ...вопросы оптимизации бюджетных расходов системы государственных заказов и закупок крайне актуальны, и работа в этом направлении должна быть построена на следующем:

- взаимной увязке процесса построения формирования государственных заказов и закупок с бюджетным процессом. При этом приоритетные государственные нужды должны быть отражены в документах, обеспечивающих бюджетный процесс;

- повышении качества прогнозирования расходов бюджета для государственных нужд, использовании ценового мониторинга как инструмента прогнозирования цен при формировании бюджета закупок. ...» [1, с. 21].

Цена – это форма выражения ценности благ, проявляющаяся в процессе их обмена. В такой формулировке существуют два основных акцента. Во-первых, подчеркивается непосредственная связь цены товара с ценностью, полезностью, которой он обладает как объект потребления. Во-вторых, согласно такой трактовке цена товара проявляется как экономическая сущность только в условиях его обмена на деньги или другой товар. Так что вне рынка, без купли – продажи о цене говорить не приходится, цену способен установить только рынок [2, с. 318].

Следовательно, ценовой мониторинг в условиях рыночных отношений обеспечивает сбор фактической информации о росте и состоянии цен, в

системе показателей денежной политики государства, что в свою очередь позволяет оценить сведения относительно влияния инфляционных процессов на движение денежных потоков в стране. А это в свою очередь позволяет непосредственно использовать данную информацию в системе денежной политики в целях защиты и укрепления национальной валюты.

Экономисты справедливо указывают, что денежный поток – это результат хозяйственной деятельности, выражаемый в поступлении, распределении и расходовании денежных средств, зависящий от многофакторной внешней и внутренней среды хозяйствующего субъекта [3]. Таким образом, качественная характеристика денежного потока, в нашем случае так называемая «стоимостная», отражает стабильность или нестабильность рубля, что в свою очередь показывает конечный положительный или негативный результат деятельности государства в указанной сфере, его органов и банковской системы. По мнению авторов учебника «Курс экономики» цена есть объективная категория, ее величина обусловлена действием законов спроса и предложения, денежного обращения. «Если навязывать экономике «правильные», «хорошие», «нужные», «справедливые» цены, нарушать объективные экономические законы, хозяйственная ситуация отреагирует на подобные действия инфляцией, спекуляцией, социальной несправедливостью, принудительным распределением, выгодой для одних и потерями для других. В то же время не представляется возможным полностью избежать регулятивного воздействия государства на цены, ценовой механизм, ценовую политику» [2, с. 321].

Любой вид управления включает осуществление контроля за деятельностью определенной группы людей, явлений, процессов. Ослабление контрольной функции приводит к формализму осуществления управления. Таким образом можно сделать вывод, что ценовой мониторинг способствует проведению мероприятий финансового контроля, обеспечивает информацией, необходимой государству для принятия им же управленческих решений в сфере публичных финансов, направленных на эффективное перераспределение финансовых ресурсов и расходование бюджетных средств.

Вместе с тем, как пишет В.П. Орешин, одним из основных элементов рациональной государственной политики, на который не обращают, к сожалению, достаточного внимания политические и государственные руководители, является оценка проделанного. Без этого снижается эффективность всей государственной политики, и более того – без оценки предыдущей работы крайне затруднительно разрабатывать будущую стратегию и регулировать государственные программы [4, с. 78]. Следовательно, ценовой мониторинг с одной стороны, позволяет оценить стоимостные показатели в системе денежного обращения, с другой, в целях стабилизации ценовой ситуации на внутреннем рынке, «подстегивает»

управленческую деятельность уполномоченных органов для принятия мер предупреждающих и сдерживающих нестабильное положение цен и национальной валюты.

Таким образом, ценовой мониторинг в системе комплексного наблюдения за процессом движения денежных потоков (средств) позволяет получить важнейшую информацию о функционировании финансовой системы, ее звеньев, а также обеспечивает оценку и прогноз изменений, тенденций системы формирования, распределения и расходования доходов бюджетов государства. Кроме того, цена оказалась таким параметром, от которого во многом зависит благополучие национальной валюты.

Ценовой мониторинг позволяет выявить финансовую стратегию страны на длительный период, стоимостные оценки и прогноз позволяют определить объемы доходной части бюджета не только государства, но налогоплательщиков, граждан – хозяйствующих субъектов. Информация о ценах, как уже было отмечено, относится к категории социально значимой информации и функционирует в основном, в режиме публичного права, ценовой мониторинг ориентирован на обеспечение системы сбора и обработки стоимостных показателей бюджетного процесса, налоговой политики, денежной системы.

По мнению Дж. Кейнса, учреждение централизованного контроля, необходимого для стабильной экономической деятельности, требует значительного расширения традиционных функций правительства. По мнению ученого, «необходимо обратить внимание на различные условия, в которых свободная игра экономических сил нуждается в руководстве. ...поэтому, хотя расширение функций правительства показалось бы ...ужасающим покушением на основы индивидуализма, я, наоборот, защищаю его как условие для успешного функционирования личной инициативы» [5, с. 302]. Полагаем, необходимым применение кейнсианского подхода и к вопросам ценового мониторинга в системе финансовой деятельности государства.

Ценовая стратегия любого хозяйствующего субъекта, в том числе и государства, на относительно длительный период служит основой принятия решений в отношении стоимости тех или иных товаров, работ, услуг, ресурсов. Причем, важность ценового мониторинга и публичный характер его осуществления обуславливает необходимость эффективной организации системы ценовой информации на уровне органов государственного управления для достижения основной цели мониторинга цен – прогнозирование социально-экономического состояния уровня жизни населения. Наблюдение за изменением цен, тарифов, стоимости на важнейшие природные ресурсы, услуги, работы и товары позволяет выявить закономерности и тенденции их влияния на социально-экономические процессы, уровень жизни и бедности в стране. Ценовой мониторинг способ-

ствуует проведению мероприятий финансового контроля, обеспечивает информацией, способствующей государству принимать управленческие решения в сфере публичных финансов, направленные на эффективное перераспределение финансовых ресурсов и расходование бюджетных средств.

Пристайный библиографический список

1. Набиев Р.А., Арыкбаев Р.К. Повышение эффективности бюджетных расходов системы государственных заказов и закупок // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2008. №15 (207).
2. Курс экономики: учебник / Под ред. проф. Б.А. Райзберга. М., 2006.
3. Кокин А.С., Покровский Н.Ю. Методика анализа чистого денежного потока в условиях дефицита денежных средств // Аудит и финансовый анализ. 2010. №3. URL: <http://www.auditfin.com/fin/2010/3/03> (дата обращения: 5.11.2013)
4. Орешин В.П. Система государственного и муниципального управления: учебное пособие. М., 2011.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Петрозаводск, 1993.

© Гафарова Г.Р., 2015

УДК 349

Диваева И.Р.,

*кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического институт МВД России*

Николаева Т.В.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного права
и криминологии Уфимского юридического институт МВД России,
г. Уфа, Россия*

ОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТИ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ

В представленной статье рассматриваются вопросы толкования таких оценочных категорий состава ст. 125 УК РФ как опасное для жизни и здоровья состояние лица и заведомое оставление без помощи, вопросы толкования раскрываются авторами с позиции теории уголовного права, кроме того на примере конкретных судебных решения авторы акцентируют внимание на спорных моментах квалификации по признакам состава «Оставления в опасности», в частности, речь идет о конкретизации угрозы возможного причинения вреда здоровью, которая может охватываться ст. 125 УК РФ, квалификация в случае, если опасное для жизни и здоровья состояние потерпевшего явилось результатом умышленных действий (бездей-

ствия), за которое законом установлена уголовная ответственность, а также вопросы квалификации в случае, если опасное для жизни и здоровья состояние потерпевшего явилось результатом неосторожных действий (бездействия), на примере состава ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств».

Ключевые слова: оставление в опасности, опасное для жизни и здоровья состояние, заведомое оставление без помощи лица, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Divaev I.R.,

PhD, Associate Professor,

Head of the Department of Criminal Law and Criminology

Ufa Law Institute of the Russian Interior Ministry

Nikolaev T.V.,

PhD, Associate Professor,

Deputy Head of the Department of Criminal Law

Criminology and Law Institute of the Ministry of Interior, Ufa Russia,

Ufa, Russia

LEAVING IN DANGER: THE CONTROVERSIAL QUESTIONS OF INTERPRETATION AND QUALIFICATION

In the present article deals with the interpretation of such valuation categories of art. 125 of the Criminal Code as dangerous to life and health condition of a person and knowingly leaving without help, questions of interpretation are revealed by the authors from the perspective of the theory of criminal law, in addition to the specific example of judicial decisions the authors focus on the controversial moments of qualification on the grounds of "abandonment in danger" in particular, it is a specification of the threat of possible damage to health, which may be covered by Art. 125 of the Criminal Code, qualification, if dangerous to life and health condition of the victim was the result of intentional actions (or inaction), for which the law establishes criminal liability, as well as questions of qualification if dangerous to life and health condition of the victim was the result of careless actions (or inaction) on the example of Art. 264 of the Criminal Code "Violation of traffic rules and operation of vehicles."

Key words: abandonment in danger, danger to life and health condition, without the aid of deliberate abandonment of the person, the violation of traffic rules and operation of vehicles.

Согласно ст. 125 УК РФ оставление в опасности – это заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни и здоровья состоянии, и лишенного возможности принять меры к самосохранению

нению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни и здоровья состояние.

Применение указанной нормы уголовного закона обусловлено рядом проблем, которые в первую очередь обусловлены имеющимися оценочными категориями, доктринальное толкование которых представлено в теории уголовного права. Это касается таких категорий как опасное для жизни и здоровья состояние лица и заведомое оставление без помощи.

Опасное для жизни и здоровья состояние традиционно определяется наличием угрозы для жизни и здоровья потерпевшего. Причем конкретизация угрозы возможного причинения вреда здоровью преимущественно сводится как к тяжкому вреду, так и средней тяжести [1, с. 90; 2]. В качестве противоположной точки зрения существует мнение о наличии угрозы причинения только тяжкого вреда здоровью, поскольку «интенсивность воздействия факторов опасности должна быть достаточно высокой, чтобы создавать реальную угрозу наступления смерти или причинения вреда здоровью. Представляется, что исходя из смысла закона, речь должна идти лишь об угрозе наступления тяжкого вреда здоровью, поскольку даже умышленные действия, создающие угрозу причинения средней тяжести здоровью, не влекут уголовной ответственности. В силу этого оставление лица, лишенного способности принять меры к самосохранению, в состоянии, угрожающем наступлением средней тяжести вреда здоровью, не может квалифицироваться по ст. 125 УК РФ» [3]. Отсутствие в законе конкретизации опасного для жизни и здоровья состояния потерпевшего порождает неоднозначное толкование, в связи с чем представляется допустимым определение такого состояния как угрожающего причинением вреда здоровью любой тяжести, поскольку она должна определяться с учетом конкретных обстоятельств дела и как правило может иметь не конкретизированный умысел на возможное причинение вреда в следствии оставления в опасности. Фактически же причиненный вред здоровью находится за гранью применения исследуемой нормы.

Оставление в опасности предполагает в качестве обязательного признака – заведомость, т.е осознание того, что самим фактом оставления в опасности лицо ставит в опасность жизнь и здоровье потерпевшего и желает оставить его в опасном для жизни и здоровья состоянии. В случае оставления в опасности, сопровождающееся предвидением реальной возможности или неизбежности наступления смерти либо причинения конкретного вреда здоровью и желания или сознательного допущения (безразличного отношения) таких последствий подлежит квалификации как убийство или умышленное причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью. Следовательно, если опасное для жизни и здоро-

вья состояние потерпевшего явилось результатом умышленных действий (бездействия), за которое законом установлена уголовная ответственность, самостоятельная квалификация по ст. 125 УК РФ недопустима. Несмотря на устоявшуюся в теории уголовного права позицию по этому вопросу, в судебной практике встречается квалификация умышленных преступлений в совокупности со ст. 125 УК РФ. Так, приговором Учалинского районного суда Республики Башкортостан К. признана виновной в разбое, т.е. в нападении в целях хищения имущества А., с применением насилия, опасного для его здоровья, с незаконным проникновением в жилище, в заведомом оставлении без помощи потерпевшего А., находящегося в опасном для жизни состоянии, когда имелась возможность оказать ему помощь, при следующих обстоятельствах, изложенных в приговоре. К., чтобы занять деньги вместе с С. пришла к дому А., через огород зашла во двор и открыла калитку С., затем зашла в дом, а С. велела ждать. Через некоторое время С. зашла в дом и увидела А, привязанного к стулу, с разбитой головой. К. требовала, чтобы он сказал ей, где находятся деньги. Когда А. сказал о местонахождении денег, К. взяла оттуда деньги и стала выходить. С. предложила ей развязать руки А., но К. отказалась и они ушли. При осмотре места происшествия в чулане обнаружен труп А, лежащий на левом боку со связанными руками и ногами. Смерть потерпевшего наступила от отека и сдавления мозга излившейся кровью в результате травмы головы [5].

Напротив, не исключается квалификация по совокупности, когда опасное для жизни или здоровья состояние потерпевшего было вызвано неосторожными преступными действиями виновного. Наиболее распространенной является квалификация оставления в опасности с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. В соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 (ред. от 23.12.2010 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» действия водителя транспортного средства, поставившего потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия в опасное для жизни или здоровья состояние и в нарушение требований Правил (п.2.5) не оказавшего ему необходимую помощь, если он имел возможность это сделать, подлежит квалификации по ст. 125 УК РФ [4]. Несмотря на имеющееся разъяснение, в судебной практике встречаются иные примеры квалификации. Так, Салаватским городским судом Республики Башкортостан М. осужден по ч.2 ст. 264 УК РФ и по ст. 125 за то, что он, управляя в состоянии алкогольного опьянения технически исправным автомобилем, двигаясь по проезжей части со скоростью 80 км. в час, в зоне действия дорожного знака «Ограничение максимальной скорости 40 км. в час», превысив установленное этим знаком ограничение

скорости, не принял меры к снижению скорости, а обнаружив опасность в виде пешехода, переходившей проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу обозначенного дорожными знаками, совершил наезд на последнюю, причинив ей тяжкий вред здоровью. Кроме того, М. оставил последнюю в опасном для жизни состоянии, не оказав ей помощь. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу об изменении приговора в части действий М., в совершении которых тот был признан виновным по эпизоду оставления в опасности. Суд апелляционной инстанции считает, что это указание подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора, поскольку за эти действия М. осужден по эпизоду нарушений Правил дорожного движения РФ, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, и они охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ [5].

В силу того, что указанная норма обязывает лицо поставившее своим деянием в опасное состояние потерпевшего предпринять активные действия для устранения более тяжких последствий, которые могут наступить в виду отсутствия у потерпевшего способности к самосохранению, возникает вопрос о правильности квалификации действий виновного в дорожно-транспортном происшествии лица, вследствие которого наступает смерть потерпевшего. В теории уголовного права допускается квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 264 и 125 УК РФ нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств повлекшее по неосторожности как причинение тяжкого вреда здоровью, так и смерть человека и оставление лицом, управляющим этим транспортным средством в опасном для жизни или здоровья состоянии [3]. В судебной практике также подобного рода деяния квалифицируются по совокупности преступлений. Так приговором Стерлитамакского городского суда РБ М. признан виновным в нарушении правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности смерть человека, а также в заведомом оставлении без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению вследствие своей беспомощности при наличии возможности оказать помощь этому лицу, сам поставив его в опасное для жизни состояние при следующих обстоятельствах: управляя автомобилем в технически неисправном состоянии, не выбрал скорость, обеспечивающую ему возможность постоянного контроля над движением транспортного средства, выехал левыми колесами на сторону дороги, предназначенную для встречного движения и допустил наезд на своей левой полосе движения передней частью автомобиля на пешехода И., переходившую проезжую часть дороги справа налево по ходу движения автомобиля. В результате пешеходу И. были причинены телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью и смерть от закрытой травмы шеи. После совершения наезда на И., М. в нарушение п. 2.5 Правил дорожного дви-

жения РФ не остановился, не вызвал скорую медицинскую помощь, имея возможность оказать помощь И., с места происшествия скрылся, продолжив движение на автомобиле [5].

Сложно согласиться со сложившейся практикой квалификации по совокупности ст.ст. 264 и 125 УК в случае наступления смерти потерпевшего. Применительно к ст. 125 УК РФ потерпевшим от преступления может быть лицо находящееся на момент совершения преступления в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенное возможности принять меры к самосохранению, т.е объект охраны – жизнь и здоровье человека должен быть поставлен в опасное состояние. Если потерпевший мертв, объект уголовно-правовой охраны предусмотренный ст. 125 УК РФ отсутствует. Применительно к сложившейся ситуации следует обратить внимание на ранее действующую норму ст. 265 УК РФ «Оставление места дорожно-транспортного происшествия», где законодатель предусматривал ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления последствий, предусмотренных статьей 264 уголовного кодекса. В теории уголовного права и в судебной практике ст. 125 УК РФ всегда рассматривалась в качестве общей нормы по отношению к ст. 265 УК РФ, поэтому исключение ответственности по ст. 265 УК РФ предполагает возможность квалификации по ст. 125 УК РФ. Однако ситуации, связанная со смертью потерпевшего в результате нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств не позволяет квалифицировать по ст. 125 УК РФ и поэтому декриминализация специальной нормы ст. 265 УК РФ представляется не оправданной.

Пристатейный библиографический список

1. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий. Судебная практика. Статистика [Текст] / Под общ. Ред. В.М. Лебедева. М., 2009.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / Под ред. И.А. Чучаева. М., 2012. С. 177.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2т. Т.1. [Электронный ресурс] / Под ред. А.В. Бриллиантова: М.: «Проспект», 2015. // ИПС «Консультант Плюс» (дата обращения 03.04.2015).
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 (ред. от 23.12.2010 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [Электронный ресурс] // ИПС «Консультант Плюс» (дата обращения 03.04.2015).
5. [Электронный ресурс]: URL:
[http://bsr.sudrf.ru/big5/sudrf.html#id=1052b6de7aa54df725662a272fc54417&r={%22type%22:%22MULTIQUERY%22,%22multiqueryRequest%22:{%22queryRequests%22:\[{%22type%22:%22SQ%22,%22queryId%22:%220890cf97-fedd-47eb-9272](http://bsr.sudrf.ru/big5/sudrf.html#id=1052b6de7aa54df725662a272fc54417&r={%22type%22:%22MULTIQUERY%22,%22multiqueryRequest%22:{%22queryRequests%22:[{%22type%22:%22SQ%22,%22queryId%22:%220890cf97-fedd-47eb-9272) (дата обращения 03.04.2015).

© Диваева И.Р., Николаева Т.В., 2015

*Еникеев Р.Н.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАРАНТИННЫХ И ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце XVIII - начале XIX века Российская империя испытывала сложности, связанные с организацией санитарно-противоэпидемических мероприятий, обусловленные нехваткой медиков и отсутствием постоянно действующей специализированной медицинской помощи в губерниях и уездах, требующей значительных материальных затрат и направленной внутренней политики с планомерной разработкой необходимой регламентации.

Ключевые слова: санитарно-противоэпидемические мероприятия, законы Российской империи, медицинское право, регламентация борьбы с эпидемиями.

*Enikeev R.N.,
PhD, Associate Professor of the Department
of Theory of State and Law Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

REGULATORY QUARANTINE AND ANTI-EPIDEMIC MEASURES IN THE RUSSIAN EMPIRE

At the end of the XVIII - beginning of XIX century the Russian Empire was experiencing difficulties associated with the organization of sanitary and anti-epidemic measures, due to a shortage of doctors and the lack of a permanent specialized medical care in the provinces and districts, require significant expenditures and domestic policy with a systematic development of the necessary regulation.

Keywords: sanitary and anti-epidemic measures, the laws of the Russian Empire, medical law, regulation epidemic.

Одним из показателей оптимального функционирования государства во всех странах и во все времена служила организация мероприятий по предупреждению, профилактике и ликвидации последствий крупномасштабных эпидемий крайне опасных болезней. По объективным и субъективным причинам такие эпидемии периодически возникали и в Россий-

ской империи. Как и во множестве других государств того времени, и в России санитарно-эпидемическая ситуация являлась не очень благоприятной. Например, в исторической литературе описываются получившие широкую известность события, которые произошли в Российской империи в 1771 г. В том году возникшее на промышленном предприятии инфекционное заболевание, в результате нерадивости чиновников, а также в силу низкой осведомленности населения о причинах и отсутствия профилактики болезни, стало распространяться и нести катастрофические последствия в виде массовой гибели людей и задержки экономического роста. И в дальнейшем крайне опасные болезни оказывали непосредственное влияние на экономику государства в целом: приходилось временно сокращать продолжительность деятельности и даже полностью прекращать работу учреждений и предприятий, ограничивать торговлю, чтобы избежать скопления людей и угрозы распространения болезней.

Снижение численности, прежде всего, занятого в производстве трудоспособного населения, обусловленное высокими показателями смертности, финансовые затраты на оцепление очага эпидемии, нередко требующие военного участия, проведение дезинфекции и другие мероприятия – это основные тенденции масштабной эпидемии, влекущие экономические потери для Российской империи. При этом недостаточная информированность о пути инфицирования сеяла в людях панические настроения, а попытки покинуть место массовых болезней жестоко пресекались военными, которые, согласно имеющимся предписаниям, старались оцеплять инфицированные населенные пункты во избежание распространения эпидемии. Тем не менее, несмотря на предпринятые меры по ликвидации первичного очага инфекции, к примеру, на Кавказе в 1830 г., в этом же году сформировались множественные очаги «во внутренних губерниях».

Таким образом, государственные противоэпидемические мероприятия опирались на совместные действия военных и медиков, которые «в самом начале приведения оных в действие» испытали сопротивление «со стороны простого народа», потому что «не могли согласоваться с обыкновенным их образом жизни и выгодами их промышленности». Но, вопреки всему, благополучие было недолгим, уже весной 1831 г. отмечались случаи заболевания холерой вначале в Риге, затем в Рыбинске, и по пути водного сообщения. Опасаясь за безопасность жителей Санкт-Петербурга и осознавая угрозу жизни монаршей семье и свиты, император принял личное участие в контроле за ситуацией. Однако, несмотря на то, что «во внутренних губерниях» были организованы карантинные, в столице летом 1831 г. фиксировались случаи болезни со смертельными исходами. В качестве дополнительной материальной поддержки, во исполнение Положения Комитета министров, утвержденного Николаем I 28 июля 1831г. «О назначении содержания медицинским и фармацевтическим чиновникам, командируемым для прекращения холеры и других заразительных и повальных болезней», указанным лицам, направляемым

на борьбу с опасными инфекционными заболеваниями, выдавалось дополнительное жалование и «подъемные деньги» [1].

Стремясь просветить население и прекратить панику, 6 августа 1831 г. Николай I выпустил Манифест с названием «О смятении, бывшем в некоторых губерниях и Санкт-Петербурге по случаю разнесшихся некоторых слухов о мнимых причинах смертности при появлении эпидемической болезни холеры» [1]. В документе говорилось, что государство «употребило все возможные усилия для подания помощи страждущим и для ограждения от заразы тех мест, в кои она еще не проникла».

Опыт предыдущей борьбы с эпидемиями диктовал правила организации карантинных пунктов для ликвидации проблем, связанных с катастрофически распространяющимся инфекционным заболеванием. Это подтверждает также вышеупомянутый Манифест Николая I, в котором подчеркивалось, что «бдительным и строгим надзором затруднения сии были отклонены, деятельные врачебные средства ослабили силу болезни в Москве и в тех губерниях, где она уже проявилась; а соблюдение карантинных правил спасло от нее многие города и самую столицу, от коей зараза и тогда была в близком расстоянии».

Тем не менее, массовая гибель людей от особо опасной инфекции порождала сомнение народа в необходимости и пользе противоэпидемических мероприятий, способствовала развитию паники, бунта и агрессии. Массовые бунты наблюдались в населенных пунктах по пути между Москвой и Санкт-Петербургом, где люди, не имея сведений о болезни и не веря «объявлениям, изданным правительством для всеобщего успокоения», в виду малой информированности о причине и возможных последствиях холеры, усомнились в высокой контактности и катастрофических последствиях заболевания, и «приписали бедствие свое отраве».

Вот что говорится в нормативном акте по этому поводу: «простой народ ..., подстрекаемый злонамеренными людьми, покусился насильственно сопротивляться распоряжениям начальства: в безрассудной злобе устремился на блюстителей порядка и на врачей, жертвовавших жизнью для облегчения страждущего человечества и пришел в чувства тогда только, когда личным присутствием нашим уверился в справедливом негодовании, с каким узнали мы о его буйстве, когда уверился, что нарушители общего покоя и благоустройства не избегнут достойного наказания» [2]. Это было примером того, что император Николай I не побоялся лично выступить перед разъяренной и агрессивной настроенной толпой людей с санитарно-просветительской речью, восполняя их информационный пробел и давая возможность узнать о ситуации из первых уст миропомазанного монарха, вызывавшего своим присутствием у населения в первой половине XIX века трепетное благоговение и безусловную веру в спасение от страшной угрозы жизни.

Однако выступление Николая I было возможно лишь в Москве, где проживал монарх, поэтому лишённые этого жители губерний и уездов «творили злодейства, не свойственные доброму православному народу

русскому», бунтовали и совершали другие противозаконные действия разрушительного характера, особенно в Старой Руссе и в «округах военного поселения Гренадерского корпуса». Это было связано с тем, что, оставаясь в неведении о причине болезни, способе ее распространения и возможных последствиях, наибольшую негативную реакцию у населения, как ни странно, вызывали военные и медики, призванные защищать от эпидемии и порой рискующие своей жизнью в благородном стремлении обеспечить всестороннюю защиту. Именно на них была обращена агрессия простых людей, лишенных информации об особо опасной инфекции и движимых слухами и догадками. Ситуацию усложняло и то обстоятельство, что порядок и соблюдение санитарно-противоэпидемических предписаний в очаге инфекции достигались посредством применения жестких показательных насильственных действий в отношении лиц, преступивших закон, что производилось согласно предписанным нормам.

В этих условиях, несмотря на все сложности, Манифест «О смятении, бывшем в некоторых губерниях и Санкт-Петербурге по случаю разнесшихся некоторых слухов о мнимых причинах смертности при появлении эпидемической болезни холеры», предпринятый Николаем I, способствовал убеждению населения в том, что только всеобщее следование карантинным правилам, «имеющих единственной целью общее спасение и многими примерами уже оправданное», может победить болезнь и предотвратить ее катастрофические последствия в виде массовых смертей. Тем не менее, масштабы эпидемии, низкая эффективность противоэпидемических мероприятий, малограмотность и отсутствие информированности населения Российской империи делали возможным образование и других очагов особо опасной инфекции. Это сопровождалось агрессией и бунтарством по отношению к медикам и военным, которые вопреки смертельной опасности, угрожавшей и их собственной жизни, мужественно выполняли свои должностные обязанности, и препятствовало действиям по борьбе с эпидемией.

По нашему мнению, именно осознание неизбежных экономических и людских потерь, вызванных крупномасштабной эпидемией, и понимание важности целенаправленной деятельности государства по выработке единого комплекса правил борьбы с особо опасными инфекциями послужили предпосылкой к созданию в XIX веке соответствующих правовых норм кодификационного акта Российской империи, регулирующего, в том числе, и организацию санитарно-противоэпидемических мероприятий – Свода законов Российской империи.

Пристатейный библиографический список

1. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. VI. СПб., 1831. № 4724.
2. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. VI. СПб., 1831. № 4746.

© Еникеев Р.Н., 2015

*Жичкина С.Е.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Диалектическая формула социального вопроса политико-правовой концепции Лоренца фон Штейна в качестве одного из структурных элементов содержит понятие государства. Определяя фундаментальный принцип внутреннего управления, основанный на праве, автор формулирует основы современной концепции правового государства.

Ключевые слова: государство, гражданин, право, закон, внутреннее управление, принцип.

*Zhichkin S.E.,
PhD, Associate Professor of the Theory and History
State and Law SUSU
Chelyabinsk, Russia*

RULE OF LAW: PROBLEMS UNDERSTAND AND IMPLEMENT

The dialectic formula of a social problem of the political and legal concept of Lorenz von Stein as one of structural elements contains concept of the state. Defining the fundamental principle of internal management based on the right the author formulates bases of the modern concept of the constitutional state.

Keywords: state, citizen, right, law, internal management, principle.

Диалектическая концепция социального вопроса Лоренца фон Штейна является актуальной на современном этапе формирования правового государства, потому как определяет роль и значение права как для самого государства, так и для отдельного гражданина, общества. Анализ деятельности государства в концепции Штейна представляется наиболее актуальным, так как определяет внутреннюю жизнь государства на основе положения о том, что «действительное государство состоит именно из совокупности своих граждан, и что степень цельного личного развития каждого отдельного члена характеризует в то же время степень и содержание развития самого государства» [1, с. 8]. Право внутреннего управ-

ления регулирует отношения взаимозависимости развития государства и его отдельных личностей. Рассмотренное положение позволяет определить формирование теоретического основания «принципа государства», включающего содержание, сущность и назначение государства.

Штейн выделяет закон и законодательство, определяющие содержание сущности управления, – «то, что мы называем органической сущностью управления, есть отношение последнего к личной воле государства, к закону, который оно имеет задачей осуществить».

На основании представленного положения, можно сделать вывод, что основным направлением деятельности, задачей управления является реализация правовых норм в жизнь государства. Рассматривая законодательство как необходимый содержательный элемент управления и государства в целом, Лоренц фон Штейн, отмечает, что «никакая личная жизнь не может выразить всю свою сущность своими отдельными определенными желаниями».

Только в деятельности происходит развитие содержания указанной жизни, «а где эта деятельность, как в управлении государства, может самостоятельно выделяться из воли, там и сама жизнь делится на две великие функции, стоящие рядом друг с другом; недостаточно того, чтобы управление односторонне выполняло только известные отдельные желания государства – нет, воспринимая в себя действительное бытие на всех его пунктах, оно скорее должно выполнять законодательство и отчасти пополнять его».

Штейн, отмечая значение законодательства в сущности управления, определяет в качестве основной цели и задачи управления реализацию законодательства в государстве, опосредующего регулирование всей деятельности государства [2, с. 275]. Кроме того, автор выделяет значение законодательства не только в содержании и определении сущности управления, но и сущности государства в целом [3, с. 118], управление не является «только подчиненной законодательству областью, оно должно в то же время выражать и осуществлять общую сущность государства, - в этом заключается его высшее назначение».

Необходимо отметить, что управление не определяет целостного содержания сущности органического понятия государства, так как последнее содержит в себе второй структурный элемент, в качестве которого выступает право. В связи с этим право дифференцируется на общее право государства и право управления.

Автор формулирует общее право как «неприкосновенную границу одного личного бытия по отношению к другому; оно сводится к тому, чтобы личность могла обнаружить свою сущность во внешних проявлениях и чтобы самоуправлением личности условливалась безобидность ее проявлений для других». Категория права в жизни отдельной личности и

государства в целом, содержит в себе определенный, конкретный образ ее жизни в качестве объективного факта для других [4, с. 193], - «только в праве личность существует для других как целое и в своих отдельных отношениях как таковая» [5, с. 154]. Рассмотренное положение представляется актуальным, так как Штейн выделяет такие признаки права, как объективность и общеобязательность, являющиеся необходимыми структурными элементами современного определения понятия права.

В процессе развития категории права и определения его значения в жизни отдельной личности и государства, Штейн, отмечает формальную определенность права, закрепление правовых норм в источниках и в целом возникновение юридической науки, - «если я хочу понять право, я должен понять его в источниках; если право останавливается на знании его отдельных положений, - возникает юридическое сведение, возвысившееся до понимания отдельных юридических положений, как органических следствий существа личности и образующее науку права» [1, с. 10].

Государство, по мнению автора, составляя единство всех отдельных личностей, определяет их самостоятельность, в связи с чем, образуется граница, «выходящая из сущности государства и отдельных лиц, проходящая через всю государственную жизнь, возникающая из единства и самостоятельности в этом единстве всех». Представленная граница является основанием выделения системы права, состоящей из общественного (совокупность ограничений, возникающих для отдельных лиц во взаимоотношениях с государством) и частного права (регулирующего отношения между отдельными индивидами). Система общественного права включает в себя государственное право, состоящее из права главы государства, права государственного устройства и права управления, которое формирует право исполнительной власти и право управления в собственном смысле.

Определение системы права и выделение ее структурных элементов формируется в политико-правовой концепции Штейна на основе вопроса об изменчивости права в историческом контексте. Право управления в историческом процессе представляется более динамичным и изменчивым, что обусловлено развитием категории общества в теории Штейна, который рассматривает основу истории управления и его права в виде истории общества, - «всякое положительное право управления сводится на господствующий общественный порядок, а всякое изменение права - на борьбу и развитие его».

Особый интерес представляет исследование общего процесса развития права, а также определение его как высшей науки о человеческой жизни. В процессе изучения категории права, автор отмечает, что в каждой юридической области государства в целом, и в каждой области управления в частности, возникает жизнь, в которой «идея права - спра-

ведливое» противопоставляется положительному праву, содержащим установленный общественный порядок, и «старается добиться своего призвания и получения силы вопреки существующим порядкам, это движение есть величайший из органических процессов, известных миру – это процесс развития». Установив «эту истинную и вечную жизнь земли», основанную на праве и законе, можно сделать вывод, что категория права, по мнению Лоренца фон Штейна, составляет «высшую науку о человеческой жизни вообще» [7, с. 158]. По мнению Канта, право определяет существование отдельного человека, общества и государства, а также отношения между ними. Исследуя значение права, Кант отмечал, что «право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти» [9, с. 105].

Определяя значение права, Кант обосновывал необходимость его непосредственной реализации и соблюдения каждым отдельным индивидом, – «и любовь к человеку, и уважение к праву людей есть долг; первое, однако, только обусловленный, второе же напротив – безусловный, абсолютно повелевающий долг; и тот, кто захочет отдаться приятному чувству благосклонности, должен вначале полностью убедиться, что он не нарушил этого долга». Таким образом, диалектическая категория развития государства представляется возможной только посредством права. Деятельность государства, категория управления, основанная на праве, будет правовой, а само государство – правовым.

Пристатейный библиографический список

1. Штейн Лоренц Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. Руководство, изд. Штейном Л., как основание его лекций. СПб, 1872.
2. Чижов Н.Е. Право и его содержание по учению Лоренца фон Штейна. СПб, 1975.
3. Блок А.Л. Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на полит. теорию Лоренца фон Штейна и на фр. полит. порядки. СПб, 1880.
4. Фихте И.Г. Учение о праве. М., 2003.
5. Stein L. Die Grundlagen der staatlichen Ordnung. Munhen, 1871.
6. Штейн Лоренц Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. Руководство, изд. Штейном Л., как основание его лекций. СПб, 1993.
7. Эпифанов Ю.А. Классики немецкой философии. СПб, 1993.
8. Кант И. Мегафизические начала учения о праве. М., 1989.

© Жичкина С.Е., 2015

УДК 349

*Зеленцов А.А.,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России*
*Коломийченко Е.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
г. Уфа, Россия*

ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ XX ВЕКА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

В данной работе авторами исследованы развитие законодательства России в период 1900-1917 годов, какие деяния в этот период относились к коррупционным и какие последствия за их совершение предусматривались. Предмет взятки в законе обозначался по-разному: «подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином», «всяка прибыль или иная выгода», «подарок или же не установленная законом плата, или ссуда или же какая-либо услуга, прибыль или иная выгода» и т.п. Рассматривается вопрос об ответственности за дачу взятки (лиходательство) и посредничество во взяточничестве.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, противодействие коррупции, взятка, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями.

*Zelentsov A.A.,
PhD, Deputy Head of the Department
of Criminal Law and Criminology Ufa Law Institute
of the Russian Interior Ministry*
*Kolomiichenko E.V.,
PhD, Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Law and Criminology
Ufa Law Institute of the Russian Interior Ministry,
Ufa, Russia*

THE GENESIS OF THE LAW OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA XX CENTURY ANTI-CORRUPTION

In this paper, the authors studied the development of legislation in Russia in the period 1900-1917 years, which acts in this period belonged to the corrup-

tion and what the consequences for their commitment Cover-lis. Bribe in the law designated in different ways: "Gift, state-indeed created in money, things, or what whatsoever other," "any profits or other benefits", "gift or not a statutory board, or the loan or any service, profits or other benefits, "etc. Ras regarded the question of liability for bribery (lihodatelstvo) and mediation in bribery.

Key words: corruption, corruption crimes, anti-corruption, bribery, commercial bribery, abuse of authority/

Противодействие коррупции – одно из не многих направлений современной государственной политики, без повышения эффективности которого невозможно дальнейшее цивилизованное развитие системы социального управления. Поэтому большинство государств мира, используя наколенный национальный, региональный и международный опыт, формируют и реализуют собственную национальную антикоррупционную политику, активно привлекая имеющиеся в их распоряжении антикоррупционные инструменты [1, с. 265] и ресурсы.

Однако стоит отметить, что в России коррупция – сложное явление, ее специфичность связана с особым, присущим россиянам, менталитетом.

Чтобы изучить генезис развития законодательства о противодействии коррупции в России, необходимо исследовать научную литературу, посвященную истории ее возникновения и развития в России.

В 1903 г. было введено Уголовное уложение, которое в части борьбы с коррупцией было гораздо более проработано, чем действовавшее до этого Уложение о наказаниях. Уголовное уложение, в частности, разделило понятия «взятничество» и «лихоимство». Уголовное уложение 1903 г. [2] вводилось в действие постепенно, но к моменту революции 1917 г. его положения о наказуемости взяточничества в силу так и не вступили. Тем не менее, для полноты исследования заметим, что ст. 656 Уголовного уложения предусматривала три ситуации принятия служащим взятки: простое мздоимство (ч. 1), когда взятка принимается за уже учиненное служащим действие, входящее в круг его обязанностей по службе; квалифицированное мздоимство (ч. 2) – принятие взятки, заведомо данной для побуждения служащего к учинению такого действия по службе; лихоимство (ч. 3) – принятие взятки, заведомо данной служащему «для побуждения его к учинению в круге его обязанностей преступного деяния или служебного проступка или за учиненные им такие деяния или проступок» [3, с. 56].

Кроме того, Уголовное уложение 1903 г. предполагало ответственность за различные виды вымогательства взятки (ст. 657), за содействие взяточничеству, выражающееся в передаче взятки, принятии ее под своим именем или ином посредничестве со стороны служащего (ст. 660), за взяточничество и вымогательство присяжных заседателей по делу, могуще-

му подлежать их рассмотрению (ст. 659). В Уложении предполагалось восстановить ответственность за дачу взятки (ст. 149), которая относилась к преступлениям против порядка управления. Новеллой являлась специальная норма, предусматривавшая ответственность служащего, виновного в присвоении предмета взятки, данного ему для передачи или полученного им под предлогом передачи другому служащему, а также за принятие его с целью присвоения под видом другого служащего (ст. 661). Особенностью Уложения 1903 г. явилось также то обстоятельство, что статьи об ответственности за взяточничество и иные должностные преступления были помещены в заключительную главу Особенной части. По утверждению Г.П. Новоселова, это было связано с тем, что если в середине XIX в. объектом должностных преступлений считался служебный долг, то в конце XIX – начале XX в. криминалисты, отрицая наличие в должностных преступлениях единого объекта, видели их специфику в способе посягательства (использование особых полномочий), в то время как большинство других преступлений различались именно своей направленностью [4, с. 589].

После 1903 г. в России, как и во всем мире, имел место рост коррупции (в России, в отличие от Европы и США, – только низовой коррупции, высшие чиновники в России взяток по-прежнему не брали). Сведения о количестве чиновников и канцелярских служащих в конце XIX – начале XX в. в целом по России разнятся в разных источниках, причем разброс в предполагаемых цифрах весьма велик – от 200 до 550 тысяч. Есть точные данные статистики по отдельным городам и губерниям (по справочникам о гильдейских и промысловых свидетельствах): так, в 1913 г. в Санкт-Петербурге и в Москве было по 42000 чиновников (около 3 – 4% городского населения), в Одессе – 3000 (менее 1%). Но даже если ориентироваться на верхнюю планку в целом, то Российская империя по бюрократизации в пятерке самых развитых стран мира была явным аутсайдером [5].

По подсчетам Б.Н. Миронова, в 1910 г. на каждого служащего, занятого в государственном и общественном управлении, приходилось: в России – 270 человек, в Англии – 137, в США – 88, в Германии – 79 и во Франции – 57 человек, или, в пересчете на тысячу жителей: в России – 3,7 (занятых только в государственном управлении – 1,63), в Англии – 7,3, в США – 11,3, в Германии – 12,6, во Франции – 17,52 [6, с. 53].

Рост взяточничества с начала XX в. в России (как и в других странах первой пятерки) имел место в связи как с ростом числа чиновников, так и с поставками и военными заказами, сделками с недвижимостью, основанием новых кооперативных обществ, получением для эксплуатации земельных участков с полезными ископаемыми и другими сделками в начале XX в. В России – особенно в период Русско-японской, а затем и Первой мировой войны – рост коррупции вызвал необходимость как усиле-

ния ответственности за получение взяток, так и отказа от ненаказуемости за взяточничество.

Царское Правительство быстро отреагировало на всплеск коррупции в самом начале Русско-японской войны и ужесточило отношение к ней; предпринимались все новые попытки к пресечению мздоимства и лихоимства. Об этом свидетельствует, в частности, и тот факт, что на лиц, их совершивших, не были распространены милости (амнистия), даруемые Всемиловивейшим Манифестом от 11 августа 1904 г. В частности, им не могли быть уменьшены назначенные судом сроки заключения на две трети (как многим другим осужденным по уголовным статьям), они не могли быть освобождены от суда и наказания в случаях, если против них было возбуждено преследование, или последовало решение суда, или решение еще не приведено в исполнение до 11 августа 1904 г. [7].

14 апреля 1911 г. Министр юстиции И.Г. Щегловитов внес в Государственную Думу развернутый законопроект «О наказуемости лихоимства». Дача взятки рассматривалась в этом проекте как самостоятельное преступление, нарушающее принцип безвозмездности служебных действий, предлагалось объявить ее наказуемой независимо от будущей деятельности взяточполучателя. Лихоимство же в качестве платы за прошлую деятельность должностного лица предлагалось считать преступным лишь при неисполнении им служебной обязанности или злоупотреблении властью. Однако данный законопроект рассмотрен не был, вероятно, поскольку Николай II понимал, что это может затруднить борьбу с коррупцией [8, с. 139].

Закон от 31 января 1916 г. «О наказуемости лихоимства, об усилении наказаний за мздоимство и лихоимство, а также об установлении наказаний за промедление в исполнении договора или поручения Правительства о заготовлении средств нападения или защиты от неприятеля и о поставке предметов довольствия для действующих армии и флота», принятый в порядке чрезвычайного законодательства, существенно повышал наказание за мздоимство и лихоимство, в частности, в случаях, когда они были учинены по делам, касающимся снабжения армии и флота боевыми, продовольственными и иными припасами, пополнения личного состава и вообще обороны государства, а также железнодорожной службы. Эти же обстоятельства усиливали ответственность и за лихоимство, которое объявлялось безусловно наказуемым. Предусматривалась ответственность за лихоимство – подкуп за выполнение или невыполнение служебного действия без нарушения должностным лицом установленных законом обязанностей, а также за лихоимство-подкуп и лихоимство-вознаграждение за действие или бездействие должностного лица, связанные со злоупотреблением властью. Сейчас за взяточничество принялись очень основательно [9].

И даже близость к вершинам власти, и прошлые заслуги, и работа на немалых должностях в тайной полиции – все это до 1917 г. не давало гарантии от расследования, суда и тюрьмы. В конце 1916 – начале 1917 г. газеты широко освещали крупный коррупционный скандал: т.н. дело Манасевича-Мануйлова, дружившего с Распутиным. В 1915 г. И.Ф. Манасевич-Мануйлов был личным информатором товарища Министра внутренних дел С.П. Белецкого, осведомителем следственной комиссии генерала Н.С. Батюшина и одним из близких к Распутину людей. В конце того же года был причислен к Министерству внутренних дел, а после назначения в январе 1916 г. Б.В. Штюрмера Председателем Совета Министров откомандирован в его распоряжение. Карьера его дала трещину после отставки Штюрмера (который планировал назначить Манасевича-Мануйлова заведующим Заграничной агентурой Департамента полиции). Но вместо Парижа осенью 1916 г. Иван Федорович попал в тюрьму. Петроградским окружным судом 13 – 18 февраля 1917 г. по обвинению в шантаже товарища директора Московского соединенного банка Хвостова Манасевич-Мануйлов был признан виновным в мошенничестве и приговорен к лишению всех особых прав и преимуществ и к заключению на 1,5 года, но уже 27 февраля 1917 г. был в числе прочих заключенных освобожден «революционерами Февраля» из Литовского замка [10].

Единственным случаем, когда попавший под следствие коррупционер был защищен из личных (по одной из версий) интересов царской семьи, было дело банкира Д.Л. Рубинштейна: он занимался финансовыми махинациями, пытаясь использовать свою близость к Г.Е. Распутину. Знакомство их длилось всего несколько месяцев, и в феврале или в марте 1916 г. Распутин запретил принимать Рубинштейна, после чего (10 июля 1916 г.) Рубинштейн был арестован по подозрению в пособничестве неприятелю и выслан в Псков. Его деятельность стала предметом расследования специально созданной для этого комиссии генерала Н.С. Батюшина. Рубинштейну инкриминировались: продажа русских процентных ценных бумаг, находившихся в Германии, через нейтральные страны во Францию; продажа акций общества «Якорь» германским предпринимателям; взимание высоких комиссионных за сделки по русским заказам, выполнявшимся за границей, и пр. – неизвестно, что из этих обвинений было доказано следствием. В сентябре 1916 г. Александра Федоровна настаивала на ссылке Рубинштейна в Сибирь; и только позднее императрица ходатайствовала перед супругом о смягчении участи Рубинштейна – ввиду его тяжелой болезни. По настоянию Александры Федоровны он освобожден 6 декабря 1916 г. По одной из версий, ее заступничество объяснялось тем, что через Рубинштейна она тайно передавала в Германию деньги своим обнищавшим немецким родственникам, которые были лишены Вильгельмом II с начала войны всех источников дохода. Версия передачи

Александрой Федоровной денег немецким родственникам осталась недоказанной ни Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, ни впоследствии большевиками [11].

Многочисленные обвинения в коррупции членов царского Правительства, функционировавшего накануне Февральской революции 1917 г., в дальнейшем не нашли никакого документального подтверждения, хотя Временное правительство приложило немало усилий для поиска доказательств, и именно этим занималась Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства. К лету 1917 г. члены комиссии констатировали, что не находят в действиях подследственных никакого состава преступления, а когда Муравьев пытался их заставить изменить свое мнение, некоторые из них, в частности Руднев, подали в отставку. Летом 1917 г. Керенский был вынужден признать, что в действиях «Николая II и его супруги не нашлось состава преступления». То же самое Керенский подтвердил английскому послу Бьюкенену. Не смогла ЧСК предъявить обвинений в коррупции и бывшим царским министрам, главноуправляющим и прочим высшим должностным лицам как гражданского, так и военного и морского ведомств. Итоговые данные по росту главного рассадника коррупции – чиновничества – в Российской империи таковы: на 1000 жителей страны чиновников было: в конце XVII в. – 0,39; XVIII – 0,57; в 1857 г. – 2; в 1880 – 1,4; в 1897 – 1,24; в 1913 – 1,63 [12].

Таким образом, русское дореволюционное законодательство различало виды взяточничества в зависимости:

а) от способа получения взятки, «мзды» (получение взятки по почину лихоходателя – взяточничество в тесном смысле слова и получение взятки по почину самого берущего – вымогательство взятки);

б) от свойств деяния должностного лица, за которое дана или обещана взятка (правомерное, не связанное с нарушением обязанностей по службе, при мздоимстве и, напротив, соединенное с нарушением таких обязанностей или даже преступное – при лихоимстве);

в) от времени получения мзды (до или после соответствующего поведения должностного лица) [13, с. 54].

Предмет взятки в законе обозначался по-разному: «подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином», «всякая прибыль или иная выгода», «подарок или же не установленная законом плата, или ссуда или же какая-либо услуга, прибыль или иная выгода» и т.п. Российское уголовное законодательство не придавало никакого значения стоимости предмета взятки как обстоятельству, способному влиять на тяжесть ответственности. Более того, в законе об ответственности за лихоимство (ст. 402 Уложения 1845 г.) прямо указывалось, что ответственность наступает, сколько бы малозначительной ни была сумма денег или цена вещей, полученных лихоимцем. Вопрос об ответственности за дачу взят-

ки (лиходательство) и посредничество во взяточничестве решался в законодательстве рассматриваемого периода весьма своеобразно и не вполне последовательно.

Пристатейный библиографический список

1. Антикоррупционный набор инструментов (июнь 2001 г.) // Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмытием преступных доходов: Сборник документов / Сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2004.
2. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903.
3. Крюкова Н.И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России // История государства и права. 2014. № 5. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997.
4. Староверов А.М. Коррупция в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
5. Можно ли в борьбе с коррупцией в России использовать зарубежный опыт?: Сб. ст. / Под ред. П.С. Филиппова. – СПб.: Норма, 2012.
6. Соловьев В.С. Империя коррупции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wictoriaхu>.
7. Кузовков Ю.В. История коррупции в России: учеб. – М.: Анима-Пресс, 2012. Староверов А.М. Коррупция в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
8. Староверов А.М. Коррупция в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
9. Староверов А.М. Коррупция в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
10. Староверов А.М. Коррупция в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
11. Крюкова Н.И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России // История государства и права. 2014. № 5.

© Зеленцов А.А., Коломийченко Е.В., 2015

УДК 349

***Зубаиров М.Г.,**
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVII–XIX ВВ.

Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов организации медицинской помощи одного из приоритетных направлений развития нормативного регулирования в Российской империи XVII–XIX вв. – военной медицины. Военно-медицинская деятельность в наибольшей степени соприкасается с социальными, психологическими и медицинскими

проблемами, значимыми для всего общества, и неразрывно связанными с усовершенствованием правового регулирования важнейших направлений в государственно-правовом развитии Российской империи XVII–XIX вв.

Ключевые слова: военная медицина, военно-медицинские законы, история медицинского права, Указы Петра I и Александра I.

*Zubairov M.G.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory of State and Law
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

LEGAL SUPPORT OF MILITARY MEDICAL CARE IN THE RUSSIAN EMPIRE XVII-XIX CENTURIES

Article is devoted to the topical issues of medical care of one of the priorities of regulatory in the Russian Empire XVII-XIX centuries. - In-ennoy medicine. Military medical activities in most ste-interest comes into contact with social, psychological and health problems that are relevant to the whole of society, and is inextricably linked to the improvement of the legal regulation of the most important areas in the state and legal development of the Russian Empire XVII-XIX centuries.

Key words: military medicine, military medical laws, history of medical law, the decree of Peter I and Alexander I.

Историческое прошлое практически всех государств, которые существовали на территории земного шара, напрямую связано с войнами. В свою очередь, войны, как правило, всегда были связаны с реализацией внутренней и внешней политики этих государств, и обычно имели оборонительный или захватнический характер. Тем не менее, проблема заключалась в том, что, с одной стороны, количество жертв военных действий не зависело от характера войн, в любом случае, каждая из них, без исключения, завершалась определенным числом убитых и раненных участников сражений. С другой стороны, убитых хоронили, а вот раненные бойцы нуждались в оказании медицинской помощи, организации лечения, врачебного ухода, профилактики различных болезней и т.д. Поэтому среди проблем государственно-правового развития государства особое место занимали вопросы организации военно-медицинской помощи.

Эти же проблемы, присущие всем государствам прошлого, в том числе и для Российской империи, характерны и для современных государств, включая Российскую Федерацию. Более того, осуществление ре-

формирования российской армии является одной из основных характеристик современного этапа развития военно-политической обстановки в мире. При этом проблемы комплектования, поддержания здоровья рядового и офицерского состава, организации быта, обучения и воспитания войск диктуют настоятельную необходимость провести анализ не только военно-исторического, но и военно-медицинского опыта русской армии.

Общеизвестно, что с древних времен для упрочения власти князей или других властителей, охраны своей территории и захвата чужих земель стали появляться вооруженные формирования различного рода: дружины, рать, войско. Перед сражениями военачальники обязательно интересовались состоянием здоровья своих дружинников, а позднее воинов и ополченцев. К сожалению, более конкретно говорить об этом не только сложно, но и невозможно, потому что медицинские критерии, применяемые в те времена при проведении наборов в войска, не дошли до наших времен. Упоминание о «лучших или лепших мужьях» можно встретить только в отношении служилой аристократии XII века [1, с. 105].

Поэтому о том, в какой мере входило в эту формулировку состояние их здоровья, наши современники могут только догадываться. Однако с момента образования в Русском (Московском) царстве-государстве приказов в качестве органов государственной власти, военно-служебными отношениями стал заведовать Разрядный приказ. Отмечая особенности этого периода в истории нашей страны, В.О. Ключевский в свое время писал, что «в середине XVI в. была точно определена самая мера службы с земли, т.е. тяжесть ратной повинности, падавшей на служилого человека по его земле. По закону 20 сентября 1555 г. с каждых 100 четей доброй, угожей пашни в поле, т.е. со 150 десятин доброй пахотной земли, должен был являться в поход один ратник «на коне и в доспехе полном», а в дальний поход – с двумя конями. Землевладельцы, у которых было 100 четвертей пашни в поместьях и вотчинах, выводили с собой в поход или выставляли, если не шли сами, соразмерное пашне количество вооруженных дворовых людей» [1, с. 242]. По нашему мнению, военные начальники, в отсутствие регламентации порядка экспертной оценки годности к военной службе и медико-экспертного состава, при проведении освидетельствования визуально осматривали строй новобранцев и делали выводы о возможности участия в баталиях. В числе первых законов, затрагивающих проблему, связанную с необходимостью нормативного определения порядка проведения экспертизы живых лиц можно назвать Именной Указ Петра I от 3 апреля 1693 г. «О недействительности крепостей, данных в пьянстве» [2].

Согласно Уставу Воинскому [3] Петра I от 30 марта 1716 г., следуя ранее названным нами традициям, комиссар осматривал новобранцев. При наличии лекаря, это, в свою очередь, становилось его функциональ-

ными обязанностями: последний предоставлял свидетельство [4]. Становление системы подготовки отечественных профессиональных кадров в госпиталях Российской империи и самостоятельных учебных заведениях привело к увеличению числа медиков. Поэтому на них все больше распространялись функции экспертного освидетельствования при проведении рекрутского набора. Особое значение приобрел принятый Александром I нормативный акт от 24 сентября 1806 г. «Высочайше утвержденное наставление, служащее руководством врачам, при наборе рекрут находящимся; с приложением отношения Министра Внутренних дел к начальникам губерний» (далее наставление 1806 г.) [5]. Важность его заключалась, главным образом, в регламентации критериев годности к военной службе. Учитывались здоровье, рост и возраст будущих военных. Особые полномочия по вынесению экспертного вердикта делегировались «врачу, в рекрутском наборе участвующему». Таким образом, регламентировалось не только обязательное участие медика, но и учитывалось наличие у него достаточного объема профессиональных знаний, способствующих правильности выводов о годности к службе. Тот факт, что в документе значился «врач», а не доктор или лекарь, (подготовка которых осуществлялась, согласно действующей в Российской Империи к началу XIX в. системе медицинского образования), позволяло отходить от жесткого порядка в подборе кадров.

«Болезни, по которым рекрут бывает неспособен», согласно Наставлению 1806 г. подразделялись на: телесные недостатки и уродливость; «телесные внутренние, телесные наружные вообще и в особенности»; душевные болезни [5]. Каждая из перечисленных групп, в свою очередь, включала нозологические формулировки, отражавшие понимание болезней, этиологических причин и названий в медицинской среде к началу XIX в., во многом отличное от научных воззрений современных реалий. Например, упоминается одна справка от нескольких свидетелей болезненного состояния, при отсутствии определения количественного состава свидетельствующих и наличия у них медицинских знаний. Подтверждение такого рода не запрещалось давать любым заинтересованным лицам: не существовало ограничений в отношении родственников, имевших право искусственно преувеличивать и даже фальсифицировать описание болезни в попытке сохранения для помощи по хозяйству молодого трудоспособного работника, подлежащего рекрутскому набору.

Весьма неточной нам видится обоснование присутствия у индивида такой «душевной болезни», как «задумчивость», что также позволяло уклониться от службы. Применялись две латинские формулировки, обозначающие данные состояния: *Melancholia* и *Hypochondria*. Они представляются нам весьма далекими от современного восприятия психиатрических заболеваний. К тому же, смешиваются совершенно разные составляющие: элемент патологического состояния (*Hypochondria*) и, напротив, характеро-

логическая особенность личности, не являющая психическим расстройством и не препятствующая несению службы (*Melancholia*) [6, с. 57-74]. Наставление 1806 г. не позволяло производить разграничение этих понятия, напротив, объединяя их в единое целое [5]. Не предусматриваются также сроки переосвидетельствования, хотя указанные проявления болезней, в частности, могут быть ситуационно обусловленными и носить временный характер.

В связи с этим представляют большой интерес основные критерии, которые позволяют диагностировать «задумчивость» рекрута и признать его «неспособным» к несению службы, как мы уже отметили: без учета возможности временных ограничений. В данном случае, по нашему мнению, законодатель допускает неточную формулировку: «страждущие задумчивостью бывают печальны, уклоняются от обществ, гnevаются без причины, всего боятся, бывают забывчивы, и утешаются одними предметами, часто заговариваются» [5]. Перечисленные недостатки негативно влияли на практическое использование рассматриваемой части Наставления 1806 г. Это обстоятельство, по наш взгляд, было обусловлено, во-первых, отсутствием в них учета степени выраженности и длительности проявления перечисленных симптомов, во-вторых, не классифицировались врожденные и приобретенные состояния, причинный фактор и т.д. Краткое описание патологического состояния, предложенное законодателем, позволяет отнести его к разным заболеваниям и не предоставляет возможности адекватной дифференциации нозологий. В то же время, несмотря на недостатки, мы считаем его важной вехой в эволюции отечественного военно-медицинского правотворчества начала XIX в., которая заложила основу для дальнейшего совершенствования нормативного регулирования и современной регламентации критериев годности к военной службе.

Все это позволяет делать вывод о том, что военно-медицинская деятельность оказалась такой стороной военной системы российской армии, которая в наибольшей степени соприкасается с социальными, психологическими и медицинскими проблемами, значимыми для всего общества, и неразрывно связанными с усовершенствованием правового регулирования важнейших направлений в государственно-правовом развитии России того времени.

Пристатейный библиографический список

1. Ключевский В.О. Русская история. – М.: Эксмо, 2009.
2. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. III. СПб., 1830. № 1464.
3. Устав Воинский. СПб., 1716. С. 111 // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 3006.
4. Гл. VII – О смотре, Воинских Артикулов Устава Воинского, арт. 61 // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 3006.
5. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIX. СПб., 1830. № 22282.
6. Каплан Г.И., Сэддок Б.Д. Клиническая психиатрия. Пер. с англ. Т. 1. – М.: Медицина, 1994.

© Зубаиров М.Г., 2015

УДК 342(470)

Ибрагимова Ф.М.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры права ИУБП БашГУ,
Тулупова Е.О.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прав человека и политико-
правовых учений Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СФЕРЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ И ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЕЕ СУБЪЕКТАМИ

Данная статья посвящена проблемам разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ, а также вопросам содержательного развития основных законов регионов в пределах компетенций, заложенных Конституциями федеративных государств на примере Республики Башкортостан РФ и Земли Саксония ФРГ.

Ключевые слова: федерация, субъект, полномочие, законодательство, конституция, права человека.

Ibragimova F.M.,
PhD, assistant professor of law IUBP BSU,
Tulupova E.O.,
*PhD, assistant professor of human rights and political
and legal doctrines BSU Institute of Law,
Ufa, Russia*

CURRENT PROBLEMS IN THE FIELD OF CONSTITUTIONAL DIVISION OF JURISDICTION AND POWERS BETWEEN THE FEDERAL AND PROVINCIAL

This article deals with the problems of differentiation of Veda-tion and powers between the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation, as well as issues of substantive development of the basic laws of region under the jurisdiction laid down in the Constitution of the Federal State an example of Bashkortostan Republic of the Russian Federation and the German State of Saxony.

Key words: federation, subject authority, the legislator-tion, the constitution and human rights.

К важным из актуальных проблем, которые определены конституционным развитием нашей страны как федеративного государства относят-

ся проблемы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ, а также вопросы содержательного развития основных законов регионов в пределах компетенции, заложенной Конституцией РФ. Как справедливо замечают «суть федерализма состоит в обеспечении территориально-политического единства государства, допустимой децентрализации государственной власти посредством законодательного разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также равноправия субъектов» [1, с. 174].

Для совершенствования правовой системы Российской Федерации на данный момент не считается возможным изменение самой Конституции в этой части, поскольку это привело бы к еще большей путанице. Ведь, как совершенно справедливо замечает председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин: «...любые серьезные изменения в конституции связаны с вопросом о легитимности государственной системы и об изменениях политического строя, т.е. речь идет о революции. События начала 1990-х годов в России были настоящей и радикальной политической революцией, и значит, в то время изменение Конституции было необходимо и оправданно. Но сейчас, прежде чем говорить об изменениях Конституции, касающихся государственного строя, мы просто обязаны себя спросить: необходима ли стране новая революция? Я убежден, что нет. В том числе потому, что нормы действующей Конституции содержат в себе все необходимое для достраивания и развития государственной, социальной, экономической и идейно-политической общности» [2, с. 5].

В соответствии с частью 3 статьи 11 Конституции РФ предусматривается разграничение предметов ведения и полномочий только Конституцией Российской Федерации, федеративными и иными договорами. Однако ФЗ РФ от 6 октября 1999 года №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» ограничивает договорную форму разграничения предметов ведения.

Учитывая сложившуюся практику разграничения предметов совместного ведения только федеральными законами, на наш взгляд, вышеуказанную норму ст. 11 необходимо понимать в аспекте установления предметов исключительного ведения РФ и исключительного ведения субъектов РФ, ведь данное понимание находит подтверждение и на практике (хотя и идет вразрез с вышеуказанным законодательным определением «разграничения полномочий», ведь оно подразумевает, в том числе и распределение полномочий в сфере совместного ведения по ст. 11 Конституции РФ, т.е. посредством договоров).

Согласно закону договорная практика допускается только в тех случаях, когда это обусловлено региональными особенностями, и в той мере, в которой указанными особенностями определено иное разграничение полномочий, чем это установлено федеральными законами. Договор подписывается Президентом Российской Федерации и высшим должностным лицом субъекта РФ, утверждается федеральным законом и имеет силу федерального закона. Такое противоречие между договором и федеральным законом превращает договор в «мертвый» источник права. Порождаются юридические коллизии, вновь возникает вопрос о сравнительной юридической силе федерального закона и договора [3, с. 36].

Ведь если бы мы придавали ст. 11 Конституции РФ иное значение, то приоритетность договорного разграничения полномочий в пределах предметов совместного ведения закрепляется Конституцией Российской Федерации и тем самым, федеральное законодательство по определению не может ограничивать пределы действия конституционной нормы и ограничивать свободу регионов на установление договорных отношений с Федерацией. Однако законодатель и практика в этом направлении установили иные правила.

В соответствии с ч. 4 ст. 76 Конституции РФ вне пределов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов. То есть речь в данном случае идет о системе законодательства субъектов РФ, но ни в коем случае о системе права, при этом «законодательство» понимается в широком смысле, как совокупность законов и подзаконных актов субъекта РФ.

Данное положение подтверждается ст. 26 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», где говорится о том, что полномочия, осуществляемые органами государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам ведения субъектов Российской Федерации, определяются конституцией (уставами), законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами субъекта РФ. При этом в Конституции РФ нет запрета передачи полномочий центру в случае невозможности решения данного вопроса на региональном уровне. Так же Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» предусматривает возможность временного осуществления федеральными органами государственной власти отдельных полномочий органов государственной власти субъектов РФ. Установлены полномочия, кото-

рые не могут быть переданы федеральным органам государственной власти – это полномочия органов государственной власти субъектов федерации по принятию конституции (устава) субъекта РФ и поправок к ней (к нему), по установлению системы органов государственной власти субъекта РФ, по изменению статуса субъекта РФ и по изменению границ между субъектами РФ. Тем более нам кажется, что Конституция РФ установила довольно обширный круг вопросов в ст. 71, 72, даже включая те сферы, регулирование которых возможно было бы только на региональном уровне. Поэтому в нашей стране более реально было бы установление Федеральным конституционным законом перечня исключительного ведения регионов, только этот перечень должен быть открытым. Принятие данного закона послужило бы гарантией избежания многих противоречий. На сегодняшний день субъекты всех федераций мира имеют собственные системы законодательства, что отражено в их Конституциях. В пределах данной работы на наш взгляд, целесообразно проанализировать Конституции отдельных регионов федеративных государств. Такой анализ будет проведен на основании Конституций Республики Башкортостан РФ и Свободного государства Саксония ФРГ.

Анализ основных законов в субъектах федерации на примере Республики Башкортостан Российской Федерации и Земли Саксония Федеративной Республики Германии обусловлен тем, что между этими регионами в г. Дрездене подписано 12 июня 1992 года Совместное Заявление Правительства Свободного государства Саксония и Правительства Республики Башкортостан о торговых, экономических, общественных и культурных связях. С момента подписания совместного заявления об официальном сотрудничестве были нанесены официальные визиты как депутатов саксонского Ландтага в Республику Башкортостан, так и депутатов парламента Республики Башкортостан в Землю Саксония для ознакомления с работой региональных парламентов.

Немаловажным фактором выбора Республики Башкортостан Российской Федерации и Свободного государства Саксония Федеративной Республики Германия для сравнительно-правового анализа Конституций в этих регионах послужили общие и особенные географические, экономические характеристики этих субъектов.

Республика Башкортостан занимает большую часть Южного Урала и прилегающие к нему равнины Башкирского Предуралья и возвышенно-равнинную полосу Башкирского Зауралья. Площадь – 143 тыс. кв. км. Находясь на стыке Европы и Азии, в переходной полосе от Восточно-Европейской равнины к Уральским горам и от них к Западно-Сибирской равнине, Башкортостан в своей природе сочетает черты прилегающих обширных разнородных пространств. Является одним из экономически развитых регионов страны. Население Башкортостана – более 4 млн. чел.

Плотность населения (человек на кв. км) – 28,6. Свободное государство Саксония расположена на юго-востоке Германии. Площадь Земли Саксония -18,43 тыс. кв. км. Население составляет 4,5 млн. человек. Саксония – земля с высокой плотностью населения (250 человек на кв. км). При этом Саксония одна из самых развитых в промышленном отношении из новых земель Германии.

Таким образом, как Республика Башкортостан, так и Саксония расположены на южных частях федеративных государств, являются одними из самых развитых в экономическом отношении регионов. При этом если население Республики Башкортостан составляет 4,4 млн. человек на площадь 143 тыс. кв.км, то население Саксонии 4,5 млн. человек на площадь 18,43 тыс. кв.км. Данный аспект показателен тем, что на примере этих регионов, возможно, выяснить наблюдается ли взаимообусловленность содержания Основных законов субъектов федеративного государства от вышеуказанных характеристик или учредительные документы во всех субъектах федераций регламентируют общественные отношения на основе единых закономерностей [4, с. 5]. В РФ из всех субъектов конституции принимают только республики, остальные регионы принимают уставы. В ФРГ все субъекты принимают конституции.

Конституция РБ была принята Верховным Советом РБ 24 декабря 1993 года [5]. Основной закон Свободного государства Саксония была принята Конституционным Собранием земли 27 мая 1992 года [6]. При этом необходимо отметить, что в Конституцию РБ за период его действия уже четырежды были внесены изменения – в 2000,2002,2006, 2012 годах, которые в основном были обусловлены несоответствием отдельных положений Основного закона РБ федеральной Конституции. Основной закон Земли Саксония с момента принятия действует без изменений и дополнений. Данный факт, прежде всего, говорит о том, что в ФРГ установлено оптимальное соотношение полномочий федерального и регионального властей. С одной стороны, это и понятно, к моменту принятия действующей Конституции Саксонии в Германии уже сложилась более или менее определенная модель федерализма. Основной закон страны, принятый еще в 1949 году с последующими многочисленными изменениями и дополнениями четко разграничил компетенцию федерального центра и земель, что способствовало и способствует стабильности учредительных документов субъектов ФРГ.

Конституции и Республики Башкортостан и Свободного государства Саксония в первой главе закрепляют основы государственного строя. Так, в соответствие с Основным законом Саксонии «Свободное государство Саксония является землей ФРГ. Саксония – демократическое правовое государство, обязанное защитить естественные права граждан и культуру общества». «Вся государственная власть исходит от народа. И эту власть

осуществляют избранный народом законодательный орган, органы исполнительной власти и правосудия».

Законодательная власть в Саксонии осуществляется Ландтагом, исполнительная власть подконтрольной ему администрацией, судебную власть представляют Конституционный Суд и независимые судьи. Заседания Ландтага являются открытыми для широкой общественности.

Право на местное самоуправление гарантируется Конституцией Саксонии. Местное самоуправление осуществляется в общинах, районах и других объединениях общин. Вопросы основ государственного строя, системы органов государственной власти полностью регулируются законодательством Свободного государства Саксония.

Вторая глава обеих Конституций посвящена основным правам и свободам человека и гражданина. При этом, если вторая глава Основного Закона РБ рассматривает и обязанности человека и гражданина, Конституция Свободного государства Саксония посвящена только основным правам и свободам человека и гражданина. Это говорит в первую очередь о том, что Конституция Саксонии закрепляет права и свободы человека и гражданина, признавая их неотчуждаемость, естественность, и учитывая, тот немаловажный факт, что признание и закрепление основных прав и свобод человека и гражданина в Основном Законе страны с высоким развитием правовой культуры уже обязывает все лица и государственные органы уважать права и свободы других лиц и соответственно положения Конституции, которые и гарантируют эти права. В соответствии с Конституцией РБ «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Основной Закон Саксонии говорит о том, что «достоинство человека неприкосновенно. Неприкосновенность достоинства человека и лежит в основе основных прав и свобод человека и гражданина».

По Конституции РБ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом. Основной закон Саксонии же говорит о том, что основные права и свободы человека и гражданина, перечисленные в Конституции не могут быть ограничены отдельными законами, в противном случае эти законы считаются недействительными. Вот эти положения на наш взгляд, и раскрывают суть положения каждой отдельно взятой личности в этих государствах и подтверждают положение о том, что защита прав и свобод человека и гражданина в Германии поставлены на наиболее высокий уровень. Если по Конституции РБ возможно внесение изменений и дополнений в положения, определяющие основы государственного строя и признающие права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, то Основной закон Саксонии содержит запрет на изменение этих основ.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ вышеуказанных положений Конституции РБ и Саксонии позволяет сделать вывод о том, что как в РБ, так и в Саксонии сложилась система органов государственной власти для управления всеми сферами общественной жизни, определены основные устои, которые являются базовыми при развитии регионов, и данному развитию способствуют те модели разграничения компетенций между Центром и регионами, которые и заложены в Основных законах РФ и ФРГ. Однако надо отметить, что по форме правления РБ больше приближена к президентской республике, Саксония является парламентским государством, с широкими контрольными функциями парламента за деятельностью правительства. Сравнительно-правовой анализ конституций этих двух регионов дает полное право констатировать более последовательное отношение государства к правам и свободам человека и гражданина в Саксонии в отличие от Республики Башкортостан.

Пристатейный библиографический список

1. Поздняков А.М. Развитие федеративных отношений в Российской Федерации // Федерализм: система государственных органов и практический опыт их деятельности. Российско-канадский проект «Федерализм в сотрудничестве». М., 1998.
2. Интервью Председателя Конституционного Суда РФ // Законодательство. 2008. №12.
3. Черепанов В.А. О принципах разделения государственной власти между Российской Федерации и ее субъектами // Журнал российского права. 2003. № 9.
4. Ибрагимова Ф.М. Сущность и особенности законотворчества в субъектах федеративного государства (на примере Республики Башкортостан и Земли Саксония ФРГ): ...Дисс. к.ю.н. – Челябинск, 2006.
5. Конституция Республики Башкортостан (с посл. изм. и доп. от 3 ноября 2000, от 3 декабря 2002 г., от 15 июня 2006г., от 28 июня 2012 г.). Уфа, 2013.
6. Vervassung des Freistates Sachsen vom 27/05/1992 // «Sachsisher Landtag». Volkhanbuch, 2 Aufgabe. Neue Darmstadter Verlaganstalt, 2001.

© Ибрагимова Ф.М., Тулупова Е.О., 2015

*Искужин Т.С.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

**ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО УСТАВА
ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВОВИЧА В СТАНОВЛЕНИИ
МЕДИЦИНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В статье анализируется древний памятник истории и права – Церковный Устав Владимира Святославовича; рассматриваются вопросы возмездного характера оказания медицинской помощи и народной медицины; оценивается значение этого нормативного документа для становления медицинского законодательства Российской империи.

Ключевые слова: Церковный Устав Владимира Святославовича, Российская империя, медицинское право, платная медицинская помощь, медицинское законодательство.

*Iskuzhin T.S.,
PhD, Associate Professor
of the Department of Theory of State and Law
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

**VALUE CHURCH ARTICLES VLADIMIRA SVYATOSLAVOVICHA
IN THE FORMATION OF HEALTH LEGISLATION
RUSSIAN EMPIRE**

The article examines the ancient monument of history and law – Church Charter of Vladimir Svyatoslavovich; deals with the onerous nature of medical care and traditional medicine; estimated value of the normative document for the development of health legislation of the Russian Empire.

Key words: Church Charter Svyatoslavovich Vladimir, Russian Empire, medical law, paid medical care; health legislation.

В истории становления медицинского законодательства Российской империи особое место занимает Церковный Устав Владимира Святославовича, который появился в конце X века. Церковный Устав определял роль церкви в деятельности государства и состоял из четырех отделов. Первый отдел был посвящен вопросам сбора десятины – «десятой векши»

для церковных нужд «чудному Спасу и чудной Богородицы». С XI в. по примеру Византии, где храмовая медицина была известна с VI – V вв. до нашей эры, при монастырях на Руси стали строиться больницы («строение банное, врачево и больницы всем приходящим безмездно врачевание») [1, с. 126-127]. Они предназначались для монастырского и окрестного населения. В «Изборнике Святослава» (XI в) содержалось указание монастырям давать приют не только богатым, но и бедным больным, приглашать к ним «лечца» («аще лечец прилучится») и платить ему за труд из монастырских средств [2, с. 66].

Сведения о монастырской больнице были представлены в монастырских хрониках, именуемых – Киево-Печерский патерик (XII в.). Этот документ включал требования к искусным во врачевании монахам: быть терпимыми и выполнять самую черную работу, при общении с больными и душевнобольными – не заботиться о личном обогащении. В нем описывались также деяния первых подвижников монастыря, прославившихся своим врачебным искусством: преподобных Антония, Алимпия, Агапита [1, с. 227-228].

Печерский монастырь, – согласно Н.П. Загоскину, – явился последователем греческого, на Афонской горе, где святой Афанасий устроил «больницу больных ради». Первые иноки Печерского монастыря пришли с Афона и перенесли с собой оттуда врачебные знания во вновь созданную русскую обитель [3, с. 12] (в берестяных грамотах начала XIV в. имелось сообщение о существовании монастырских больниц в Нижнем Новгороде [4, с. 48-49]). В.О. Ключевский утверждал: «Инок, полагавший в основу своего подвига смирение и послушание..., видел себя членом корпорации, властвовавшей над многочисленным населением монастырских земель ... Мир, т.е. общество и государство, щедро наделяя монастыри вотчинами, этим возлагал на них обязанность устроить общественную благотворительность» [5, с. 270].

Многие монастыри скоро забыли «нищелюбивый завет своих основателей» [5, с. 270], в связи с чем, их благотворительная деятельность не привела к развитию медицинских учреждений, поэтому богадельни были лишь при немногих христианских обителях. Следует дополнительно отметить, что доходы церкви, которые в дальнейшем частично шли на оплату содержания монастырских больниц, не ограничивались 1/10 части с княжеских доходов и с торговых пошлин. За церковь оставались пошлины, полученные за судебные разбирательства. К доходам церкви относились разного рода пожертвования, в том числе, пожертвования земель, движимого и недвижимого имущества [6, с. 17].

Рассматривая Церковный Устав Владимира Святославовича, необходимо подробнее остановиться на его втором отделе, где кроме вопросов, относящихся к прерогативе семейного права, упоминалось о чародеях,

составителях «отрав» и христианах, следующих языческим обрядам, колдовству и ереси. Предписывалось предавать их церковному суду, тем самым, подтверждая высказанное нами ранее утверждение о непримиримой борьбе, служители церкви с представителями народной медицины и христианами с нетвердыми убеждениями, пользующимися услугами знахарей, кудесников и т.д. [7, с. 241-247; 10, с. 159].

По мнению Н.П. Загоскина, волхвов преследовали, казнили, сжигали, а само волхование было объявлено преступлением уже в первых памятниках русского церковного права, где было выдвинуто специфическое преступление против веры – зелейничество, которое было поставлено рядом с ведовством. Под словом «зелье» скрывались разного рода врачебные снадобья, в виду чего, получалось, что преступление состояло в использовании таинственных средств, входивших в область языческой медицины [3, с. 9].

Второй отдел Церковного Устава определял дальнейшую правоприменительную практику: следуя законам, последователи языческого культа, знахари, волхвы и прочих, предавались церковному суду. Мы не можем согласиться с высказыванием М. Забылина, когда он утверждал, что «кроткая христианская религия не допускала в своих догматах ничего противоестественного, никакой злобы, а требовала отречения от зла и внушала кроткую любовь, человеколюбие и прощение обид» [8, с. 202]. В то же время, мы солидарны с М. Забылиным, когда он отмечает, что «когда христианская религия вступила в свои права, тогда изменился прежний строй и быт народов, и борьба завязалась между одряхлевшим язычеством и христианством по поводу нового вероучения. Здесь всё пришло в колебание и открылась самая благоприятная почва для развития всего чудесного и сверхъестественного» [8, с. 196].

Таким образом, давняя борьба церкви с древним язычеством обрела твердый правовой фундамент в положениях второго отдела Церковного Устава. Следующий за ним, третий отдел, был посвящен регулированию надзора церкви за мерами и весами, что имело значение для торговли различными товарами, в том числе медицинского назначения. В соответствии с этим, церковь брала на себя медицинские и социальные проблемы довольно значительной группы людей [9, с. 5; 10, с. 35], состав которой был определен Уставом, на наш взгляд, еще не полностью отдавая себе отчет о необходимом объеме этой работы в государственном масштабе в соотношении с имеющимися возможностями.

Четвертый отдел Церковного Устава ввел понятие «церковные люди», куда входило черное и белое духовенство; паломники и рабы, отпущенные на волю и не приписанные ни к какой общине; престарелые, сироты, хромцы, слепцы, лечцы, люди, исцеленные чудом и прочие; а также гостиницы и больницы [9, с. 5; 10, с. 35].

По этому поводу В.О. Ключевский отмечал: «нет нужды распространяться о значении того постановления уставов, которое касается церковных людей. Разрушая родовые союзы, церковь вместе с тем открывала у себя убежище людям, не принадлежавшим к этим союзам или из них выделявшимся, чем ускоряла еще более падение родового быта» [11, с. 97].

Дополняя его, М.П. Мультановский подчеркнул, что Церковный Устав «определил правовое положение лечцов и медицинских учреждений, отнеся их к категории, подлежащей к церковному суду», а также придавал «авторитет лечцам» и обеспечивал «духовенству надзор за ними» [2, с. 68].

Правовое положение медиков и медицинских учреждений в дальнейшем закрепляли нормы, утверждаемые сменяющимися монархами и разрабатываемые органами управления медицинской деятельностью: Аптекарским приказом, Медицинской канцелярией, Медицинской коллегией и другими, вобрав себя все ценное, что содержал Церковный Устав Владимира Святославовича и усовершенствовал определенные правила настолько, насколько это требовалось для развития Российской империи.

Пристатейный библиографический список

1. Марчукова С.М. Медицина в зеркале истории. – СПб.: Европейский дом, 2003.
2. Мультановский М.П. История медицины. – М.: Медицина, 1967.
3. Заголкин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России. – Казань: Тип. Императорского Университета, 1891.
4. Кавецкий Р.Е., Балицкий К.П. У истоков отечественной медицины. Киев, 1954.
5. Ключевский В.О. Русская история. – М.: Эксмо, 2009.
6. Дорская А.А. История государственных учреждений России до 1917 г.: учебное пособие. – СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 1998.
7. Церковный Устав. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. М., 1952.
8. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забытым. – М.: Изд. книгопродавца М. Березина, 1880.
9. «Дивно видах Словеньскую землю; идучи мы семо, видах бани древены и пережгутъ с рамяно, совлокутъся, и будут нази и облекутъся квасом сусняным, и возьмутъ на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьют егда влезуть ли живи, и облекутъся водою студеною тако ожить; и то творять по вся дни не мучими никим же, но сами я мучать и то творять мовень себе, а не мучень» // Летопись Нестора. М., 1824.
10. Максимович–Амбодик Н.М. Нестор. Врачебное веществословие. Кн. I. Ч. СПб., 1783.
11. Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг. / Под ред. Р.А. Киреевой и А.Ф. Киселева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 97.

© Искусжин Т.С., 2015

*Ишмеева А.С.,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономических дисциплин
Уфимского юридического института МВД России,
г. Уфа, Россия*

БУХГАЛТЕРСКИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ УЧЕТ В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассмотрена роль бухгалтерского экологического учета, выявлена необходимость разработки номенклатуры статей экологических затрат, которая обусловлена изменением характера издержек в связи с экологизацией производства. Выявлена необходимость разработки номенклатуры статей экологических расходов (затрат) и доходов (поступлений) хозяйствующего субъекта, в основу которой необходимо положить их группировку по назначению природоохранной деятельности для успешного решения сложной и многоаспектной проблемы экологизации учета.

Ключевые слова: экологический учет; экологический аудит; показатели; тенденции; задачи; расходы.

*Ishmeeva A.S.,
PhD, Associate Professor of Economic Disciplines
Ufa Law Institute of the Russian Interior Ministry,
Ufa, Russia*

BALANCE ENVIRONMENTAL ACCOUNTING SYSTEM MANAGEMENT INFORMATION SOURCES

In article the role of the accounting ecological account is considered, need of development of the nomenclature of articles of ecological expenses which is caused by change of character of expenses in connection with production greening is revealed. Need of development of the nomenclature of articles of ecological expenses (expenses) and the income (receipts) of an economic entity which basis nature protection activity needs to be their group to destination for the successful solution of a complex and multidimensional problem of greening of the account is revealed.

Key words: ecological account; ecological audit; indicators; tendencies; tasks; expenses.

Наиболее актуальной проблемой современного этапа развития экологической политики в мире являются принципы и механизмы борьбы с вредными парниковыми выбросами, в целях обеспечения безопасности ныне живущего и будущего населения планеты, в соответствии с реализацией Закона о Киотском протоколе.

Россия занимает 3 место (после США и Китая) по количеству выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду и 74 место среди экологически чистых стран мира. Одной из причин данной ситуации является утрата экономического потенциала страны, низкий уровень технического прогресса в результате внедряемых реформ.

Экологические проблемы и их негативное влияние на человечество, и катастрофические последствия несравнимы ни с чем. Однако на сегодняшний день в России не разработаны методы развития общественного хозяйства, учитывающие природно-экологическое равновесие с минимальными воздействиями вредных выбросов на окружающую среду. Поэтому необходимо принять меры по экологизации оценки выбросов углекислого газа в атмосферу, учета сертификатов сокращения выбросов и т.д. [1, с. 122]. Основным инструментом, призванным решить эту проблему на уровне хозяйствующего субъекта является научная разработка и постановка экологического учета.

Экологический учет – это система, которая может использоваться для выявления, организации, регулирования и представления данных и информации о состоянии окружающей среды в натуральных и стоимостных показателях. В первую группу входят натуральные характеристики, которые включают количественные и качественные параметры элементов окружающей природной среды, и строящиеся на их основе натуральные оценки. Вторая группа показателей включает стоимостные характеристики природно-ресурсного потенциала и является его экономической оценкой. Формируются они с учетом количественных и особенно качественных параметров ресурсов [2, с. 132].

Экологический учет на микроуровне рассматривается как сегментарная область бухгалтерского учета, представляющая собой научно обоснованную систему сплошного и непрерывного наблюдения, оценки, систематизации и обобщения информации об экономико-экологических процессах, возникающих в результате деятельности хозяйствующего субъекта. Его цель заключается в создании и постоянном обновлении информационной модели, позволяющей на основе системы соответствующих показателей наиболее полно и объективно оценить сущность и содержание природоохранной деятельности хозяйствующего субъекта за отчетный год и в динамике выявить влияние экономико-экологических процессов на финансово-хозяйственные перспективы функционирования организаций.

Вместе с тем интегрирование учета окружающей среды в традиционную систему бухгалтерского учета предприятия является сложной проблемой ввиду некоторых причин. Во-первых, это ограниченность бухгалтерского учета, предопределенная принципом денежного измерителя. По этой причине сырье и материалы, поступающие на предприятие, находят свое отражение в бухгалтерских документах, а другие компоненты окружающей среды, такие, например, как отработанный воздух и тепло, в бухгалтерских регистрах отсутствуют – эти величины можно учесть только в натуральных измерителях. Следующей причиной не включения перечисленных категорий в бухгалтерские отчеты является условие, соответствующее которому ресурс лишь тогда становится активом, если он контролируется предприятием (наличие права собственности). Это не значит, что хозяйствующие субъекты должны отказаться от учета экологических аспектов их деятельности, так как отсутствие данного вида учета ведет к неконтролируемому загрязнению окружающей среды. Также трудности связаны с выделением таких расходов в учете, как: на практике трудно разграничить затраты, связанные с производством и реализацией продукции (работ, услуг), и расходы на природоохранные мероприятия в силу того, что положительный экологический эффект является результатом улучшения технологического процесса или внедрения в него достижений научно-технического прогресса. Причиной покупки более экологичного оборудования или изменения производственного процесса является, как правило, стремление получить больший коммерческий эффект, конкурентные преимущества. Уменьшение отходов или снижение выбросов – это попутно достигаемый эффект. Расходы на природоохранные мероприятия являются составной частью затрат хозяйствующего субъекта при условии, что они приводят к уменьшению экономической выгоды. Несмотря на это, указанные расходы являются необходимым условием функционирования организации. Однако сегодня основные формы бухгалтерской (финансовой) отчетности не содержат отдельной статьи для данного вида расходов. Отсутствие единого стандарта представления информации о природоохранной деятельности вынуждает хозяйствующие субъекты самостоятельно выбирать направления и формы представления такой информации: при составлении бухгалтерской (финансовой) отчетности включать дополнительные показатели и пояснения в отношении своей экологической деятельности в сфере рационального природопользования, охраны окружающей среды и экологической безопасности с целью повышения ее прозрачности и качества информации, особенно существенной для предприятий, оказывающих на состояние окружающей среды как положительное, так и отрицательное воздействие.

Обязательства по охране окружающей среды отражены в ПБУ 8/01 «Условные факты хозяйственной деятельности». Однако учет недоста-

точно разработан в отечественной и зарубежной теории и практике бухгалтерского учета. Детальное отражение информации об экологических затратах и определение их экономической эффективности требует обособленного учета, основой которого является научно обоснованная классификация данных групп затрат. Очевидно, нельзя выделить единый классификационный признак, так как пользователи информации об экологических затратах имеют различные цели и используют разную методологию и методику обработки информации. Классификация экологических затрат обусловлена потребностями в анализе этих затрат, сопоставлении с другими затратами, а также для цели текущего контроля и рационального использования средств организации и определения эффективности затрат в целом.

Зачастую в качестве основы для классификации рассматриваемых расходов в бухгалтерском (финансовом) учете хозяйствующего субъекта используются классификации, разработанные в системе статистического учета, благодаря чему к расходам по природоохранной деятельности мы относим следующие основные группы и виды затрат: текущие затраты организаций на охрану окружающей среды; затраты на капитальный ремонт основных фондов природоохранного назначения; капитальные вложения на охрану окружающей среды (прямые и сопряженные); содержание заповедников и иных особо охраняемых природных территорий, затраты на охрану ресурсов животного мира, охрану лесных ресурсов (частично), озеленение городов и промышленных центров; затраты на научные исследования в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов; операционные расходы бюджета на цели экологии: расходы на содержание и деятельность государственных органов в области охраны окружающей среды, в том числе оплата труда управленческих и контрольных органов по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов; затраты на экологическое образование и просвещение (подготовку соответствующих специалистов). Для российской учетной практики наиболее близкой является классификация расходов на природоохранные мероприятия по типу расходов. Это реализуется в одном из принципов учета затрат на производство – разделение на текущие и капитальные.

Данная классификация представлена на уровне хозяйствующего субъекта, но эти затраты могут быть обобщены, сгруппированы по иным признакам для целей управления природопользованием. Целью группировки экологических затрат по видам проводимых мероприятий является определение степени интенсивности экологической деятельности предприятия, основных ее направлений и эффективности понесенных при этом затрат.

В заключение следует отметить, что внесение платы за негативное воздействие на окружающую природную среду не освобождает хозяйствующие субъекты от выполнения мероприятий по охране окружающей среды и возмещения причиненного ей вреда. В целом внедрение экологического аудита в практическую деятельность предприятия позволит выявить экологические правонарушения и своевременно принять меры по их устранению и таким образом избежать или минимизировать штрафные санкции, что окажет влияние на экономическую безопасность предприятия, а также востребованность продукции у покупателей.

Пристатейный библиографический список

1. Губайдуллина И.Н., Губайдуллин Н.М. Экономические и правовые основы формирования экологического аудита предприятий // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2014. № 4 (32).
2. Ковтунова С.Ю. Экономическая безопасность промышленных предприятий в условиях рыночной экономики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. № 3.

© Ишмеева А.С., 2015

УДК 343

***Каримова Г.Ю.,**
кандидат юридических наук,
кафедра уголовного права и криминологии УЮИ МВД России,
г. Уфа, Россия*

ПОНЯТИЕ И ПРИЧИНЫ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье раскрываются понятие и причины латентной преступности. Установлено негативное влияние латентной преступности на состояние государственной статистики о зарегистрированной преступности. Приведены выявленные представителями научно-исследовательского коллектива НИИ Генпрокуратуры РФ под руководством С. М. Иншакова причины укрытия сотрудниками правоохранительных органов заявленных гражданами преступлений. В качестве основных причин сокрытия определенного количества заявленных гражданами преступлений названы сложность доказывания вины подозреваемого, трудоемкость сбора доказательств, сложившуюся атмосферу в отделе внутренних дел, поощряющую практику укрытия. Проанализированы выделенные Б. Я. Гавриловым группы факторов, способствующих искусственному искажению криминологических показателей преступности в нашей стране. Отмечено, что отсутствие должной и объективной информации о преступности не способствует обеспечению правоохранительными органами всесторонней защиты и имущественной безопасности граждан, интересов государства и общества. Обосновано

негативное влияние латентной преступности на состояние преступности и отношение преступников к совершаемым ими деяниям.

Ключевые слова: латентность, преступность, причины латентности, официальная статистика, мониторинг, криминологические показатели.

*Karimova G.Y.,
PhD in Law, Department of Criminal Law and Criminology
of Ufa law institute of the Interior of the Russian Federation,
Ufa, Russia*

THE CONCEPT AND CAUSES OF DELINQUENCY

The article describes the concept and causes of delinquency. A negative effect of delinquency on the state of public statistics on reported crime. Given the identified representatives of a research team of the research Institute of the Prosecutor General of the Russian Federation under the direction of S. M. Inshakov reason cover by law enforcement officials claimed by the citizens of crimes. As the main reasons for the concealment of a certain amount claimed by the citizens of the crimes named the difficulty of proving the guilt of the suspect, the complexity of gathering evidence, the prevailing atmosphere in the Department of internal Affairs, discourage the practice of hiding. Analyzed selected B. Y. Gavrilov groups of factors that contribute to the artificial distortion of criminological crime rates in our country. It is noted that the lack of adequate and objective information on crime do not encourage law enforcement agencies to fully protect the property and safety of citizens, the interests of the state and society. Grounded negative impact of delinquency on the state of crime and the attitude of criminals for acts committed by them.

Key words: latency, crime, causes of latency, official statistics, monitoring, criminological indicators

Существенное негативное влияние на рост преступлений и их предупреждение оказывают состояние и динамика скрытой (латентной) преступности [1, с. 170]. Ее масштабы, как показывает практика, значительно шире и не всегда соответствуют уголовно наказуемым деяниям, учитываемым официальной статистикой. Под латентной преступностью понимают скрытую или незарегистрированную часть совершенных преступлений. По мнению В. В. Лунеева, количество совершенных преступлений намного превышает те, о которых известно органам правосудия, а известная им преступность – ту ее часть, которая официально учитывается. В свою очередь, количество зарегистрированных преступлений намного больше раскрываемых, а их количество больше преступлений, за совершение которых виновные привлекаются к уголовной ответственности [2, с. 125]. Наличие латентной преступности свидетельствует о том, что со-

стояние государственной статистики о зарегистрированной преступности нельзя признать удовлетворительным. Общество и государство, не обладая полной информацией о действительной криминологической обстановке в стране, не могут принять адекватных мер по контролю над преступностью. Латентная преступность, кроме того, является серьезным криминогенным фактором, детерминирующим дальнейшее увеличение преступности [3, с. 134].

Как показывают результаты исследований, проводимых криминологами, латентная преступность бывает в основном двух видов: естественной и искусственной. Естественная латентность представляет собой незаявленные преступления, то есть те, о которых потерпевшие, свидетели, должностные лица и другие граждане не сообщили в правоохранительные органы. Традиционно в криминологии под искусственно латентной преступностью понимают факты совершения криминальных деяний, сознательно скрываемые правоохранительными органами от учета и последующего реагирования на них. Уровень зарегистрированных, но по вине дознавателей, следователей и прокуроров не установленных преступлений колеблется в пределах 5 % от числа учтенных. Они распределены в отказных материалах о возбуждении уголовного дела, в прекращенных уголовных делах за отсутствием события или состава преступления, а также в делах с оправдательными приговорами. С уголовно-правовой точки зрения последняя часть латентной преступности в значительной мере является формально законной. С криминологической позиции реально совершенные, но не доказанные деяния не перестают быть латентными преступлениями [4, с. 134].

Опасность распространения подобной практики определяется учащением случаев неполучения гражданами ожидаемой защиты от правоохранительных органов. В этой связи, в обществе развиваются альтернативные механизмы разрешения криминальных конфликтов [5, с. 22]. Латентная преступность свидетельствует о безнаказанности преступников. Чем выше показатель латентности криминала, тем большее количество преступников остается без уголовного наказания.

Многолетний мониторинг латентной преступности, проводимый коллективом НИИ Генпрокуратуры РФ под руководством С. М. Иншакова на основе комплексной исследовательской методики приводит специалистов к выводу о том, что уровень фактической преступности более чем в семь раз выше уровня зарегистрированной [6, с. 6].

По данным официальной статистики, ежегодно в нашей стране прокуроры выявляют порядка 140 тыс. укрытых преступлений. По результатам опроса прокурорских работников, проведенного представителями научно-исследовательского коллектива НИИ Генпрокуратуры РФ под руководством С. М. Иншакова, около 40 % укрытых преступлений оста-

ются невыявленными. Таким образом, определенное число совершенных преступлений укрывается сотрудниками органов внутренних дел и работниками контролирующих органов.

Около половины опрошенных (52 %) указанным коллективом сотрудников правоохранительных органов отметили, что от 5 до 10 % укрытых в органах внутренних дел преступлений в последующем выявляются в ходе осуществления ведомственного контроля МВД России, и также практически половина опрошенных респондентов (48,5 %) полагают, что такая же доля укрытых преступлений выявляется в ходе прокурорского надзора [7, с. 756].

Сотрудники правоохранительных органов, опрошенные представителями научно-исследовательского коллектива НИИ Генпрокуратуры РФ под руководством С. М. Иншакова, указали на следующие причины укрытия выявленных ими и заявленных гражданами преступлений [8, с. 22]:

- убежденность, что в случае возбуждения уголовного дела сбор доказательств будет настолько трудоемким, что некогда будет заниматься другими делами;

- уверенность, что в случае возбуждения уголовного дела доказать вину лица, подозреваемого в совершении преступления, не удастся (а это ухудшит показатель раскрываемости);

- сомнение в том, что человека, совершившего выявленное преступление, следует привлекать к уголовной ответственности;

- убежденность, что преступники с помощью каких-то коррупционных схем все равно уклонятся от ответственности;

- надежда на то, что укрывательством можно будет получить вознаграждение в какой-либо форме от лица, совершившего преступление;

- нарушение законодательства сотрудником правоохранительных или контролирующих органов в процессе выявления преступления (выявление преступления незаконным способом);

- угрозы, шантаж со стороны лица, подозреваемого в совершении преступления;

- боязнь мести со стороны лица, подозреваемого в совершении преступления (хотя он и не угрожал);

- указание или просьба в укрытии преступления со стороны руководителя;

- указание или просьба в укрытии преступления со стороны руководителей отсутствовали, но сотрудник знал, что регистрация этого преступления им не понравится, – в их отделе сложилась такая атмосфера.

В качестве основных из вышеуказанных причин сокрытия определенного количества заявленных гражданами преступлений 26,7 % сотрудников правоохранительных органов называют сложность доказывания вины подозреваемого, 23,2 % – трудоемкость сбора доказательств, 11,2 % – сло-

жившуюся атмосферу в отделе внутренних дел, поощряющую практику укрытия [9, с. 9]. Б. Я. Гаврилов в свою очередь выделяет следующие основные группы факторов, способствующие искусственному искажению криминологических показателей преступности в нашей стране.

Первая – это обстоятельства, связанные с необоснованными многолетними требованиями к органам правопорядка «покончить» с преступностью, а не установить реальный социально терпимый контроль над ней. Не имея объективной возможности реализовать данные требования, органы внутренних дел научились приукрашивать криминальную действительность, показывая себя в формируемых ими же сведениях в лучшем свете.

Вторая связана с раскрываемостью преступлений. Пришедшие с постсоветского времени требования повысить раскрываемость преступлений привели сегодня к ситуации, что если лицо, совершившее преступление, известно на момент обращения гражданина или организации в органы внутренних дел, то заявление принимается, соответственно, возбуждается уголовное дело и преступление попадает в официальные статистические данные о состоянии преступности.

Если же подозреваемое лицо неизвестно, то заявление, сообщение о преступлении под различными предлогами милицией или не принимается вообще, или в лучшем случае по такому обращению может быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела – зачастую незаконно.

Третья – общество в интересах удовлетворения самых неотложных социальных и иных нужд вынуждено экономить на некоторых видах социальной практики, к которым относится и правоохранительная деятельность.

Четвертая – эффективность контроля над преступностью зависит от реальности задач, поставленных государством перед правоохранительными органами. А это возможно только на основе объективного знания фактического состояния преступности и реального отражения результатов работы правоохранительных органов [10, с. 12]. Отсутствие должной и объективной информации о преступности не способствует обеспечению правоохранительными органами всесторонней защиты и имущественной безопасности граждан, интересов государства и общества [11, с. 170].

Латентная преступность негативно влияет на состояние преступности и отношение преступников к совершаемым ими деяниям, так как не происходит пресечения преступной деятельности лиц, избежавших изобличения и наказания, а также вовлечение новых лиц в совершение противоправных деяний [12, с. 65]. Увеличение количества регистрируемых преступлений требует своевременного принятия соответствующих организационно-управленческих и иных мер по недопущению развития негативных тенденций преступности.

Пристатейный библиографический список

1. Огородников В. Латентная преступность и взаимодействие правоохранительных органов с населением [Текст] / В. Огородников // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М., 1993.
2. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции [Текст] / В. В. Лунеев. – М.: НОРМА, 1997.
3. Лунеев В.В. Криминология: учебник для бакалавров [Текст] / В.В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2014.
4. Лунеев В.В. Криминология: учебник для бакалавров [Текст] / В.В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2014.
5. Гриб В.В. Социально-криминологическая природа искусственно латентной преступности современной России и факторы, ее детерминирующие [Текст] / В.В. Гриб // Юридический мир. 2013. № 6. С. 21–24.
6. Иншаков С.М. Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности [Текст] / С. М. Иншаков // Криминологический журнал БГУЭП. 2008. № 4.
7. Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности [Текст] / С.М. Иншаков. М., 2011.
8. Гриб, В. В. Социально-криминологическая природа искусственно латентной преступности современной России и факторы, ее детерминирующие [Текст] / В.В. Гриб // Юридический мир. 2013. № 6.
9. Иншаков С.М. Уровень и структура криминальной латентности как показатель эффективности деятельности правоохранительных органов (по результатам одного исследования) [Текст] / С.М. Иншаков // Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 4.
10. Гаврилов, Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры обеспечения достоверности уголовной статистики [Текст] / Б.Я. Гаврилов. М., 2007.
11. Огородников В. Латентная преступность и взаимодействие правоохранительных органов с населением [Текст] / В. Огородников // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М., 1993.
12. Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования [Текст] / К.К. Горяинов, А.П. Исиченко, Л.В. Кондратюк. М., 1994.

© Каримова Г.Ю., 2015

*Касимов Т.С.,
кандидат юридических наук,
декан юридического факультета ГОУ ВПО
«Башкирская академия государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»,
г. Уфа, Россия*

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК КОНЦЕПЦИЯ БУДУЩЕГО

В статье изложены точки зрения современных российских авторов по вопросу о реальности правового государства. Рассмотрены концепции будущего российского государства, относящиеся к идеологиям русского национализма, исламизма, консерватизма (евразийская теория, этическое государство, гарантийное государство). Показано соотношение данных концепций с теорией правового государства.

Ключевые слова: правовое государство, концепции будущего, национализм, исламизм, консерватизм, традиции, нравственность.

*Kasimov T.S.,
PhD, Dean of the Faculty of Law of the GOU VPO
"Bashkir Academy of Public Service and Administration under the President of the Republic of Bashkortostan"
Ufa, Russia*

RULE-OF-LAW STATE AS A CONCEPT OF THE FUTURE

The article contains analysis of the points of views of Russian scientists, specialists in the area of theory of state and law, about the existence of the rule-of-law state.

The concepts of the future of the Russian state related to the ideologies of Russian nationalism, Islamism, conservatism (Eurasian theory, "ethical state", "guarantee state" are considered. The correlation between the given conceptions and the theory of law-based state is shown.

Key words: law-based state, conceptions of the future, nationalism, Islamism, conservatism, democracy, traditions, moral.

Правовое государство является одной из концепций будущего государства. Его можно считать квинтэссенцией либеральных представлений о желаемом образе государства. Вместе с тем, построение правового государства названо целью развития России во множестве работ, авторы которых исповедуют различные идеологии: социалистические, консерва-

тивные, националистические. Подтверждением этому служат программы зарегистрированных в Российской Федерации партий. Идея построения правового государства поддержана в программах таких зарегистрированных партий, как «Гражданская инициатива», «ДОСТОИНСТВО», «Отчизна», Партия Возрождения России», «ПАТРИОТЫ РОССИИ», «Российская партия автомобилистов «РОСПА», «Российская сетевая партия», «Российская экологическая партия «Зеленые», «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», «Трудовая партия России», «ЯБЛОКО».

Закрепленное в ст. 1 Конституции РФ положение о Российской Федерации как о правовом государстве рассматривается как цель, а не реальность. Тезис об отсутствии правового государства в современной России выражен в работах известных отечественных ученых-исследователей проблем государства (В.К. Бабаева, А.П. Глебова, В.М. Корельского, Е.А. Лукашевой, О.В. Мартышина, М.Н. Марченко и других). [1, с. 691]. На вопрос о реальности правового государства в современной России большинство авторов дают отрицательный ответ, считая, что данный тип государства не сформировался в нашей стране. Общепризнанной идеей является тезис о правовом государстве как концепции будущего. [2, с. 12-13].

Тенденцией последних лет, связанной во многом с частичным переходом российской власти от либеральной идеологии и практики государственного строительства к консервативной, стало обращение отечественных теоретиков государства и права к рассуждениям о нравственных факторах, что нашло отражение в научных публикациях. «Правовое государство предполагает и определенный уровень индивидуальной и общественной нравственности. Правовое государство основывается на праве, которое объективно нуждается в моральном обосновании... Укрепляя нравственность, общество укрепляет право и наоборот. Только так можно сократить путь к правовому государству» [3, с. 488]. «Нравственную основу правового государства образуют общечеловеческие принципы гуманизма и справедливости, равенства и свободы личности, ее чести и достоинства. Режим правовой государственности реально утверждает высшие нравственные ценности человека, обеспечивает их определяющую роль в жизни общества, исключает произвол и насилие над личностью» [4, с. 488]. О важности повышения нравственного уровня общества для формирования правового государства пишут и другие авторы: В.Я. Любашин, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, Р. Х. Макуев.

Признавая парадигмой развития России построение правового государства, следует обращать внимание на концепции будущего государства, в которых отрицаются принципы правового государства. В современной России из них наиболее распространены концепции русских националистов и исламистов.

Отметим взгляды таких приверженцев русских националистических концепций. А.В. Севастьянов может считаться исключением из правила. Он называет себя национал-демократом. В предложенном им проекте Конституции говорится: «России – правовое государства» (статья 6). В статье 9 сказано: «Основными ценностями в России являются русский патриотизм, социальная солидарность, правовое государство» [5, с. 56-57]. Большинство современных русских националистов, таких, как М. Беляев, Е. Косов, В. Ларионов, Б. Миронов, А.Н Савельев (Кольев), Е.С. Холмогоров имеют во многом иное видение будущего России. Их концепции объединяют общие воззрения: монархическая форма правления, отмена национально-территориальной федерации и переход к территориальной федерации или унитарному государству, отказ от разделения властей, огосударствление или привилегии одной религии (русского православия), привилегии по национальному признаку, нетерпимость или даже дискриминации по национальным и религиозным признакам. Эти идеи противоречат принципам правового государства: народному суверенитету, федерализму в многонациональном государстве, отделению религии от государства, равноправию независимо от национальной и религиозной принадлежности.

Сложной проблемой для России является исламизм, реже именуемый политическим исламом. Пожалуй, наиболее известный российский приверженец исламизма, Гейдар Джемаль, призывает к неповиновению мусульман неисламской власти. Более того, в работах Г. Джемалья содержится тезис о грядущей исламской революции, которая должна не ограничиваться границами одного государства, а приобрести всемирный характер, стать «мировой революцией», в результате которой к власти придет исламское «мировое правительство» -- Интернационал [6, с. 43, 410-411]. Исламское государство по своей сущности есть отрицание правового государства.

В последние годы все большее распространение получают консервативные концепции, призывающие к следованию российским традициям и обращающим внимание на нравственные аспекты. Наиболее крупный представитель современного российского евразийства А.Г. Дугин критикует заимствования с Запада. В.В. Кулыгин приводит мнение Дугина о том, что национальная юриспруденция должна резко и жестко отказаться от копирования правовых теорий Запада, подвергнуть их детальному и скрупулезному историко-геополитическому и критическому анализу. Однако проработанной теории, способной заменить, как сказал Г. Бергман, западную традицию права, в отечественной юриспруденции не наблюдается [7, с. 20-21].

В целом концепциям будущего государства современных российских консерваторов, как правило, свойственны следующие идеи, противоречащие принципам правового государства. 1. Идеократическое государство, политика которого должна основываться на традиционных ценно-

стях народов России, прежде всего русского народа. 2. Признание высшей ценностью для государства не прав человека, а исполнение норм религии и традиций, а также коллективных прав групп людей. 3. Приоритет обязанностей, долга над субъективными правами. 4. Сильное влияние религии на государство. 5. Обоснование необходимости авторитаризма (в отдельных концепциях). 6. Идеи возрождения сословного деления общества либо опричнины как ордена избранных (в отдельных концепциях).

Российские консерваторы критикуют теорию правового государства с позиции идеи нравственного государства. Это делается, в частности, в концептуальных работах Н.С. Михалкова «Право и правда», В.А. Шемшука «Этическое государство».

Идеи о нравственном государстве не противоречат концепции правового государства, но с поправкой на то, что законы приучают людей, включая тех, которые представляют государство, быть нравственными. Называть само государство нравственным довольно нелепо так же, как, например, умным, трудолюбивым, честным или отзывчивым, так как данные прилагательные описывают свойства человека, а государство – это неодушевленное явление. Законы способны привить нравственность людям. Так, установленный в России запрет пить пиво в общественных местах под страхом административного наказания и ужесточение санкций за вождение в состоянии опьянения, призваны привить людям высокую культуру поведения и способны через юридические инструменты сделать людей нравственней, избавить от худших проявлений пьянства.

В правовом государстве законы призваны, как правило, соответствовать нормам нравственности. Верховенство права как принцип правового государства означает, что законы должны соответствовать нравственным принципам справедливости, гуманизма, равноправия. Даже в современной России нормы права в основном этим принципам соответствуют. Такой вывод мы сделали в результате многочисленных опросов студентов и работающих граждан, в том числе юристов. Россияне с большим трудом могут найти в действующем законодательстве нормы, противоречащие морали, нравственности. В России не реализуются скорее второй аспект верховенства права – исполнение законов. Не в должной степени осуществляется именно реализация многих норм права.

В результате изучения современных отечественных концепций, посвященных будущему государству в России, можно сделать вывод, что концепция правового государства отличается от них не только гуманизмом, провозглашая высшей ценностью человека (а не государство, нацию, религию или традиции), но и максимально глубокой проработкой признаков и принципов желаемого образа государства.

Пристатейный библиографический список

1. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права: Учебник. - М.: Изд-во ЭКСМО, 2005.
2. Касимов Т.С. Понимание правового государства в современной российской юридической науке // Правовое государство: теория и практика. 2009. №3 (17).
3. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2013.
4. Теория государства и права : учебник для бакалавров / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев ; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2011.
5. Севастьянов А.В. «Россия для русских». Третья сила: русский национализм на авансцене истории. – М.: Книжный мир, 2006.
6. Джемаль Г. Освобождение ислама. – М.: Умма, 2004.
7. Кульгин В.В. Нужно ли евразийской державе евразийское право? // Евразийский юридический журнал. – № 8 (27) 2010.

© Касимов Т.С., 2015

УДК 349

*Козырева И.Е.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики Института права БашГУ,
г. Уфа, Россия*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье автором рассматриваются основные этапы формирования таких научных направлений как фундаментальная и юридическая психология, анализируются основные идеи создателей юридической психологии, приводятся основные этапы их творческой деятельности и рассматриваются пути развития юридической психологии. Автором отмечается, что на настоящий момент издано более 20 учебников по юридической психологии, издаются научные журналы, ведутся многочисленные исследования в различных направлениях, входящих в предмет юридической психологии. Делается заключение, что юридическая психология заняла достойное место в цикле наук, изучающих личность человека во всем ее многообразии.

Ключевые слова: юридическая психология, В. Вундт, Э. Клапаред, Г.И.Челпанов, В.М. Бехтерев, МГППУ.

*Kozyreva I.E.,
PhD, Associate Professor, Department of Criminology
Law Institute BSU,
Ufa, Russia*

LEGAL PSYCHOLOGY: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

In the article the author reviews the main stages of fundamental and legal psychology formation as scientific fields, the main ideas of the legal psychology creators are analysed, the main stages of their creative activities are shown and ways of legal psychology development are reviewed. It is emphasised by the author that at the moment more than 20 textbooks are published, scientific journals are released, multiple research activities are carried out in the fields that comprise the subject of the legal psychology. A conclusion is made that the legal psychology took its decent place among other sciences that research human personality in all its broad variety.

Key words: legal psychology, W. Wundt, E. Claparède, G.I. Chelpanov, V.M. Bechterev, MCPPU.

Возникновение и становление юридической психологии тесно связано с развитием таких научных направлений, как уголовное право и уголовный процесс, криминалистика и криминология, гражданское право и гражданский процесс, медицина и психиатрия, но, прежде всего, предмет юридической психологии формировался и развивался на базе фундаментальной или академической психологии.

Возникновение психологии как науки связывают с именем Вильгельма Максимилиана Вундта (16 августа 1832 - 31 августа 1920) - немецкого физиолога и психолога. Он считается основателем экспериментальной и когнитивной психологии.

В. Вундт родился в городке Некрау недалеко от Мангейма и был сыном лютеранского пастора. Окончил школу в 1851 г. и до 1856 г. обучался в Тюбингенском, Берлинском и Гейдельбергском университетах. На последнем году учебы в Гейдельберге В. Вундт был практически при смерти от серьезного заболевания. После получения диплома по медицине в Гейдельберге, В. Вундт короткое время учится у Иоганна Мюллера и вскоре стал сотрудником Университета - ассистентом выдающегося физика и физиолога Германа фон Гельмгольца, с 1858 по 1864 гг. В это время он пишет работу по теории чувственного восприятия. Также в Гейдельберге В. Вундт женится на Софи Мау.

В этот период В. Вундт начинает читать первый в мире курс по научной психологии, постоянно подчеркивая в нем использование экспериментальных методов, взятых из естественных наук. В своем курсе он акцентирует наличие физиологической связи между мозгом и разумом.

Знания и опыт В. Вундта в физиологии имели огромное значение для становления новой науки - психологии. Его лекции были опубликованы в книге «Лекции о разуме человека и животных» в 1863 г. В 1864 В. Вундт получает место доцента в Гейдельберге.

В. Вундт начинает работу, которая привела его к публикации в 1874 г. одной из самых важных работ в истории психологии – «Принципы физиологической психологии». Принципы объясняют психологию, как исследование непосредственного опыта сознания, включая чувства, эмоции, волевые акты и идеи, с помощью метода интроспекции, или самонаблюдения [1].

В 1875 году В. Вундт получает место профессора в Лейпцигском университете, а через 4 года основывает первую в мире психологическую лабораторию, набирает учеников и делает это учебное заведение настолько престижным, что, чтобы получить в нем психологическое образование, приезжают слушатели со всего мира. В. Вундт, как и практически все представители, изучающие данное направление, был человеком одержимым, получавшим удовольствие от самого процесса познания. Как говорит сейчас в своих работах М. Чиксентмихайи, он был в Потоке [2], несколько лет он бесплатно проводил занятия со своими слушателями и только потом открыл, как уже говорилось выше, первую психологическую лабораторию и впоследствии первый психологический институт. Лейпциг в те годы был процветающим городом, и работа В.Вундта в области нового научного направления – психологии придавала ауре города дополнительный колорит.

Учениками В. Вундта, распространившими знания фундаментальной психологии по всему миру, были в т.ч. У. Джеймс, считающийся одним из основателей американской психологии, и Г.И. Челпанов, создавший первый психологический институт в Москве на пожертвования мецената С.И. Щукина.

Несколько слов хотелось бы сказать об эпохе, в которой в основном сформировался предмет фундаментальной, а потом и юридической психологии. Выдающийся российский ученый, инженер, геолог, путешественник и мыслитель П.А. Кропоткин совершенно точно заметил, что все выдающиеся открытия делаются человечеством в те периоды его существования, которые характеризуются наличием мира, спокойствия и оптимистического взгляда на будущее.

Фундаментальная психология и юридическая психология возникли на рубеже XIX-XX вв., во время, которое в Европе называется «Belle Époque» - прекрасная эпоха, когда по всей Европе строились роскошные гостиницы, расширялась и совершенствовалась инфраструктура городов, был относительно спокойный период, и будущее казалось предсказуемым и безмятежным. Как сказал один знаменитый француз О. Эскофье: «Кто не жил в Belle Époque, тот не жил никогда».

Чуть позже, в 1906 г. в Женеве работает выдающийся швейцарский ученый Э. Клапаред. Ему принадлежит честь введения в научный обиход термина «Юридическая психология» и в этом же году он начинает читать курс по юридической психологии в Женевском университете.

В России, как уже упоминалось, первый психологический институт был создан в 1912 и открыт в 1914 году профессором Московского университета Георгием Ивановичем Челпановым, который стал первым в России (и в то время — третьим в мире) научно-исследовательским и образовательным психологическим институтом. Средства на создание института были пожертвованы известным российским меценатом Сергеем Ивановичем Щукиным. Согласно пожеланию благотворителя Психологическому институту было присвоено имя его супруги — Лидии Григорьевны Щукиной [3]. Г.И. Челпанов и Л.Г. Щукина много путешествовали по Европе и миру, искали все самое новое и интересное, что в то время было создано в психологии, и привезли это в Россию.

Г.И. Челпанов создавал новый институт, тщательно изучив зарубежные прототипы в европейских и американских университетах, образование в которых считал наиболее приближенным к условиям российского образования. Одним из образцов послужила первая психологическая лаборатория под руководством Вильгельма Вундта в Лейпцигском университете. Первоначальная цель создания института, актуальная и по сей день, заключалась в объединении общей и прикладной психологии, развитии психологии как единой научной дисциплины [4].

В 2014 праздновалось 100-летие открытия этого учебного заведения. На официальной конференции «Психологический институт в современном научно-психологическом пространстве: Международные Челпановские чтения 2014», проходившей 22-23 апреля в Москве и посвященной этому событию, присутствовала и автор статьи, а в юбилейном сборнике была представлена её работа «Некоторые проблемы состояния современного образования: заметки преподавателя».

Сам институт, с точки зрения автора является научным учреждением со своей неповторимой атмосферой. Здесь бережно сохранены все детали интерьера начала века, приборы, привезенные Г.И.Челпановым из Европы и использовавшиеся им в работе, кабинет и многое другое, что определяет неповторимый облик института, который является историческим памятником, уникальными для истории российской психологии, требующим сохранения и бережного отношения. Хотелось бы также рассказать о том, что во второй половине заключительного дня конференции сотрудниками группы истории отечественной психологии «Научный архив» была проведена научно-просветительская программа «Психологический институт: путешествие во времени» (Ведущие – к.псх.н. Е.П.Гусева, к.псх.н. О.Е.Серова, к.псх.н. В.И.Козлов), которая началась у Памятной доски 1914 года в холле института и закончилось у стендов музейной экспозиции

«Г.И.Челпанов: документальные страницы творческой биографии». Программа была направлена на достижение следующих целей: познакомить с историей создания института и деятельностью его сотрудников института в разные годы; предоставить данные новых исследований группы истории отечественной психологии; установить рабочие контакты с историками психологии учебных и научных учреждений [5]. Эта экскурсия позволила не только совершить путешествие во времени, но и окунуться в неповторимую атмосферу «Belle Époque» в России начала XX века.

Судьба Г.И. Челпанова была трагической, как и судьбы многих ученых того времени, психология в 30-е годы XX столетия пребывала в состоянии стагнации, он был лишен работы и средств к существованию, его сын был репрессирован и расстрелян (реабилитирован посмертно), научные достижения обесценены и преданы забвению на долгие годы.

Говоря об истории развития психологии в России, хотелось бы остановить внимание на научных достижениях в том числе и в вопросах изучения преступности и преступников выдающегося русского ученого В.М. Бехтерева, который также был учеником Вундта.

В 1907 году по инициативе В.М. Бехтерева и Д.А. Дриля был создан научно-учебный Психоневрологический институт, в программу которого входила и разработка курса “Судебной психологии”. А в 1909 году в рамках Психоневрологического института был создан Криминологический институт. Судебной психологией начали заниматься профессиональные психологи, и с этого времени она стала развиваться как самостоятельная прикладная отрасль психологии. В судебной психологии наметился круг основных проблем – изучение психики преступников, свидетелей и других участников уголовного процесса, диагностика лжи и др. В.М. Бехтерев активно участвовал в разработке судебно-психологических проблем. Итоги его работы были обобщены им в труде “Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности” [6].

В.М. Бехтерев был титанической фигурой, чье огромное научное наследие до конца не изучено, в должной степени не оценено и является, по существу, предметом изучения специалистами в области медицины и психиатрии, в то время как в его работах содержатся исчерпывающие ответы на многие актуальнейшие вопросы современности. В контексте данной статьи не представляется возможным остановиться на них, хотелось бы лишь сказать несколько слов о научной и научно-практической деятельности В.М. Бехтерева. Он был поистине, как представитель эпохи Возрождения, гениален, фантастически трудоспособен, обладал высокими морально-этическими принципами, считая, что его предназначение это служение России и ее народу. Полагая, что царский режим мешает движению России вперед, с энтузиазмом принял революционные преобразования, но не учел, что такая исполинская, разносторонне образованная, независимая личность, как он, будет не нужна новой власти. Обладая прекрасным здоровьем, в декабре 1927 он умирает в течение одного вече-

ра, тайна его смерти до сих пор до конца не раскрыта, а через 10 лет незаконно репрессируют и расстреливают его вторую жену и сына (реабилитированы посмертно), что указывает на то, что его смерть не была случайной. Дело В.М. Бехтерева продолжили его внучка - выдающийся Российский ученый Н.Н. Бехтерева, научный руководитель Института мозга человека РАН, кандидат биологических наук, доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР, АН СССР, РАН, РАМН и правнук С.В. Медведев, директор Института мозга человека РАН, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Возвращаясь к этапам развития юридической психологии необходимо отметить, что в 1969 году это новое научное направление официально включается в перечень научных специальностей. Нужно перечислить имена тех российских ученых, которые создали российскую юридическую психологию и внесли огромный вклад в ее оформление как науку и продолжают развивать ее основные направления, можно лишь перечислить их имена, так как это тема отдельного исследования, это: Антонян Ю.М., Бородин С.В., Гульдан В.В., Дагель П.С., Ениколопов С.Н., Игошев К.Е., Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Миньковский Г.М., Романов В.В., Столяренко А.М., Тарарухин С.А., Яковлев А.М., Давлетов А.К., Дулов А.В., Еникеев М.И., Кэртэс И., Коновалова В.Е., Ратинов А.Р., Филонов Л.Б., Шахриманьян И.Н., Васильев В.Л., Котов Д.П., Шиханцов Г.Н., Гульдан В.В., Костицкий М.В., Коченов М.М., Кудрявцев И.А., Ситковская О.Д., Глоточкин А.Б., Деев В.Г., Ковалев А.Г., Пирожков В.Ф., Пономарев П.Г., Стурова М.П., Туманов Г.А., Хохряков Г.Ф. В настоящее время подготовкой специалистов-психологов, владеющих знаниями из области психологии и права, и умению применять их на практике занимается, в частности, факультет юридической психологии МГППУ г. Москвы.

Факультет Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета образован в 2004 г. Основой для его создания послужил договор о сотрудничестве между МГППУ и Государственным научным центром социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, одним из признанных центров медицинской и судебной психологии. Факультет уникален — он первый в России самостоятельный факультет юридической психологии, развивающий на основе отечественного и зарубежного опыта новые направления этой отрасли психологической науки и практики.

Цель создания факультета состоит в подготовке современных высококвалифицированных специалистов, востребованных в различных областях деятельности учреждений образования и социальной сферы, правоохранительных органов, экспертных учреждений. Выпускники факультета смогут решать психологические проблемы в юридически значимых ситуациях. Это проблемы детей и подростков, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, — жертв насилия, социальных сирот, несовершеннолетних с отклоняющимся поведением, подростков-правонарушителей. Это проблемы судебно-психологической и комплексной судеб-

ной психолого-психиатрической экспертизы в уголовном и гражданском праве. Это вопросы криминальной психологии, касающиеся психологических аспектов преступного поведения, личности преступника, психологии жертвы, психологической реабилитации правонарушителей и потерпевших от преступлений. Это психологические проблемы предварительного следствия и судопроизводства. Это проблемы формирования правосознания у нового поколения российских граждан, а также многие другие вопросы, которые ставит наша развивающаяся общественная жизнь. Выпускники факультета получают диплом государственного образца по специальности «Психолог. Преподаватель психологии» и специализации «Юридическая психология» или «Психолог. Клинический психолог. Преподаватель психологии» [7].

На настоящий момент издано более 20 учебников по юридической психологии, издаются научные журналы, ведутся многочисленные исследования в различных направлениях, входящих в предмет юридической психологии. В заключении можно сказать, что юридическая психология заняла достойное место в цикле наук, изучающих личность человека во всем ее многообразии.

Пристатейный библиографический список

1. Психоголос. Энциклопедия практической психологии. [Электронный ресурс], URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/vilgelm_vund (дата обращения: 03.04.2015).
2. Чиксентмихайи М. В поисках потока: Психология увлеченности повседневной жизнью. [Электронный ресурс] URL: psychology/finding_flow.zip (дата обращения: 03.04.2015).
3. Рубцов В.В., Серова О.Е., Гусева Е.П. К 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова // Культурно-историческая психология. 2012. №1. С. 92–109.
4. Психологический институт имени Л. Г. Щукиной [Электронный ресурс]: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Психологический_институт_имени_Л._Г._Щукиной (дата обращения: 03.04.2015).
5. Официальный интернет-сайт Психологического института Российской Академии Образования [Электронный ресурс]: В институте состоялись юбилейные Международные Челпановские чтения 2014: Московская научно-практическая конференция к 100-летию Торжественного открытия Психологического института им. Л.Г.Щукиной (1914-2014). URL: <http://www.pirao.ru/ru/novosti/233-chelpanovskie-chteniya> (дата обращения 03.04.2015).
6. Еникеев М.И. Структура и система категорий юридической психологии [Электронный ресурс]. М.: 1996. URL: <http://www.aha.ru/~crimexpt/ARCHIVE/enikeev/contents.htm> (дата обращения: 03.04.2015).
7. Официальный интернет-сайт юридического факультета МГППУ. Раздел «История факультета» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jp.mgppu.ru/faculty-up/faculty1> (дата обращения: 03.04.2015).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Раянов Ф.М.</i>	Понимание гражданского общества и правового государства в отечественной юридической науке и современные потребности в его переосмыслении	3
<i>Тлепина Ш.В.</i>	Становление юридического факультета КазГУ – флагмана высшего юридического образования Казахстана в советский период	11
<i>Заричанский О.А., Заричанская Н.В.</i>	Функции правовой культуры будущих юристов	17
<i>Утяшев М.М.</i>	Теория социального государства	22
<i>Куксин И.Н., Ильина Т.Н.</i>	Кадры военной юстиции: опыт Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века	28
<i>Петров А.В.</i>	Защита прав и свобод человека как определяющий фактор процесса формирования гражданского общества в Российской Федерации	38
<i>Петров А.В., Асташов Д.С.</i>	Юридический позитивизм И. Бентама и Дж. Остина: опыт сравнительно-правового анализа	43
<i>Тарасов А.А.</i>	Мировоззренческий аспект реализации уголовной политики в правовом государстве	48
<i>Попова А.В.</i>	Социальное правовое государство как государственно-правовой идеал в российской неолиберальной политико-правовой доктрине	54
<i>Тимонин А.Н.</i>	Российское государствоведение сегодня: между марксизмом-ленинизмом и западнизмом	59
<i>Хисматуллин Р.С.</i>	Актуальные проблемы модернизации судебного рассмотрения дел о преступлениях в сфере экономической деятельности	63
<i>Баишева З.В.</i>	Концепт «правда» в русском мировоззрении	67

<i>Габитов Р.Х.</i>	К вопросу об усилении правовой охраны окружающей среды в Республике Башкортостан	72
<i>Саттарова Н.А.</i>	О факторах обусловленности государственного принуждения в сфере обеспечения безопасности	77
<i>Полстовалов О.В.</i>	Новые-старые ориентиры международного сотрудничества по борьбе с наркотрафиком на площадке шос	84
<i>Муратишин Ф.Р.</i>	Буква и «дух» конституции: возможности нового прочтения конституционных норм	89
<i>Галлямов Р.Р.</i>	Этнонациональные процессы в правовом государстве: юридические и политические основы регулирования	95
<i>Исхаков Э.Р.</i>	Совершенствование организации медицинской помощи, обеспечение и защита прав пациентов в указах Российской империи, принятых в конце XVIII века	99
<i>Юсупов Р.Г., Ибрагимова А.А.</i>	Правовое регулирование хозяйственной деятельности России в условиях вступления во всемирную торговую организацию	107
<i>Галиев Ф.Х.</i>	Правовая культура в условиях правового государства	114
<i>Азнагулова Г.М.</i>	Тенденции развития правового государства в современных условиях	123
<i>Аминов И.Р.</i>	Роль органов местного самоуправления в решении этнических конфликтов	131
<i>Ахмадуллин А.С.</i>	Идеология «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» – угроза основам конституционного строя и безопасности России	135
<i>Ахтямова Е.В., Шмульсон С.М.</i>	К вопросу о проблемах оказания услуг в сфере потребительского кредитования в РФ	142

<i>Бабичев А.Г.</i>	Некоторые вопросы назначения наказания за убийство совершенное при превышении пределов необходимой обороны	145
<i>Бадамшин И.Д.,</i>	К вопросу о содержании категории «иная тяжёлая болезнь»	152
<i>Валеева А.А.</i>	Категория связанности субъектов как характеристика отношений, основанных на корпоративной субординации их участников	158
<i>Валеев Р.А.</i>	О некоторых аспектах частноправового регулирования корпоративных отношений	161
<i>Васильев А.В.</i>	Разделение властей и парламентаризм в учении Джозефа Аддисона	164
<i>Газизов Р.Р.</i>	Отечественный и зарубежный опыт создания новейших инфраструктурно-аналитических институтов обеспечения деятельности государства	168
<i>Галикеева И.Г.</i>	Нотариат России как институт гражданского общества	175
<i>Галимов Р.Р.</i>	Достоинство как объект уголовно-правовой охраны в рамках статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»	180
<i>Гафарова Г.Р.</i>	Финансово-правовые особенности мониторинга цен	184
<i>Диваева И.Р., Николаева Т.В.</i>	Оставление в опасности: спорные вопросы толкования и квалификации	189
<i>Еникеев Р.Н.</i>	Вопросы нормативного регулирования карантинных и противоэпидемических мероприятий в Российской империи	195
<i>Жичкина С.Е.</i>	Правовое государство: проблемы понимания и реализации	199
<i>Зеленцов А.А., Коломийченко Е.В.</i>	Генезис законодательства дореволюционной России XX века о противодействии коррупции	203

<i>Зубаиров М.Г.</i>	Правовое обеспечение организации военно-медицинской помощи в Российской империи XVII–XIX вв.	209
<i>Ибрагимова Ф.М., Тулупова Е.О.</i>	Актуальные проблемы конституционного развития в сфере разграничения предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами	214
<i>Искужин Т.С.</i>	Значение церковного устава Владимира Свято-славовича в становлении медицинского законодательства Российской империи	221
<i>Ишмеева А.С.</i>	Бухгалтерский экологический учет в системе информационных источников управления	225
<i>Каримова Г.Ю.</i>	Понятие и причины латентной преступности	229
<i>Касимов Т.С.</i>	Правовое государство как концепция будущего	235
<i>Козырева И.Е.</i>	Юридическая психология: история и современность	239

Научное издание

**ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ**

*Сборник статей
Международной научно-практической конференции
г. Уфа, 16-17 апреля 2015 г.*

Часть 1

Редактор А.Ф. Файзуллина

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 10.04.2015 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 14,53. Уч.-изд.л. 18,15.
Тираж 130 экз. Изд. № 49. Заказ 41.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131-105.*